

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Ленц С. (Герма-
ния); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф.
Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федо-
ров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров
В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Кали-
нинград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва);
д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Кова-
лев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Мо-
сква); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потockая
Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Мо-
сква); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф. Смирня-
гин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 14.02.13 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 1 (39), 2013**Отпечатано:**

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	4
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD	4
Потапенко М.В., Холина В.Н., Шолудько А.Н. Рост экономического присутствия Китая в Африке как угроза развитию российско-китайских отношений	4
Potapenko M.V., Kholina V.N., Sholudko A.N. Increase of China's economic presence in Africa as a threat to the development of relations between Russia and China	4
Тархов С.А. Транспорт в городах Турции	11
Tarkhov S.A. Transport in Turkey's cities	11
Чаплиньски П. Пространственная структура и территориальная организация рыбоперерабатывающей промышленности Польши	28
Czaplinski P. Spatial features of the territorial organization of fish processing industry in Poland	28
Шарый В.И. Задачи и принципы трансформации системы местного самоуправления в условиях реформы административно-территориального устройства Украины	35
Shariy V.I. Objectives and principles of the transformation of local government in the reform of the administrative-territorial structure of Ukraine	35
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	41
DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY	41
Нагирная А.В. Информационно-коммуникативная открытость стран мира	41
Nagirnaya A.V. Information and communication open the world	41
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	49
THEORY OF REGIONAL STUDIES	49
Рябов Ю.В. Обоснование механизмов защиты земельных ресурсов от возникновения несанкционированных свалок (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)	49
Ryabov Y.V. Rationale of mechanisms for the land protection from illegal dumping (by example of St.-Petersburg and Leningrad region)	49
Эм П.П. Применение правила «ранг-размер» для систем размытых центральных мест (на примере новых индустриальных стран)	56
Em P.P. Applying of rank-size rule for fuzzy central place system (in terms of new industrialized countries)	56
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	60
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	60
Бадов А.Д. Естественное движение населения Северной Осетии	60
Badov A.D. Natural population movement of North Ossetia	60
Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект	68
Glushkova V.G., Khoreva O.B. Management of demographic development of Russia: regional aspect	68
Гордиенко Н.М. Исследование инвестиционной привлекательности Белгородской области	73
Gordienko N.M. Study of investment attraction Belgorod region	73
Дегтева Ж.Ф. Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия)	80
Degteva J.F. The transformation of the ethnic structure of the Republic of Sakha (Yakutia)	80
Еремин А.А. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе	86
Eremin A.A. Demographic situation in the altai territory at the present stage	86
Завьялова О.Г., Менщикова Л.В. Сфера обслуживания как индикатор качества жизни (на примере Курганской области)	95
Zavyalova O.G., Menshchikova L.V. Scope of service as an indicator of the quality of life (for example Kurgan region)	95
Корнев И.Н., Абросимова И.В. Дифференциация этноконфессионального пространства Курганской области	100
Kornev I.N., Abrosimova I.V. Differentiation of the ethnoreligious space Kurgan region	100

Королёва Е.Ю. Особенности механизма взаимодействия участников цепочки «производитель коммунальных ресурсов – домохозяйства» в городских округах и поселениях Смоленской области	105
Korolyeva E.Y. Especially the interaction mechanism of the chain «manufacturer of utility resources, households» in urban districts and settlements of Smolensk region	105
Михайлов К.Л., Михайлова Г.В. Социально-экологические аспекты освоения Штокмановского месторождения и оценка рисков в восприятии местного населения	109
Mikhailov K.L., Mikhailova G.V. Social and environmental issues shtokman and risk assessment in the perception of the local population	109
Урманов Д.В. Институциональные барьеры формирования и развития механизмов межмуниципального сотрудничества в России	114
Urmanov D.V. Institutional barriers to the formation and development of mechanisms for inter-municipal cooperation in Russia	114
Шарыгин М.Д., Лучников А.С. Региональная политика в области территориальной организации социэкономки (на материалах Пермского края)	122
Sharygin M.D., Luchnikov A.S. Regional policy for territorial organization of socioeconomics (on the example of Perm krai)	122
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	136
HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT	136
Забелин П.В. Обеспечение продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы Первой мировой войны	136
Zabelin P.V. Role of a zemstvo and city self-management in the decision of a food question in period of the First World War (on materials of Smolensk province)	136
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	143
Сергею Сергеевичу Артоблевскому – 60 лет	143
Сведения об авторах	145
Требования к оформлению материалов	146

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Потапенко М.В., Холина В.Н., Шолудько А.Н. (Москва)

РОСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ КИТАЯ В АФРИКЕ КАК УГРОЗА РАЗВИТИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Potapenko M.V., Kholina V.N., Sholudko A.N.
INCREASE OF CHINA'S ECONOMIC PRESENCE IN AFRICA
AS A THREAT TO THE DEVELOPMENT
OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

***Аннотация.** В статье исследуется растущий интерес Китая к Африке как объекту китайской помощи на цели развития, за которой, как правило, следует рост торговли со странами региона. Раскрываются отличия официальной помощи развитию стран ОЭСР от китайской помощи на цели развития. Проведен сравнительный анализ африканско-китайской и российско-китайской торговли, позволивший выявить схожесть в экономических отношениях Китай-Африка и Китай-Россия, основанных на взаимодополняемости экономик – преобладании в китайском импорте из данных стран сырьевых товаров. Сделанные на основе данного анализа выводы позволили определить наличие потенциальной угрозы развитию экономических отношений России и Китая, специфику ведения Китаем внешнеэкономической деятельности в Африке, причины роста интереса к региону.*

***Abstract.** This article examines China's growing interest in Africa as in an object of Chinese development assistance, which is followed, as a rule, by increasing of trade with region's countries. It is shown that there are some differences between the official development assistance from OECD countries and the Chinese development aid. The article presents the comparative analysis of Sino-African and Sino-Russian trade with highlighting the similarities, which are based on the complementarity of the region's economies and the predominance of primary commodities in China's imports from these countries. The analysis allowed to determine the potential threat to the development of economic relations between China and Russia. Also the article deals with the peculiarities of China's foreign activity in Africa, and the reasons for China's soaring interest in the region.*

***Ключевые слова:** российско-китайское, африканско-китайское экономическое сотрудничество, Китай, Россия, Африка, внешняя торговля, официальная помощь развитию, экономические и политические интересы стран.*

***Keywords:** Russian-Chinese, African-Chinese economic cooperation, China, Russia, Africa, foreign trade, official development assistance, economic and political interests.*

Российско-китайские экономические отношения с конца XX в. находятся в фазе устойчивого развития. Такое развитие обусловлено, в первую очередь, совпадающими интересами двух держав в области налаживания стратегического партнерства, взаимодополняемостью экономик, а также конъюнктурой мировых товарных рынков.

Несмотря на положительную тенденцию роста товарооборота, Россию не устраивает

отводимая ей многими китайскими политиками роль «сырьевого придатка». В этой связи одним из основных экономических интересов России является диверсификация высококонцентрированного экспорта в Китай. Так, индекс концентрации CR³ для трех лидирующих товарных групп экспорта России в Китай равен 68,5%. На протяжении последних десяти лет доля продукции первичного передела составляет в российском

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Перспективы многостороннего взаимодействия стран БРИКС как новых доноров программ содействия международному развитию», проект №12-32-01022a1.

² CR (concentration ratio) – показатель, отражающий степень концентрации. Соответствует доли 3 (CR₃), 5 (CR₅) и т.д. лидирующих товарных групп в общем объеме экспорта до двух знаков ТН ВЭД. Свыше 45% – высококонцентрированный рынок.

экспорте в Китай более 90%, главенствующее место в котором занимает нефть и нефтепродукты (49,5%) [9]. Поэтому очевидно, что основной проблемой для России в отношениях с Китаем является узость товарной номенклатуры в торговле.

Российское стремление диверсифицировать товарную структуру торговли не в полной мере устраивает Китай, испытывающий нехватку энергетических ресурсов для развития своей быстрорастущей экономики. В связи с этим Китай, в свою очередь, проводит политику диверсификации источников импорта нефти. Как полагают китайские политологи, КНР в своей энергетической сфере должна ориентироваться на стратегию «трех третей», согласно которой в импорте страной нефти по 1/3 должны занимать регионы Ближнего и Среднего Востока, Африки – Азиатско-Тихоокеанского региона и России – Центральной Азии [3]. Такая стратегия «поворачивает» Китай в сторону других торговых партнеров, создавая тем самым потенциальную угрозу минимизации российско-китайских экономических отношений.

Опасения России подтверждаются тем, что в последнее время КНР активно наращивает свое дипломатическое и экономическое присутствие во многих развивающихся странах посредством финансирования их инфраструктуры, разработки и поддержания проектов, связанных с природными ресурсами, а также посредством масштабных инвестиций.

Страны Африки становятся лидерами среди принимающих помощь и поддержку Китая стран. Не на последнем месте находится Африканский регион. Наращивание сотрудничества КНР с Африкой с большой вероятностью может повлиять на будущее развитие российско-китайских экономических отношений.

Для решения главной задачи данного исследования о понимании того, существует ли реальная угроза российско-китайским отношениям в связи с диверсификацией внешнеэкономической деятельности Китая, необходимо рассмотреть различные направления экономического сотрудничества между КНР и Африкой. Стоит отметить, что Африка – как регион, где сосредоточено 33 из 49 наименее развитых стран мира, получает помощь на цели развития от всех развитых стран.

Проблема экономических взаимоотношений России и Китая уже поднималась специалистами по Китаю (А. Лукин [1, 2], В. Портяков [3], М. Капица, О. Колосков, М. Титаренко и др.). Активные статистические исследования торгово-экономических отношений РФ и КНР ведутся Торговым представительством РФ в КНР [8, 9]. Эволюцией и проблемой китайско-африканских экономических отношений занимались такие западные ученые, как К. Алдан, К. Эдвардс, Р. Дженкинс. Известны исследования Д. Бройтигам по выявлению сути китайской помощи Африке [16, 17]. Большую работу по формированию и анализу статистики африканско-китайских отношений проводит Всемирный банк [10].

Торговые отношения Африка – Китай, Россия – Китай: общее и особенное. Специфика китайско-африканских экономических отношений заключается в том, что для Африки Китай одновременно является рынком сбыта, донором, кредитором, инвестором, а также страной, предоставляющей рабочую силу. Если раньше во всем разнообразии форм африканско-китайского сотрудничества преобладала официальная финансовая и техническая помощь, то сейчас на первое место выходит сильно выросшая в последние годы коммерческая деятельность [20].

Одним из важнейших направлений этой деятельности является торговля. Торговля между Африкой и Китаем начала расти с начала XXI в. В 2001–2006 гг. африканский экспорт в Китай рос ежегодно на 40% и с 4,8 млрд долл. достиг 28,8 млрд долл. США. В этот же период африканский импорт из Китая увеличился в 4 раза до 26,7 млрд долл. Экспорт Стран Африки к Югу от Сахары составил в 2006 г. 85% всего африканского экспорта в Китай [20. С. 5].

Для стимулирования китайско-африканской торговли очень важны свободный доступ на рынки сбыта и торговая политика. В январе 2005 г. китайское правительство приняло Специальное преференциальное соглашение по тарифам, которое сняло тарифные ограничения со 190 видов товаров, экспортируемых в Китай из 25 африканских стран. В 2006 г. количество видов товаров было увеличено до 440. Данная мера стимулировала рост китайского импорта из Африки на 88% за год [20. С. 16].

В 2008 г. Китай являлся третьим по величине торговым партнером Африки после ЕС

и США. Товарооборот между Африкой и КНР составлял в 106,6 млрд долл. (для сравнения, оборот между США и африканскими странами равнялся 142 млрд долл.) [18. С. 10].

Уже в 2011 г., по данным Министерства Коммерции КНР, Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки с оборотом в 166,3 млрд долл. Экспорт Африки из Китая вырос на 21,9% по сравнению с 2010 г. и составил 73,1 млрд. [12]. С 2009 г. наметилась тенденция в сторону отрицательного сальдо торгового баланса африканско-китайской торговли. В 2011 г. импорт Африки из Китая превысил экспорт на 20,1 млрд долл., т.е. на 27%.

В сравнении с африканско-китайской торговлей, товарооборот между Россией и Китаем, который, как представляется, рос быстрыми темпами и принимал значения, обозначенные в качестве целей правительств двух стран, в итоге к концу первого десятилетия XXI в. оказался в 2 раза ниже значений объема торговли между Африкой и КНР, едва достигнув 79,5 млрд долл. (рис. 1). По сравнению с Африкой ниже оказалась и доля России во внешней торговле Китая: по данным на 2011 г. 2,2% против 4,5% [12].

Товарная структура взаимной торговли Россия-Китай, Африка-Китай. Рост торговли между Африкой и КНР объясняется не только ростом экономик регионов, но и мо-

делью их взаимодополняемости, что также присуще российско-китайским отношениям. Китай импортирует топливо и другие ресурсы, Африка нуждается в инвестициях и промышленных товарах из Китая.

В 2006 г. нефть и газ составляли 62% всего экспорта Африки в Китай, за ними следовали другие минеральные продукты и металлы (13%). Импорт региона из Китая состоял в основном из промышленных товаров (45%), продукции машиностроения и транспортного оборудования (31%) [20].

При сравнительном анализе товарной структуры торговли России и Китая также выявляется обозначенная ранее взаимодополняемость, или комплементарность экономик двух стран. Структура импорта Китая, включающая в себя в основном продукцию машиностроения, дает России возможность расширять экспорт машин и оборудования, диверсифицируя внешнюю торговлю, тем самым давая стимулы для развития конкурентоспособного производства и перехода на инновационное развитие экономики [4].

Несмотря на положительные перспективы, в товарной структуре российского экспорта усиливается тенденция к увеличению удельного веса сырьевых товаров и продукции первичного передела. В 2010 г. на первом месте в российском экспорте оставались поставки «минерального топлива, нефти и неф-

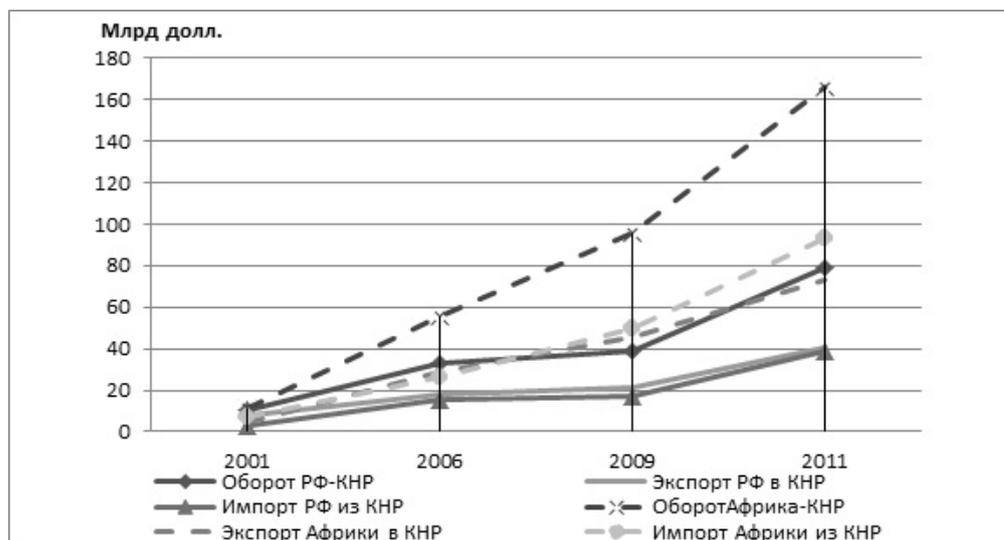

Рис. 1. Динамика основных показателей российско-китайской и африканско-китайской торговли (2001–2011 гг.)

Составлено автором по данным Бюллетеней экономической информации по материалам китайской прессы за разные годы / Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – URL: www.economy.gov.ru; по данным Министерства коммерции КНР [Электронный ресурс]. – URL: www.mofcom.gov.cn

тепродуктов», или 49,45% всего российско-го экспорта в Китай против 44,11% в 2009 г. (максимум в 56,12% был в июле 2006 г.) [8].

Если в начале XXI в. на сырье и полуфабрикаты приходилось менее 70% (в 2001 г. – около 55%), то после 2002 г. наблюдается резкий рост этих товарных групп. К 2010 г. более 70% российского экспорта в Китай приходится на поставки нефти, нефтепродуктов, древесины и металлов, т.е. на традиционный, сырьевой экспорт [14].

Поставки российского леса покрывают около 50% потребностей Китая, по стали – около 20%, по нефти – 4–5%, то есть по ряду товаров удельный вес России существенно выше, чем просто ее усредненный удельный вес во внешней торговле Китая [14]. По поставкам сырой нефти доля России в совокупном импорте Китая за 2010 г. составила 6,37% против 7,51% по итогам 2009 г., или четвертое место после Саудовской Аравии (18,64%), Анголы (16,47%) и Ирана (8,9%) [8].

Основной задачей настоящего времени и основным экономическим интересом России в отношении Китая является достижение диверсификации поставок, расширение товарного ассортимента в сторону увеличения доли продукции высокотехнологичных производств, то есть создание комплементарности иного типа – постиндустриального – и превращение «ограниченного» партнерства (т.е. ограниченного интересами удобства стран) в стратегическое. В первую очередь это относится к российскому экспорту.

Стремление России изменить структуру экспорта в Китай в пользу товаров с более высокой долей добавленной стоимости наталкивается на политику КНР, направленную на решение энергетического вопроса и лоббирование своих интересов. Это – основные причины переориентации экономического сотрудничества на страны Африки.

Доступ к нефти и минеральному сырью движет не только стремлением Китая наращивать торговые отношения между ним и африканскими странами, но и является одной из основных причин возросшего интереса к предоставлению помощи развитию региону. Доказательством этого служит то, что африканская нефть составляет 80% от всей торговли региона с КНР и около трети от китайского импорта нефти в целом. Около

70% финансируемой Китаем инфраструктуры континента сконцентрировано в Анголе, Нигерии, Эфиопии и Судане, т.е. странах, имеющих у себя места добычи нефти. Ангола, Конго и Судан³, обладающие самыми большими запасами нефти в регионе, расплачиваются ей с Китаем за предоставленные кредиты. Судан посылает 60% своей сырой нефти в КНР [18. С. 10].

Особенностью присутствия Китая в Африке является то, что его торговля с регионом и коммерческая активность растут быстрее потоков помощи, направленных на содействие развитию. Если в 1990–1992 гг. официальная помощь развитию составляла 20–21% от торговли между Африкой и Китаем, то в 2004–2005 гг. это значение снизилось до 3–4% [20]. Пока львиную долю финансов на цели развития региона Китай предоставляет посредством экспортных кредитов не по официальной линии, а от частных компаний.

Однако для стран Африки китайская помощь все же является важным элементом развития экономики. Так, африканской инфраструктуре необходима помощь и санация. Согласно исследованиям Всемирного экономического форума и Всемирного банка, африканские компании теряют до 8% продаж из-за устаревания основных фондов и до 3% из-за задержек в транспортировке [20. С. 20].

Китай: финансирование развития Африки. Китайские экономические связи с Африкой привлекают особое внимание благодаря быстро растущим темпам. В целом, инвестиции и экспорт-импорт Китая в страны Африки являются позитивным фактором их экономического роста, однако эксперты не однозначно решают вопрос о влиянии Китая на развитие региона. Особенно остро дискуссия затрагивает финансирование региона на цели развития [17].

За последние годы китайская помощь Африке значительно выросла. В течение 1970–1980-х гг. Китай предоставлял поддержку странам Африки в основном в форме инфраструктурных проектов, технической помощи, проектов здравоохранения, стипендий на обучение в КНР. Такая помощь имела скорее политический характер: укрепление дружбы с «неопределившимися» по политическим вопросам странами, проблема признания Тайваня. Эта политика принесла

³ В 2011 г. на политической карте мира появилось новое государство – Южный Судан (отделилось от Судана по результатам референдума), запасы нефти сосредоточены именно на его территории.

свои успехи: к 2010 г. только 4 из 48 африканских стран к Югу от Сахары (Буркина-Фасо, Сан-Томе, Гамбия и Свазиленд) до сих пор имеют официальные связи с Тайванем. В 2007 г. Китай предложил Малави направить помощь и инвестиции в размере 6 млрд долл. в основные сектора экономики. В январе 2008 г. Малави разорвала дипломатические отношения с Тайванем и установила их с КНР [18. С. 9].

Правительство КНР поддерживает компании, работающие на рынках развивающихся стран, в первую очередь, Африки, и предоставляет льготы странам-реципиентам, которые в другом случае для них могут быть недоступны. Более того, многие китайские инвестиции за рубежом могут быть расценены скорее как помощь развитию, а не прямые иностранные инвестиции, т. к. они подкреплены официальными двусторонними соглашениями и не содержат реальных финансовых рисков для вовлеченных китайских компаний [18. С. 2].

Финансирование развития и помощь: общее и особенное. Международное финансирование – это совокупность финансовых ресурсов, поступающих в развивающиеся страны из официальных и частных источников. Кроме финансового содействия официальные доноры предоставляют гуманитарную (прежде всего продовольственную), а также техническую и консультативную помощь в проведении институционально-структурных преобразований.

В официальное финансирование развития (ОФР, Official development finance – ODF) входят все официальные потоки в целях развития, поступающие в принимающие страны на двусторонней и многосторонней основе. По условиям предоставления они подразделяются на официальную помощь развитию (ОПР, Official development assistance – ODA) и «другие официальные потоки в целях развития» (other Official development finance – other ODF) [13].

В официальную помощь развитию, согласно стандартному определению стран-членов Комитета помощи развитию (ДАК, Development Assistance Committee – DAC) ОЭСР, принятому в 1972 г., включаются официальные потоки на концессионных условиях с содержанием грант-элемента в размере не менее 25%. Их основной целью является содействие экономическому развитию и

благополучию принимающих стран. В «другие официальные потоки в целях развития» включаются официальные потоки, тоже ориентированные на развитие, но которые не могут рассматриваться в качестве ОПР. В частности, в таких средствах со стороны иностранных государств преобладает рефинансирование займов и капитализация процентов по соглашениям со странами-членами Парижского клуба о реструктуризации долгов стран-заемщиков [7].

Официальное финансирование включает также кредиты официальных экспортных агентств, направленные на стимулирование взаимной торговли стран-кредиторов и реципиентов.

Часть китайской зарубежной помощи попадает под определение официальной помощи развитию согласно определению Комитета помощи развитию, но, с другой стороны, содержит основные характеристики прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (табл. 1).

В отличие от стран-членов ОЭСР, чьи потоки ОПР в Африку гораздо выше других официальных потоков в целях развития, Китай осуществляет финансирование региона преимущественно через второй инструмент [16].

Официальная помощь Китая странам Африки региону включает в себя гранты, кредиты с нулевой ставкой и концессионные кредиты с фиксированной или низкой ставкой процента (которые можно отнести к ОПР), а также преференциальные экспортные кредиты и коммерческие кредиты китайских банков, не попадающих под понятие ОПР. С помощью этих инструментов финансируются стипендии китайского правительства африканским студентам (5500 студентов в год), китайские врачи и медицинский персонал, строительство стадионов, правительственных зданий, телекоммуникационных сетей и других объектов инфраструктуры, техническая помощь в секторах сельского хозяйства и др., молодые волонтеры и предоставление другой материальной помощи [16].

Китайскую помощь за рубежом трудно оценить количественно, т.к. Правительство КНР не выпускает соответствующей статистики.

Китай: структура помощи развитию Африки. Начиная с 1995 г. Китай направил около 10,8 млрд долл. в виде концессионных кредитов 76 странам мира на поддержку 325 проектов, из которых к 2009 г. были реализованы 142. 61% от вышеназванной суммы

Таблица 1

Сравнение ОПР согласно определению ОЭСР и «китайской помощи развитию»

	Правительство правительству	Финансирование через агентства по развитию	Тесная связь с экономикой страны-донора	Концессионные или преференциальные условия займа	Оплата долга не в денежной форме	Грант-элемент мин. 25%	Частное или корпоративное финансирование
Донор-член ОЭСР	да ¹	да	нет	да	нет	да	нет
Китай	да	нет ²	да ³	да	да ⁴	нет	нет

Источник: P. Devies China and the End of Poverty in Africa, August 2007; Building Bridges: China's Growing Role as Infrastructure Financier for Sub-Saharan Africa / The World Bank, No. 5. – 2008 [Электронный ресурс]. – URL: www.worldbank.org

¹ Гранты могут предоставляться некоммерческим организациям, базирующимся как в стране-доноре, так и в стране-реципиенте.

² Помощь КНР предоставляется преимущественно в форме концессионных займов, управляемых Экспортно-импортным банком Китая.

³ Проекты помощи облегчают экспорт природных ресурсов и сырья в Китай и используют китайские компании, материалы и рабочую силу.

⁴ В некоторых случаях реципиенты осуществляют погашения китайских займов посредством нефти и сырья.

было направлено на развитие экономической инфраструктуры, 16% – на поддержку промышленности, 9% – на развитие энергетики и ресурсов [16].

Согласно официальной статистике к концу 2009 г. Китай выделил на цели развития зарубежных стран 37,7 млрд долл., вкл. 15,6 млрд в качестве грантов, 11,3 млрд в виде кредитов по нулевым ставкам и 10,8 млрд в виде концессионных кредитов. При этом с 2004 г. наблюдался ежегодный рост помощи на 29,4%. В 2009 г. около 46,7% всей помощи было направлено в Африку, т.е. регион вышел на первое место среди реципиентов помощи от Китая. Согласно отчету Государственного совета КНР 2011 г., около 40% китайской помощи в Африку направляется по статье гранты [16].

Помощь развитию администрируется Министерством Коммерции Китая. Помимо межправительственных займов потоки ссудного капитала между Африкой и Китаем создаются через торговые средне- и долгосрочные кредиты. Торговые кредиты предоставляются поставщиками или финансовыми институтами. Большую роль в этой связи играет Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк). К концу первого десятилетия XX в. Эксимбанк КНР имел 259 проектов в 36 африканских странах, 79% из которых были в сфере инфраструктуры. Согласно от-

четности за 2005–2006 гг. на проекты было направлено в т.ч. 2,6 млрд долл. на финансирование строительства двух дамб и ГЭС в Мозамбике, 1,2 млрд долл. на новый заем Гане (вкл. 600 млн на строительство дамбы), 1,6 млрд долл. на нефтяной проект в Нигерии, была открыта кредитная линия в 2 млрд долл. Анголе с возможностью получения второй линии в размере до 10 млрд долл., а также предоставлены экспортные кредиты на проекты в Конго, Судане и Зимбабве [20]. Это финансирование в разы превысило потоки ОПР Китая Африке.

Кроме того, в сентябре 2010 г. Китайский банк развития, предоставляющий кредиты по ставке ЛИБОР плюс минимум 200 базисных пунктов⁴, заявил о направлении на проекты в Африку более 10 млрд долл. и финансировании 35 проектов в 30 африканских странах на сумму 5,6 млрд долл. Большая часть предоставленных кредитов была направлена в ЮАР, Анголу и Ботсвану [16].

Объемы ОПР, предоставляемой Китаем Африке, в последние годы значительно выросли, однако все еще меньше сумм, направляемых другими донорами. По оценке Д. Бройтигам, в 2008 г. Китаем в качестве ОПР в Африку было направлено 1,2 млрд долл. Для сравнения – Мировой Банк направил 4,1 млрд, США – 7,2 млрд, Франция – 3,4 млрд. [16].

⁴ ЛИБОР (LIBOR – London Interbank Offer Rate, Лондонская межбанковская ставка продавца) – процентная ставка, по которой лондонские банки кредитуют друг друга для поддержания своей текущей ликвидности. Ставка ЛИБОР является основной при оценке процентного дохода от займов на международных финансовых рынках. Один базисный пункт равен одной сотой процента.

Китайская помощь часто имеет большую ценность для стран-реципиентов по сравнению с ее денежным размером. Во-первых, помощь предоставляется относительно быстро и просто, без экономических, социальных и природоохранных условий и мер и бюрократических процедур, характерных для помощи стран-доноров ОЭСР. Во-вторых, Китай часто претворяет в жизнь проекты в тех странах, областях и секторах, которые развитые страны стараются избегать в силу различных, чаще политических, причин. Построенные Китаем за рубежом общественные объекты инфраструктуры (национальные культурные центры, стадионы, дороги) приносят стабильный доход и блага принимающим странам.

Инвестируя в страны Африки, Китай преследует более долгосрочные цели, чем просто удовлетворение потребностей в ресурсах. Усиливая свои позиции в Африке, он получает широкую политическую поддержку от стран-реципиентов. Также в систему его интересов входит открытие иностранных рынков для китайских товаров, помощь китайским компаниям в инвестировании, создание заводов и развитие рынков за рубежом.

Проанализировав африканско- и российско-китайскую торговлю, можно сделать вывод о схожести отношений между регионами. Товарная структура торговли между странами почти идентична. На лицо комплементарность экономик и наблюдающийся интерес Китая к сотрудничеству. Однако в силу корыстных причин и собственных национальных интересов предпочтения российского крупнейшего соседа, Китая, пока, к сожалению, все больше отдаются в пользу Африки.

Парадокс заключается в том, что, стремясь к собственным национальным интересам по изменению качества сотрудничества с Китаем, Россия в лице Китая теряет торгово-экономического партнера в том качестве, в каком бы она хотела видеть его в будущем – стратегический партнер с устойчиво растущей взаимной торговлей и разнообразными

формами экономических отношений. Хотя в плане инвестиционного сотрудничества Россия с Дальним Востоком является не менее интересным регионом для получения китайских инвестиций и строительства с их помощью инфраструктуры, а также как партнер в приграничной торговле. Для некоторых субъектов региона (Амурская область) сотрудничество с Китаем является практически единственной формой экономического выживания. С 1993 г. доля китайских товаров в общем объеме экспорта и импорта товаров в Амурскую область колеблется от 29 до 99% [6]. Кроме того, Дальний Восток обеспечен продовольствием также, в первую очередь, благодаря Китаю. Поэтому, не пуская Китай на Дальний Восток из-за мнимой «китайской угрозы», Россия тем самым усугубляет снижение к ней интереса Китая, т.к. Китай все еще ставит во главу угла международных отношений политику и свои потребности, лоббируя свою позицию и направляя свои усилия и финансы туда, где есть наибольшая для него выгода.

Поэтому, пока правительства России и Китая продолжают ставить количественные цели по достижению товарооборотом значения в 200 млрд долл. к 2020 г., для поддержания своих интересов Китай, следуя своей политике поддержки Африки, на проходившем в июле 2012 г. Форуме Китайско-африканского взаимодействия принимает решение дальше инвестировать и финансировать устойчивое развитие региона [12].

Китай продолжит и наращивание помощи Африканскому региону. КНР пошлет в Африку 1500 врачей и медицинского персонала и продолжит предоставлять бесплатное медицинское лечение от катаракты. Также согласно программе Африканских талантов будет отобрано 30 тыс. жителей региона разных профессий и предложено 18 тыс. правительственных стипендий. В планах Китая также проекты по защите окружающей среды, среди которых проекты по обеспечению региона пресной водой [12].

Библиографический список

1. Лукин А. Актуальные проблемы взаимодействия России и Китая и пути углубления двустороннего сотрудничества // Аналитические записки. – № 4 (33). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 3–31.
2. Лукин А. Российско-китайские отношения: не ослаблять усилий // Международная жизнь. – 2009. – № 11. – С. 89–105.
3. Портяков В.Я. От Цзян Цземиня к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.: очерки. – М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2006.

4. Потапенко М.В., Холина В.Н. Стратегическое партнерство России и Китая как фактор глобальных международных политических и экономических отношений // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2011. – № 2. – С. 75–83.
5. Потапенко М.В. Эволюция взаимных экономических интересов России и Китая // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2011. – № 2. – С. 40–48.
6. Родионова И.А., Парфенов А.И., Шубин В.В. Динамика внешней торговли Китая и изменение позиций страны в мировой экономике // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2011. – № 3. – С. 103–114.
7. Федякина Л.Н. Международные финансы. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с.
8. Бюллетень экономической информации по материалам китайской прессы за январь 2010 г. / Аналитический обзор Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreignEconomicActivity/department/doc2010_0201_06.
9. Бюллетень экономической информации по материалам китайской прессы за декабрь 2010 г. / Аналитический обзор Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/doc1233130_054868.
10. Всемирный Банк. Официальный сайт. URL: www.worldbank.org.
11. Международный Валютный Фонд (МВФ). Официальный сайт. URL: www.imf.org.
12. Министерство Коммерции КНР. Официальный сайт. URL: www.mofcom.gov.cn.
13. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Официальный сайт. URL: <http://www.oecd.org/dac>.
14. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Китаем / Аналитический обзор Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20101221_09.
15. Федеральная таможенная служба РФ. Официальный сайт. URL: www.customs.ru
16. Bräutigam D. Aid 'With Chinese Characteristics': Chinese Foreign Aid and Development Finance Meet the OECD-DAC Aid Regime // Journal of International Development. – 2011. – V. 23. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.american.edu/sis/faculty/upload/Brautigam-Aid-with-Chinese-Characteristics.pdf>.
17. Bräutigam D. Chinese Development Aid in Africa: What, Where, Why, and How Much? / Golley J., L. Song Rising China: Global Challenges and Opportunities. – Canberra : Australia National University Press, 2011. – С. 203–223.
18. China's Foreign Aid Activities in Africa, Latin America, and Southeast Asia / Congressional Research Service. – 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R40361.pdf>.
19. Renard M.-F. China's trade and FDI in Africa // Working Paper of African Development bank. – 2011. – №126. [Электронный ресурс]. – URL: www.afdb.org.
20. Wang J.-Y. What Drives China's Growing Role in Africa? // IMF Working Paper. – October 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07211.pdf>.

Тархов С.А. (Москва)

ТРАНСПОРТ В ГОРОДАХ ТУРЦИИ¹

Tarkhov S.A.

TRANSPORT IN TURKEY'S CITIES

***Аннотация.** Негативные последствия автомобилизации привели к необходимости создания альтернативных транспортных систем в больших городах Турции. В течение последних 25 лет возникли 4 новые системы легкого и 3 системы обычного метрополитена, 7 систем скоростного трамвая и 1 система скоростного автобусного сообщения БРТ. Новые средства сообщения позволили частично снизить остроту транспортных проблем крупнейших городов страны.*

***Abstract.** Negative consequences of motorization have led to the necessity to arrange the new alternative transit systems in Turkish cities. New 4 systems of light rail rapid transit, 3 systems of subway, 7 systems of light rail transit and 1 system of BRT (Bus Rapid Transit) have been introduced in the largest cities of Turkey in 25 last years to diminish their traffic jams.*

***Ключевые слова:** Турция, городской транспорт, метрополитен, скоростной трамвай, скоростной автобус.*

***Key words:** Turkey, urban transport, transit, subway, light rail transit, BRT (bus rapid transit).*

Окунувшись в волну автомобилизации главных городов Турции отказались от старых традиционных видов городского общественного транспорта, таких как трамвай в 1950–1960-е гг. (последние его линии были закрыты в Стамбуле в 1966 г., в Измире – в

¹ При написании статьи использованы некоторые тексты на турецком языке, перевод которых сделан Д.И. Мараховым.

1954 г.) и троллейбус в 1980-е гг. (в самый разгар его развития в начале 1960-х гг. в 3 городах страны имелись 224 машины и 97 км троллейбусных линий; в Анкаре он исчез в 1981 г., в Стамбуле – в 1984 г., Измире – в 1992 г.). Основными перевозчиками пассажиров во всех больших и средних городах стали автобусы (в каждом городе сосуществовали маршруты разных конкурирующих, в основном частных операторов) и «долмуши» (микроравтобусы или маршрутные такси).

Но не прошло и двух десятилетий, как само общество, да и городские власти вновь ясно поняли, что дальнейшее расширение

системы индивидуального автотранспорта не является путем решения транспортных проблем больших городов. Первым, кто возродил списанные со счетов рельсовые средства передвижения, стал Стамбул. За ним последовали сначала два других крупнейших города страны (Анкара и Измир), а затем и большие провинциальные города.

Внутригородское автобусное сообщение с 1990-х гг. вместо мелких частных компаний стало принадлежать крупным муниципальным компаниям, а многочисленные маршрутные такси «долмуш» сохранили свои прежние функции, охватывая менее загружен-

Таблица 1

Системы общественного пассажирского транспорта в больших городах Турции (упорядочены по плотности городов)

Город	Людность, тыс. чел. (2011г.)	Даты открытия и закрытия трамвая; -действует	Даты открытия и закрытия троллейбуса	Дата открытия линий метрополитена (номер линии)	Протяженность линии метрополитена, км (число станций)	Дата открытия ЛРТ (номер линии; ее длина, км)	Дата открытия БРТ	Число автобусов (2012г.)
Стамбул (Европ. часть)	13.483	1913–1961, 1990 (Т5)-	1961–1984	1) 2000 (М2) 3) 2012 (М3)	1)23,5 км (13) 3)15,9 км (11)	1)1989 (М1; 20,2 км) 2)1992 (Т1; 19,5 км) 3)2006 (Т2; 5,2 км) 4)2007 (Т4; 15,3 км)	2007	5356
Стамбул (Азиат. часть)	–	1928–1966, 2003 (Т3)-	–	2) 2012 (М4)	2)26,5 км (19)	–	2007	–
Анкара	4.551	–	1946–1981	1997 (М1)	14,7 (12)	1996 (8,7 км)	–	1829
Измир	3.367	1928–1954	1954–1992	1) 2000	1)14,2 км (12)	–	–	1900
Адана	1.617	–	–	–	–	2009 (13,9 км)	–	640
Бурса	1.949	1) 2011- (Т; 2,2 км) 2) 2012- (Т1; 6,5 км)	–	–	–	2002 (30,9 км)	–	...
Газиантеп	1.393	–	–	–	–	2011 (18,3 км)	–	...
Анталья	1.042	1999- (4,9 км)	–	–	–	2009 (11,1 км)	–	140
Конья	1.074	–	–	–	–	1992 (18,0 км)	–	..
Кайсери	977	–	–	–	–	2009 (17,8 км)	–	..
Эскишехир	648	–	–	–	–	2004 (14,5 км)	–	..
Самсун	538	–	–	–	–	2010 (17,2 км)	–	..

ные направления и маршруты, которые не обслуживаются муниципальными операторами. Именно в самом конце 1980-х гг., а затем в 1990-е и 2000-е гг. почти в десятке больших городов Турции были заново построены (см. табл. 1) системы рельсового общественного пассажирского городского транспорта (метрополитен и ЛРТ (легкорельсовый транспорт)), а также безрельсового транспорта (БРТ (Bus Rapid Transit = BRT; скоростной автобус на обособленном полотне).

В этих городах такие новые системы значительно облегчили работу до этого очень перегруженного автобусного транспорта и частично оттянули пассажиров как от «долмушей» (маршруток) и обычных автобусов, так и от легкового автомобиля. Введение этих новых элементов в городские транспортные системы Турции в значительной степени смягчили ту остроту транспортных заторов в них, которую они испытывали в период бума автомобилизации. Эти новые системы, как правило, не очень протяженные, и их линии (чаще всего 1–2) не покрывают полностью всю территорию городов, а охватывают лишь самые главные, наиболее перегруженные транспортные направления, снимая напряжение именно здесь, тем самым, снижая уровень транспортных пробок во всей системе.

В 3 больших городах (с людностью более 600 тыс. чел.) линий городского рельсового транспорта пока нет (Коджаэли (Измит), Мерсин, Диярбакыр).

Для перевозки пассажиров в Стамбуле используются также 2 линии фуникулера и 2 линии подвесных канатных дорог. Последние перевозят жителей в городах Измир, Анкара, Газиантеп, Орду. Остальные подвесные канатные дороги в стране обслуживают исключительно туристов и горнолыжников.

Ниже дается краткое описание отдельных систем общественного пассажирского транспорта больших городов страны, которое позволяет представить их структуру в каждом городе. Оно сначала представлено тремя крупнейшими городами с наиболее сложными транспортными системами, а затем дается очень краткая характеристика новых транспортных систем в других городах Турции (по алфавиту их названий).

Стамбул

Разделенный проливом Босфор этот самый большой по площади (5343 кв.км) и пе-

ренаселенный город Турции (13,5 млн. чел.) испытал во время бума автомобилизации особенно острые транспортные проблемы. Численность его населения возросла с 1,47 млн. чел. в 1960 г. и 2,55 млн. чел. в 1975 г. до 6,6 млн. чел. в 1990 г. и достигла 13,5 млн. чел. к 2011 г. Хотя число автомобилей в городе значительно увеличилось (2,71 млн. в 2009 г., 3,3 млн. в 2012г.), уровень автомобилизации составляет еще весьма скромную цифру даже по среднеевропейским меркам (43 автомобиля на 1 тыс. жителей – в 1980 г., 134 – в 2006 г., 244 – в 2012 г.) из-за быстро растущей численности его населения. Протяженность улично-дорожной сети – 25 тыс. км. В 2012 г. ежедневно по территории города перемещалось 15 млн. чел., в т.ч. 13% – морским и 87% – сухопутными видами транспорта. По оценкам экспертов, к 2023 г. эта цифра возрастет до 35 млн. чел.

Так как город состоит из совершенно разных частей, то транспортные проблемы в каждой из них свои особенные. Самой главной проблемой до 1970–1980-х гг. было отсутствие мостов между европейской и азиатской частями города; поэтому основной поток пассажиров и автомобилей между этими двумя главными районами города приходился на морские паромы и катера. Эта главная транспортная проблема Стамбула была решена в 1973–1988 гг. благодаря постройке двух очень высоких автодорожных мостов над проливом Босфор.

Мосты через Босфор. Над проливом сооружены два моста:

1) Босфорский (построен в 1970–1973 гг.), который является частью кольцевой автострады О-1 и связывает районы Бешикташ (европейская сторона) и Ускюдар (азиатская сторона); его длина 1560 м, высота над уровнем воды – 64 м. Ежедневно по нему проходит более 200 тыс. единиц транспорта, перевозящих ок. 600 тыс. пассажиров.

2) Султана Фатиха Мехмета (1986–1988 гг.), который пересекает пролив севернее Босфорского моста, являясь частью национальной автострады О2; он связывает районы Хисарюстю (европейская часть) и Каваджык (азиатская); его длина 1510 м, высота – 64 м. Ежедневно через мост проходит более 150 тыс. единиц транспорта, перевозящих ок. 500 тыс. пассажиров.

По обоим этим мостам ежедневно из азиатской в европейскую часть Стамбула пере-

мещается 1,0–1,1 млн. чел. Мосты платные, и ежедневная выручка от проезда по ним транспортных средств составляет 1,8 млн. турецких лир.

Вместо запланированных проектом 250 тыс. автомобилей в сутки в конце 2012 г. оба моста ежедневно пересекали уже 660 тыс. автомобилей.

Поэтому планируется сооружение третьего моста над Босфором в его самой северной части, вблизи выхода к Черному морю: он соединит районы Гарипче (европейская сторона) и Пойразкёй (азиатская).

Морские паромы. Первые весельные пассажирские суда стали курсировать между обоими берегами Босфора в 1837 г., паровые паромы – в 1867 г., паромы с моторными двигателями – в 1903 г. До постройки мостов через Босфор они являлись главным средством сообщения между обеими частями города. Так, в 1974 г. 65 судов совершали ежедневно 963 рейса, перевозя 350 тыс. пассажиров между 50 пристанями. После постройки обоих мостов роль морских паромов между азиатской и европейской частями города значительно уменьшилась: ими ежедневно стали пользоваться только 200 тыс. чел. Однако во время ремонтных работ на одном из них автомобильные пробки бывают настолько велики, что паромы остаются единственным надежным средством пересечения пролива. Тем не менее, многие жители азиатской части предпочитают морской транспорт, т.к. он более комфортен и экологически менее вредный. В последние годы паромы обновлены, и их провозная способность достигла 9 600 автомобилей в день. Современный стамбульский паром перевозит 600 пассажиров, а время в пути по морю между обоими берегами сократилось до 8 минут (проезд по мосту занимает 20 минут, но во время ремонтных работ – более 2 часов). Все это привело к росту числа пассажиров на морском транспорте. Так в 1994 г. им воспользовалось 5178,7 тыс. пассажиров, в 1996 г. – 6 761,8 тыс., в 1997 г. – 7 млн. Около 40 автомобильных и пассажирских паромов, эксплуатируемых обществом «Стамбульские морские автобусы» (İstanbul Deniz Otobüsleri A.Ş.; Истанбул Дениз Отобюслери). Они перевозят, главным образом, жителей азиатской части (Ускюдар, Кадыкёй, Малтепе, Картал, Бейкоз) к главным причалам европейской части города (Бакыркёй, Эминёню, Каракёй, Кабаташ,

Бешикташ). Всего в Стамбуле насчитывается 20 паромных маршрутов.

Автобусное сообщение. Первые автобусы в Стамбуле появились в 1928 г. (4 машины Рено), но не играли большой роли до 1960-х гг. (в 1942 г. их было 9, в 1955 г. – 16, в 1960 г. – 525). После ликвидации трамвая, а затем и троллейбуса основная нагрузка в перевозках внутри европейской и азиатской частей легла на обычные автобусы. Львиная доля таких маршрутов эксплуатируется муниципальной компанией «İETT» (создана в июне 1939 г. после национализации городского транспорта), которой принадлежат также линия старого фуникулера Тюнель. Компания обслуживает ок. 500 маршрутов; главными ее автобусными терминалами являются Эминёню и пл. Таксим в европейской части; Ускюдар и Кадыкёй – в азиатской. Ежедневно по 468 маршрутам автобусы совершают пробег 448 тыс. км. Имеется 7 889 остановок. В парке компании İETT в конце 2012 г. насчитывалось 2768 автобусов, в т.ч. всех моделей Мерседес – 1306, Икарус – 1009, МАН – 329, ДАФ – 74.

С 1985 г. действует компания частных автобусов ÖHO (Özel Halk Otobüsü), аудит которой осуществляет компания İETT. Она эксплуатирует 2 157 частных автобусов, включая 144 двухэтажных. Частные автобусы имеют сине-зеленый цвет с желтыми знаками назначения.

В 2010 г. муниципалитет Стамбула учредил новую компанию «İstanbul Otobüs AŞ» для модернизации старого автобусного парка. В августе 2012 г. парк этой компании насчитывал 517 низкопольных автобусов, отвечающих евростандарту-5. Она обслуживает часть городских и почти все пригородные маршруты.

Парк всех автобусов Стамбула состоит из 5356 автобусов производства MAN, Ikarus, Mercedes-Benz, BMC, Phileas, Otokar, Temsa и Güleryüz. Автобусы İETT окрашены в разные цвета, в т.ч. старые – в красно-синие, более новые – в зеленые, а двухэтажные автобусы – в красный. Ежедневно на автобусах пассажирами осуществляется 3 621 908 поездок, что составляло 30% всех пассажирских ежедневных перевозок в 2012 г.

Маршрутные такси и такси. Кроме традиционного автобусного сообщения в Стамбуле есть аналог наших «маршруток», называемый по-турецки «долмуш» (Dolmuş,

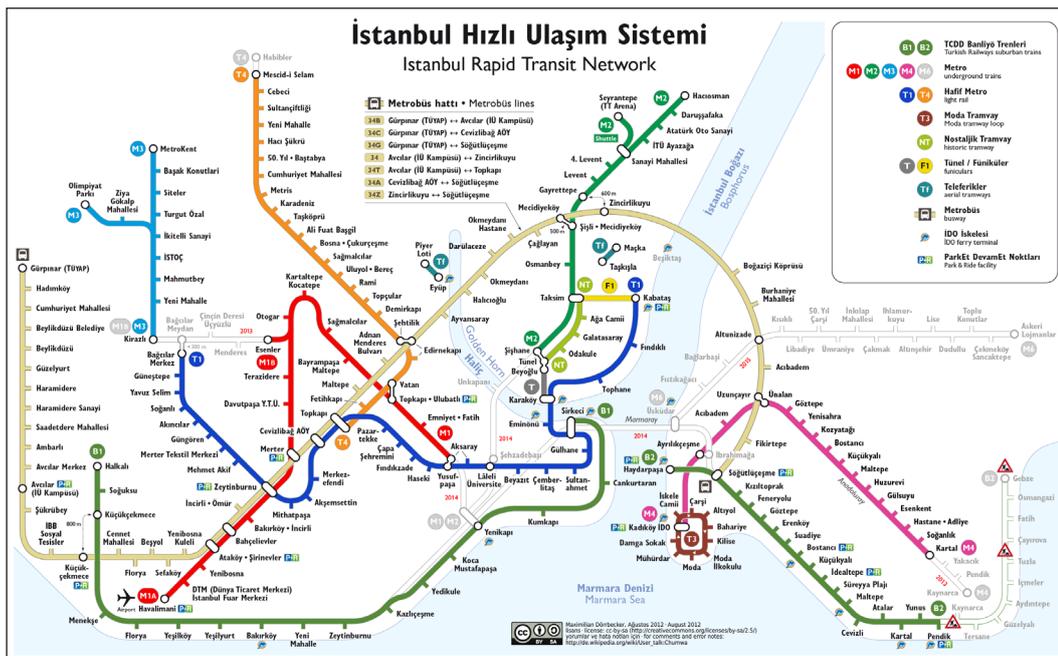

Рис. 1. Стамбул. Сеть линий рельсового и скоростного автобусного транспорта

т.е. полный; они отправляются только, если заняты все 8 мест). Эти микроавтобусы – специальные общественные такси, которые курсируют по установленным маршрутам. Основными среди них являются Таксим – Эминёню, Таксим – Кадыкёй, Таксим – Бостанджы, Таксим – Аксарай, Кадыкёй – Бостанджы, Таксим – Тесвикие, Бешикташ – Нисантаси, Кадыкёй – Ускюдар. В городе имеется 17 395 такси (2010 г.).

Скоростной автобус. Транспортные заторы на улицах и перегрузка обычных автобусов вынудили городские власти создать систему скоростного автобусного сообщения БРТ: сочлененные автобусы с очень большой провозной способностью (150–230 пассажиров в зависимости от модели) курсируют на выделенных полосах, имеют платформы для посадки и высадки пассажиров, автоматическую систему оплаты проезда при входе на платформы. В Стамбуле она получила название Метробюс (Metrobüs). Сооружение первой линии Metrobüs BRT началось в 2005 г. Главная линия связала европейскую и азиатскую части города через Босфорский мост и прошла вдоль кольцевой автодороги O1 (D 100). Главный маршрут длиной 27,9 км по оси улиц следует из западных пригородов европейской части Бейликдюзю и Авджылар через Атакёй, Бакыркёй, Зейтинбурну, Дже-

визлибаг, Топкапы, Эдирнекапы, Зинджирликую, далее по Босфорскому мосту в район Кадыкёй на азиатской стороне (конечный пункт Сёгютлючешме). 17 сентября 2007 г. был введен в эксплуатацию первый участок этой линии Авджылар – Топкапы; 8 сентября 2008 г. она была продлена от Топкапы до Зинджирликую (начало Босфорского моста), а 3 марта 2009 г. – по Босфорскому мосту до Сёгютлючешме в Кадыкёй (длина линии по оси улиц составляла 18,2 км). 26 июля 2012 г. эта линия была продлена на 9,7 км от Авджылар на запад до района Бейликдюзю (конечная станция Гюрпынар; Тüуар). Сеть из 7 маршрутов (все начинаются с цифры 34, частично накладываясь друг на друга) после этого достигла 50,5 км, среди которых трансконтинентальными являются 34F, 34Z, 34G. На этой скоростной автобусной линии (Söğütlüçeşme – TüYAR (Gürpınar)) с выделенной полосой по оси автомагистрали имеется 35 станций. По ней со средней скоростью 40 км/ч курсируют 350 крупногабаритных сочлененных автобусов (в т.ч. 250 Mercedes-Benz CaraCity длиной 26 м на 220 пассажиров; остальные – Mercedes Citaro и трехсекционные Phileas) с левосторонним движением. Ежедневно ими перевозится 715 тыс. пассажиров. В часы пик автобусы по ней следуют с интервалом в 32 секунды. В 2011 г. автобусы БРТ пере-

везли 194,4 млн. чел. Предполагается также открыть новые участки БРТ Эдирнекапы – Везнед-жилер и Бешикташ – Левент.

Пассажирский рельсовый транспорт. Первые 4 линии конного трамвая в европейской части Стамбула были открыты в 1872–1874 гг. (в июле 1872 г.: Азапкапысы (Azapkarısı) – Галата (Galata) – Топхане – Бешикташ (Beşiktaş) – Ортакёй (Ortaköy); в декабре 1872 г.: Эминёню (Eminönü) – Диванйолу (Divanyolu) – Беязыт (Beyazıt) – Аксарай (Aksaray); в 1873 г.: Аксарай (Aksaray) – Саматья (Samatya) – Едикуле (Yedikule); в 1874 г.: Аксарай (Aksaray) – Топкапы (Торкарı)). Торжественное открытие первых линий на пл. Топхане 3 сентября 1874 г.

Сеть линий конного трамвая в 1883–1885 гг. была расширена (в 1883г. открыта линия Галата (Galata) – Шишли (Şişli), в 1885 г.: Галата (Galata) – Татавля (Tatavla)). В 1910–1911 гг. был составлен проект сооружения первых 4 линий электрического трамвая (Шишли – Килия, Ускюдар – Кадыкёй – Мода, Ускюдар – Алемдаг, Едикуле – Шишли через Эйюб). В связи с началом Балканских войн все лошади были реквизированы в 1912 г., и конный трамвай в Стамбуле прекратил свое существование. Линии конного трамвая в 1913–1914 гг. были электрифицированы. 25 января 1914 г. открыта первая линия электрического трамвая в европейской части (Каракёй – Эминёню); в конце 1914 г. действовали 5 линий (Сиркеджи – Шишли, Едикуле – Эминёню, Сиркеджи – Эминёню – Каракёй – Кабаташ – Бешикташ – Ортакёй, верхняя станция Тюнель – Галата Серай, Галата – Асабкопу). В 1923 г. на европейской стороне действовали 12 линий. 8 июня 1928 г. открылось движение трамвая в Ускюдаре (азиатская часть города). В 1920–1940-е гг. сеть трамвайных линий была расширена в обеих частях города. В 1950 г. имелось 19 трамвайных маршрутов, протяженность которых в 1955 г. составляла 25,4 км на европейской и 23,3 км – на азиатской стороне; по его линиям курсировали 270 вагонов, которые перевезли 108 млн. пассажиров в 1956 г.

Увеличение числа автомобилей и отрицательное отношение городских властей к трамваю (он, якобы, мешал городскому движению) привели к полной ликвидации этого вида транспорта. Первые линии трамвая были закрыты в 1956–1958 гг.; последняя линия на европейской стороне (Топкапы –

Эминёню) прекратила свою работу 12 января 1961 г., последняя на азиатской стороне (линия Кадыкёй – Кызылтопрак) – 14 ноября 1966 г.). 27 мая 1961 г. по линии Топкапы – Эминёню вместо трамвая были пущены первые 27 итальянских троллейбусов. В 1962 г. поступили 100 итальянских троллейбусов Альфа-Ромео. Троллейбусная сеть была расширена и составляла 45 км (она была только в европейской части), имея в двух парках 100 машин. 16 июля 1984 г. троллейбусные линии в Стамбуле были закрыты и заменены автобусными, а сами троллейбусы проданы муниципалитету Измира.

После закрытия трамвайных линий в 1960-х годах население и городские власти были убеждены, что теперь перемещение по городу существенно облегчится. Но ситуация только усугубилась через несколько лет, так как автобусы, такси и частные автомобили заполнили город, делая атмосферу в нем неприемлемой для жизни. В последующие годы Стамбул столкнулся со всеми проблемами, которые возникают в любом крупном городе развивающейся страны: чудовищные пробки, загрязнение окружающей среды, массовый приток мигрантов и т.д. К 1980-м годам, когда Стамбул получил известность как самый грязный и некомфортный город, городские власти осознали допущенные ошибки и стали пересматривать свои взгляды на городской рельсовый транспорт.

Стремясь исправить репутацию города, сделать его вновь привлекательным для туристов, городское транспортное управление поняло необходимость строительства линий современного скоростного трамвая. Строительство было поручено городскому транспортному управлению ИЕТТ, а эксплуатацию новых рельсовых видов городского сообщения – вновь созданной в 1988г. транспортной компании «Улашым» (İstanbul Ulaşım), принадлежащей муниципалитету Стамбула.

Последний оператор ныне эксплуатирует следующие рельсовые транспортные системы: 2 линии скоростного трамвая (Т1, Т4), 1 линию легкого метрополитена (М1), 3 линии метрополитена (М2, М3, М4), 2 линии исторического трамвая (в азиатской части Т3 и в европейской части Т5), а также линию фуникулера Ф1 (Кабаташ – Таксим). Линиями этой компании перевозится ок. 1/3 всех пассажиров городского транспорта Стамбула. Именно эти рельсовые системы транспорта в

Стамбуле в 1990–2000-е гг. приняли на себя значительную часть пассажиропотока.

Сначала были проложены линии скоростного трамвая на обособленном полотне и восстановлены две линии обычного трамвая со старым подвижным составом (т. наз. «исторические» трамвайные линии). Чуть позже стали прокладываться линии метрополитена (тяжелого), и к началу 2013 г. действовали 3 не связанные друг с другом изолированные его части.

Скоростной трамвай. Первой в 1989 г. была проложена линия М1 в европейской части, представляющая собой полуметрополитен или легкий метрополитен (переходный вариант между метрополитеном и скоростным трамваем; часть линии проходит в туннеле, часть в выемке, часть – по поверхности земли или по эстакадам, на станциях – высокие платформы). Она связала Аксарай (запад Исторического полуострова) с западным пригородом Карталтепе (первый участок Ферхатпаша – Аксарай открыт в марте 1989 г., его продолжение – 3 сентября 1989 г.; он был удлинен 18 декабря 1989 г. до Эсенлер). 105 сочлененных трамвайных вагонов для этой линии были собраны на заводе в Граце (Австрия) и снабжены электрооборудованием на заводе в Вестеросе (Швеция). Затем ее постепенно продлевали на запад: 31 января 1994 г. – до Зейтинбурну, 7 марта 1994 г. – до Бакыркёй, 25 августа 1995 г. – до Ени-Босна, 20 декабря 2002 г. – до международного аэропорта Ататюрк, облегчив многим авиапассажирам доступ в центр города. Длина линии – 19,6 км, здесь курсируют 8-вагонные составы с верхним токосъёмом; она имеет полностью обособленное от улиц полотно, а также 3 подземных участка (Аксарай – Улубатлы Топкапы (3,1 км); Бакыркёй – Бахчелиевер (1,8 км); в районе аэропорта (0,3 км)). Поезда этой линии ежедневно перевозят 220 тыс. пассажиров. Ее ветка к Эсенлер сейчас продлевается на запад – северо-запад до Киразлы на 5,8 км и уже в мае 2013 г. станет частью новой линии метрополитена М3. Эта линия будет в 2013 г. продлена на 0,9 км в центре города от станции Аксарай до Еникапы, где расположены причалы парома и станция пригородной ж.д. (будущий вокзал ж.-д. линии Мармарай).

Первая линия скоростного трамвая Т1 в европейской части, проходящая по улицам города, связывает район Галата (станции Ка-

баташ и Каракёй) с центром города (станции Эминёню, Сиркеджи, Беязит) и конечной станцией Аксарай линии легкого метрополитена М1 и далее следует на запад и северо-запад европейской стороны через станции Топкапы, Зейтинбурну (здесь осуществляется пересадка на линию М1 и скоростные автобусы) до конечной остановки Багчылар Меркез. 30 мая (официально 10 июля) 1992 г. был открыт ее первый участок Сиркеджи – Аксарай, 29 октября 1992 г. – далее до Топкапы. В марте 1994 г. линия была продлена от Топкапы до Зейтинбурну, в апреле 1996 г. открыт участок Сиркеджи – Эминёню, 30 января 2005 г. – от Эминёню по мосту через бухту Золотой Рог до Кабаташ (нижняя часть района Галата). После этого ее длина достигла 14 км (на линии было 24 остановки, время в пути составляло 42 мин.). Каждый день по линии перевозится 155 тыс. пассажиров. В 2011 г. линия продлена еще дальше на северо-запад от Зейтинбурну до Багджылар Меркез за счет включения в ее состав бывшей линии скоростного трамвая Т2 (открытой в 2006 г.), после чего длина всей линии Т1 увеличилась до 19,5 км.

В 2004–2006 гг. была проложена вторая линия скоростного трамвая на европейской стороне Т2 Зейтинбурну – Багджылар длиной 5,2 км с 9 станциями, которую 14 сентября 2006 г. открыл турецкий премьер-министр Эрдоган. На ней был сооружен виадук длиной 587 м. В 2011 г. она включена в состав линии Т1.

В 2007 г. построена третья линия скоростного трамвая Т4 на европейской стороне – из центра ее западного района Зейтинбурну (станция Топкапы; пересадка на линию Т1 и скоростной автобус) на северо-запад в район Багджылар (через станции Ватан (пересадка на М1), Эдирнекапы, Карадениз) до станции Месджид-и-Селам. Движение на ее первом участке 12,4 км (Шехитлик – Месджид-и-Селам) открыто 14 сентября 2007 г.; 18 марта 2009 г. она была продлена на юг от Шехитлик до станции Топкапы (+2,3 км). Линия проложена на обособленном полотне; из 22 станций 7 расположены в туннелях (Эдирнекапы, Топчулар, Рами, Улуйол-Береч, Али Фуат Башгил, Ташкёпрю, Карадениз; длина туннельных участков 5,8 км). Подвижной состав на Т4 эксплуатируется такой же, как и на М1. По технологии движения эта линия больше похожа на линию М1, чем на Т1.

Исторический трамвай представлен двумя очень короткими линиями, которые не играют почти никакой роли в решении транспортных проблем города, а обслуживают исключительно туристов и местных жителей. Одна из них – линия Ностальгического Трамвая (Т5; открыта 29 декабря 1990 г.; колея 1000 мм, однопутная линия с разездами) совсем короткая (1,6 км) и проходит в верхней части района Галата по ул. Истиклял, связывая площадь Таксим с верхней станцией старого фуникулера Тюнель. По ней старыми трамвайными вагонами ежедневно перевозится всего 6 тыс. пассажиров (движение автомобилей по этой улице запрещено). Вторая такая линия Т3 в виде однопутного кольца (2,6 км; колея 1000 мм) была открыта 1 ноября 2003 г. и охватывает район Кадыкёй в азиатской части (проходит через автовокзал Кадыкёй и район Мода). По ней также курсируют 4 старых вагона б/у из быв. ГДР.

В 2011 г. построена третья линия исторического трамвая длиной 0,6 км на европейской стороне от терминала круизных судов Салыпазар (Salıpazar) через площадь Султанхмета (здесь находятся мечети Голубая и Айя-София) до существующей линии трамвая Т1 Кабаташ – Зейтинбурну (в Топхане) с колеями 1435 мм как ветвь линии Т1, но движение по ней еще не открыто.

Фуникулеры и канатные дороги. Почти что такую же роль выполняют обе линии фуникулера и две линии подвесной канатной дороги (все они расположены в европейской части Стамбула). Линия фуникулера Тюнель длиной 573 м и перепадом высот 60 м связывает Каракёй (пристани на берегу залива Золотой Рог) с Бейоглу в Галате (построена в 1873–1874 гг., движение на паровой тяге открылось 5 декабря 1874 г.; в 1968–1971 гг. электрифицирована, использованы вагоны метро б/у из Парижа с шинами). Вторая, современная линия фуникулера длиной 600 м с перепадом высот 60 м (открыта в июне 2006 г.) соединяет паромные причалы и конечную станцию скоростного трамвая линии М1 Кабаташ с пл. Таксим в верхней части района Галата. Недалеко от нее расположена канатная дорога Мачка – Ташкышла (открыта 1993 г.). Вторая канатная дорога Пиер Лоти – Эйюп (2005 г.), также как и предыдущая, никак не связана с линиями рельсового транспорта и линией БРТ.

Метрополитен. Первая линия традиционного (тяжелого) полностью подземного метрополитена М2 связала центр европейской части с новым жилым и деловым районом Левент на севере. Ее сооружение началось в 1992 г. 16 сентября 2000 г. был открыт ее первый участок от пл. Таксим в район Левент-4 длиной 7,8 км с 6 станциями; 31 января 2009 г. линия была удлинена сразу с обоих концов – на севере на 3 станции в район Мас-лак до станции Атагюрк Ото Санайи, на юге – на 1 станцию от Таксима до Шишхане в районе Бейоглу (близ верхней станции фуникулера Тюнель); 2 сентября 2010 г. северный участок линии продлен до Дарюшшафака, 22 мая 2011 г. – до станции Хаджы Осман. 11 ноября 2010 г. в северной части линии открыта ветка до станции Сейрантепе (Seyrantepe). Длина линии М2, таким образом, достигла 23,5 км. Ежедневно услугами линии М2 пользуются 230 тыс. пассажиров. Сейчас завершается сооружение ее южного продолжения от Шишхане по новому мосту через залив Золотой Рог в старый город до станции Еникапы (будущий вокзал ж.-д. линии Мармарай). Этот новый участок с 3 новыми станциями будет введен в строй в 2013 г., увеличив протяженность линии до 23 км.

Вторая линия традиционного метрополитена М4 была проложена в азиатской части и частично открыта в 2012 г. и никак не связана с линией М2. Первый участок линии М4 длиной 26,5 км Кадыкёй – Юналан – Малтепе – Картал с 16 станциями открыт 17 августа 2012 г. Сейчас ведутся работы по ее продлению на восток до Кайнарджа, после чего (пуск намечен в 2013 г.) она будет иметь 19 станций. В дальнейшем предполагается продлить ее до старого международного аэропорта Сабиха Гёкчен.

Третья линия традиционного метрополитена М3 проложена на западе и северо-западе европейской части города и открыта также в 2012 г. Она пока изолирована и никак не связана с линией М2 и линией М1. Ее первая очередь находится в тестовой эксплуатации с пассажирами с 10 сентября 2012 г. (официальное открытие состоится 31 марта 2013 г.). Она имеет длину 15,9 км и 11 станций. Линия М3 начинается на станции Киразлы, следует до станции Икителли Гюней Санайи, где разветвляется до олимпийского стадиона Атагюрк на запад и до Башакшехир на северо-запад. В 2013 г. она будет продлена на восток

до станции Эсенлер (ныне ветка линии М1) и получит прямое соединение с существующей сетью легкого метрополитена. По этой линии ежедневно будет перевозиться до 42 тыс. пассажиров.

В августе 2012 г. началось сооружение новой линии М6, которая пройдет полностью на азиатской стороне и свяжет Ускюдар, Юмрание, Чекмекёй-Санджактепе (ее пуск намечен на май 2015 г.; длина 16,9 км, 16 станций).

Сейчас ведется сооружение еще нескольких новых участков и линий, в результате чего все ныне изолированные друг от друга линии метрополитена будут связаны в единую сеть. Это произойдет в 2015 г.

Составлен проект строительства новой линии М5 (24,5 км с 18 станциями) на европейской стороне, которая свяжет Кабаташ (пристань на Босфоре и северная конечная станция линии Т1) и северо-западные и западные районы и пройдет через станции Шишлы (пересадка на М2), Карадениз (пересадка на Т4) до станции Махмутбей (пересадка на М3).

Пригородные железные дороги пока не играют значительной роли в консолидации городского пространства Стамбула и выполняют исключительно вспомогательную функцию по доставке части наименее обеспеченных пассажиров из западных и восточных пригородов до обоих главных ж.д. вокзалов Сиркеджи (в европейской части; европейский участок имеет протяженность 30 км) и Хайдарпаша (в азиатской, где длина линии составляет 44 км; с этого последнего большинству пассажиров приходится на пароме преодолевать Босфор, чтобы попасть в центр города, располагающийся в европейской части Стамбула).

В 2004 г. началось сооружение ж.-д. туннеля под Босфором длиной 13,6 км и реконструкция 63 км пригородных ж.-д. путей с обеих сторон пролива. Эти работы должны завершиться к июню 2015 г. В результате будет создан сквозной ж.-д. диаметр от западных до восточных окраин Стамбульской агломерации (он получил название Мармарай) вдоль берега Мраморного моря от Халкалы на европейской стороне до Гебзе на азиатской. В старом городе на европейской стороне строятся два новых подземных ж.-д. вокзала Еникапы (куда будут подведены линии М1 и М2, что превратит его в главный

пересадочный узел всех видов рельсового и морского транспорта) и Сиркеджи; на азиатской – подземный вокзал Ускюдар. Пропускная способность новой подземной ж.-д. линии Мармарай составит 75 тыс. пассажиров в час в каждом направлении. Интервал движения пригородных поездов должен составлять в часы пик не более 2 минут

Интеграция транспортной системы. Главным интегратором всех существующих подсистем городского общественного транспорта Стамбула в настоящее время является магистраль скоростного автобуса Метробюс, которая связывает воедино все линии скоростного трамвая, метрополитена и основные терминалы обычных автобусных маршрутов и линий «долмуш», расположенных на обеих сторонах Босфора.

После окончания постройки подводной железной дороги под Босфором в 2015 г. вторым таким интегратором станет электрифицированная пригородная железная дорога Мармарай, диаметром прорезающая с запада на восток всю Стамбульскую городскую агломерацию.

Два этих скрепляющих элемента окончательно полностью консолидируют пока еще не до конца интегрированную сложную (отчасти раздробленную Босфором) транспортную систему всего Стамбула.

Анкара

Столица Турции (с 1923 г.) по сравнению со Стамбулом по своим размерам (территории – 2516 км² и плотности – 4,6 млн. чел.) значительно меньше. Однако, транспортные проблемы здесь столь же остры, т.к. 90% поездок по городу сейчас осуществляется на индивидуальных автомобилях, что приводит к образованию пробок. Так как большинство улиц и проспектов здесь значительно шире, чем в Стамбуле, то они не столь обширны. На долю общественного транспорта приходится 10% всех поездок, большинство из которых осуществляется автобусом.

Городской транспорт столицы находится в ведении муниципальной компании EGO (Elektrik Gaz ve Otobüs İşletmesi), созданной в 1930 г. В 1935 г. в СССР были закуплены 100 автобусов ЗИС-8, которые ходили по 15 маршрутам. С началом Второй мировой войны большинство автобусов было реквизировано в армию или списано. В 1942 г. в городе курсировало всего 7 машин. В 1946 г. было при-

обретоно 19 автобусов, но 18 из них почти сразу же сгорели во время пожара в гараже. Поэтому в 1946 г. было открыто троллейбусное сообщение (линия от пл. Илдрым Беязит до административного района Баканликлар смонтирована американской компанией; куплены 10 американских троллейбусов Брилл), а также движение микроавтобусов и такси. В 1947 г. были приобретены 10 новых автобусов, но общественным транспортом перевозилось всего 50% пассажиров. В 1950-60-е гг. в Анкару поступали только немецкие (13 МАН в 1953 г.) и итальянские (33 Альфа-Ромео-Ансальдо в 1960 г.) троллейбусы (всего в Анкаре было 56 троллейбусов). В 1950-е гг. число автобусов увеличилось, и к 1960 г. в Анкаре насчитывалось 28 автобусных линий протяжением 171 км. В 1968 г. только 30% жителей пользовались общественным транспортом. Под напором автомобилизации троллейбус был полностью вытеснен (его последняя линия закрыта в 1981г.) к началу 1980-х гг. автобусом, который до сих пор является главным средством общественного транспорта турецкой столицы. В 1983 г. EGO эксплуатировала 25 скоростных и 119 обычных автобусных маршрутов. В 1984 г. Анкара закупила большую партию автобусов Икарус-260 и 280. В 1995 г. были приобретены первые двухэтажные автобусы.

Так как Анкара – столица, то она всегда получала большие партии новых автобусов. Так в 1997 г. было закуплено 400 одноэтажных автобусов Ёта (желтого цвета) и 100 двухэтажных автобусов; в 1999 г. – 267 автобусов Мерседес стандарта Евро-2 (в т.ч. 70 сочлененных); в 2005–2007 гг. – 400 автобусов, работающих на природном газе, и 50 дизельных автобусов; в 2008 г. – 500 автобусов, работающих на природном газе; в 2011 г. – 560 автобусов с кондиционерами. В конце 2012 г. компания EGO располагала 1829 автобусами (в т.ч. 1172 двухосных и 50 сочлененных МАН, 221 двухосных и 70 сочлененных автобусов Мерседес, 235 двухосных и 29 сочлененных Икарусов), которые обслуживают более 300 маршрутов между более чем 40 конечными пунктами в 5 городских районах. В 2011 г. автобусы компании EGO перевезли 213 967,4 тыс. пассажиров.

Кроме автобусов компании EGO в Анкаре действует частная корпорация Ankara Özel Halk Otobüsleri (ÖHO), маршрутная сеть которой также покрывает почти весь город.

В городе также значительно число «долмушей» (маршрутных такси).

В 1990-е годы в Анкаре по двум главным транспортным направлениям (северо-запад – центр, восток – запад) были проложены первые две линии внеуличного рельсового транспорта: 1) легкого метрополитена Ankaraay и 2) тяжелого автоматического метрополитена Ankara Metro.

Первая линия легкого метрополитена «Анкарай» (ANKARAY) длиной 8,7 км с 11 станциями открыта 30 августа 1996 г. (после 4 лет строительства) под контролем консорциума, во главе которого стояла компания Сименс. Она проходит от станции Дикимеви на востоке через центр города (станция Кызылай) до ASTI в юго-западном районе (в т.ч. 6,6 км – в тоннеле, станция Эмек находится над землей). К 2015 г. планируется ее удлинение до 22 км.

Вторая линия «тяжелого» автоматического метрополитена «Ankara Metro» открыта 29 декабря 1997 г. Поезда по ней курсируют автоматически на участке от Кызылай (центр города) до Батикент на северо-западе. На линии 12 станций. Из 14,7 км пути подземными являются 6,5 км, по поверхности земли проходят 4,5 км, на эстакадах – 3,7 км.

По обеим линиям метрополитена ежедневно перевозится около 300 тыс. пассажиров, в т.ч. по линии Анкарай – 175 тыс., по линии Анкара-Метро – 136 тыс. Общая протяженность обеих линий составляет 23,4 км. В 2011 г. на линии Анкарай перевезено 34 591 тыс. пасс. (в 2012 г. – 34 533 тыс.), на линии Анкара-Метро – 57 042 тыс. (в 2012 г. – 51 563 тыс.).

Три строящиеся линии легкого метрополитена Анкарай носят названия сторон света, в направлении которых они идут: юго-западная (18 км), западная (18 км) и северная (8 км). Запланированы продления от Малтепе на север до Этлик (5,7 км), от Куртулус на северо-восток до Хаскёй (4км) и от Дикимеви на юго-восток до Догукент (7,7 км). В сентябре 2000г. отданы концессии на следующие продления: Асти – Кёй Хизметлери (5,7 км) и Дикимеви – Ситалер / Ёндер Маллеси (4 км).

В августе 2011г. городское управление решило построить линию скоростного трамвая из центра города (станция Кызылай) в аэропорт Эсенбога (расположен к северо-востоку от города) длиной 25 км с 16 станциями.

Действует пригородная электрическая ж.д. длиной 35 км, которая связывает западный пригород Синкан, центральный ж.-д. вокзал и восточный пригород Каяш. На линии 28 станций.

В 2007–2008 гг. построена подвесная канатная дорога Анкара – Кечиёрен, открытая для движения в апреле 2008 г. Она стала первой высокоскоростной канатной дорогой в стране. Ее длина – 1653 м, перепад высот – 65,5 м. Дорога расположена в городском районе Кечиёрен. По ней курсирует 16 вагончиков-гондол (каждая на 8 чел.), которые перевозят пассажиров между Джумхуриет Кулеси и Субайевлери. В 2012 г. предложен проект строительства еще одной канатной дороги Кызылай (Kızılay) – Дикмен (Dikmen).

Измир

Первые линии конного трамвая были открыты в 1890г. между Алсанджак и пирсом Паспорт вдоль эспланады Кордон. В 1901 г. линия была удлинена до вновь построенной часовой башни в Конаке (центр города). Вторая линия была открыта 1906г. от пирса Каршыяка до ж.-д. станции Каршыяка. В 1907 г. были проложены еще две линии в Каршыяка: Пирс Каршыяка – Алайбей и пирс – Бостанлы Каршыяка. Трамвайные пути были электрифицированы (1927 г.) и была открыта линия Конак – Решадиэ (линия Гюзелйалы). Развитие автобусного транспорта привело к сокращению трамвайной сети. Первыми 1 октября 1939 г. были закрыты 3 линии в Каршыяка; линия Конак–Решадиэ – в 1950 г. После чего осталась единственная линия Конак (Konak) – Алсанджак (Alsancak). В 1956 г. ее часть Алсанджак – Конак была закрыта, а последний участок Конак – Паспорт (Pasaport) прекратил свое существование в начале 1960-х гг. С тех пор трамвайное сообщение в Измире не возобновлялось.

Ряд трамвайных линий был заменен троллейбусным сообщением. 16 августа 1954 г. была открыта первая линия Конак – Гюзелйалы, на которую паромом из Германии прибыли 18 троллейбусов МАН. В разгар своего развития троллейбусная система имела 10 маршрутов. Основные линии обслуживали район Конак, из которого отдельные маршруты выходили в районы Бука, Балчова и Тепеджик. В 1957 г. были приобретены 20 троллейбусов Fiat 2411F и 3 сочлененных Фиата в 1958 г. 21 автобус Бюссинг в

1962–1968 гг. были переделаны местными силами в троллейбусы. В 1960-е гг. была закрыта троллейбусная линия вдоль эспланады Кордон. После закрытия троллейбусного движения в Стамбуле 75 машин б/у Альфа-Ромео-Фиат были куплены Измиром. 9 июня 1989 г. началось сворачивание системы: был закрыт 3-й маршрут и осталось 4 маршрута (1, 2, 70, 80). Движение полностью прекратилось 6 марта 1992 г. на последнем маршруте 1 (Конак – Фахреттин Алтай). Измир был последним турецким городом с троллейбусным сообщением.

Главным видом общественного транспорта Измира с 1980-х гг. стал автобус и долмуши. Городской автобусный транспорт представлен компанией ESHOT (Elektrik Su Navagazi Otobüs Trolleybüs), действующей с 1943 г., а также İzulaş. Сеть автобусных маршрутов охватывает весь город и пригородные районы. Эти компании эксплуатируют около 2 тыс. автобусов (1500 – компания ESHOT (в 5 гаражах), 400 – İzulaş (в 2 гаражах)), которые курсируют по 291 маршруту.

В пределах морской бухты от 8 причалов (по часовой стрелке: Бостанлы (Bostanlı), Каршыяка (Karşıyaka), Байраклы (Bayraklı), Алсанджак (Alsancak), Паспорт (Pasaport), Конак (Konak), Гёзтепе (Göztepe), Ючкуюлар (Üçkuyular)) курсируют 24 паромов.

В 1990-е гг. была проложена первая линия метрополитена длиной 14,2 км с 12 станциями. Пробное движение 3-вагонных составов по участку Конак – Борнова открылось 22 мая 2000 г., а регулярное на линии Учйол – Конак – Борнова (11,9 км) 25 августа 2000 г. Линия проходит под землей через центр города на протяжении 4,4 км на участке Ючйол – Басмане (ее западный конец в центре города), на надземных эстакадах – 2,3 км (участок Хиляль – Халкапынар) и по поверхности земли или в выемке на протяжении 4,8 км (Стадион – Борнова); после чего вновь уходит под землю, где проходит еще 2,3 км. Этот последний участок (Борнова – Эвка-3) открыт 30 марта 2012 г. По линии курсируют 3-вагонные составы. На станции Халкапынар осуществляется пересадка на пригородные поезда İZBAN Турецких ж.д. Строится продление существующей линии на запад: Ючйол – Фахреттин Алтай в районе Ючкуюлар (5,2 км, подземная). Для этой линии на заводе в Чжучжоу (КНР) заказаны 8 поездов из 4 вагонов, которые прибыли в Измир в те-

чение 2012 г. Первый участок этого продления Ючйол (Üçyol) – Хатай (Hataı; 1,7 км) открыт 29 декабря 2012 г. Планируются также продления: Ючйол – Докуз Эйлул Университет (11 км); Халкапынар – Отогар (4,5 км); Фахреттин Алтай – D.E.U. Hastanesi (3 км). Метрополитен ежегодно перевозит около 30 млн. пассажиров, ежедневно – 130 тыс. пасс.

Планируется строительство новой 80 км линии между районами Алиага на севере города, где расположены НПЗ и порт, и районом Мендерес на юге. Она будет состоять из 32 станций и полная поездка на линии займет 86 минут.

В 2012 г. выдвинут проект строительства 5 современных трамвайных линий, которые будут привязаны к станциям метрополитена и пригородных электропоездов İZBAN: в районе Каршыяка (линия Алайбей (Alaybey) – Мавишехир (Mavişehir) от станции элек-трички Алайбей до зоопарка Сасали; 10 км, 15 остановок), районе Конак (линия Фахреттин Алтай (Fahrettin Altay) – Халкапынар (Halkapınar) вдоль набережной; 12,7 км, 19 остановок), Борнова (от станции İZBAN Салхане до станции метро Борнова), районе Бука, Урла (от станции метро Нарлидере до технологического института Урла). Все эти линии должны быть построены к 2017 г.

В пригородной зоне Измира действует сеть электрифицированных железных дорог İZBAN, которая перевозит ок. 100 тыс. пассажиров в день (самая загруженная в Турции). İZBAN сооружена в 2007–2010 гг. по существующим путям Турецких ж.д. и имеет протяженность 80 км с 31 станцией. Система состоит из 2 линий: 1) Северной: Алсанджак – Алиага длиной 57 км (в т.ч. 3,3 км подземные в районе Каршыяка); 2) Южной: Алсанджак – Джумаовасы длиной 22 км (в т.ч. 1,7 км подземные в районе Бука-Сиринйер). 30 августа 2010г. было открыто движение пригородных электропоездов на южной линии на участке Джумаовасы – Алсанджак – Халкапынар, 5 декабря 2010 г. – на участке Чигли – Джумаовасы и 30 января 2011 г. – на всей Северной линии. Поезда ходят с интервалом в 1 час.; каждые 15 мин. в часы пик на Северной линии на участке Алсанджак – Менемен и 1 час на участке Менемен – Алиага. Существует план продлить Южную линию на 30 км к югу от Джумаовасы (Cumaovası) до Торбалы (Torbalı) и начать сооруже-

ние новой ветви Северной линии Менемен (Menemen) – Маниса (Manisa).

В Измире с 1974 г. действует подвесная канатная дорога в районе Балчова (Balçova Belediyesi), по которой курсируют 20 вагончиков (каждый на 4 человека). Длина линии ок. 1 000 м.

В городском районе Караташ для подъема на гору в 1907 г. был построен лифт Асансёр (Asansör) высотой 58 м, которым пользуются жители района (связывает улицы Mithatpaşa Caddesi и Halilrifatpaşa Caddesi'nin).

Другие города Турции

Информацию о числе автомобилей и системах автобусного сообщения в провинциальных городах страны найти крайне трудно. Поэтому ниже приводятся сведения преимущественно о рельсовом городском транспорте. Города упорядочены по алфавиту. Их размещение представлено на карте (рис. 2).

Адана. Городской общественный транспорт представлен легким метрополитеном и автобусами. Перевозки осуществляют компании Adana Transit Corporation (эксплуатирует легкий метрополитен и ряд автобусных маршрутов), Dolmuş и автобусные кооперативы. Компания Adana Transit Corporation эксплуатирует 229 автобусов; 6 автобусных кооперативов – 411 автобус. Кооператив Dolmuş располагает 1086 микроавтобусами и обслуживает маршруты на второстепенных направлениях.

Действует одна линия легкого метрополитена (скоростного трамвая с подземными и надземными участками: из 13,93 км путей 3,52 км проходят под землей, 5,33 км – на эстакадах, 5,07 км – по поверхности земли) полностью на обособленном полотне (с колеей 1435 мм) длиной 13,93 км с 13 станциями, рассчитанная на пропуск 21 тыс. пассажиров в час. Она строилась с 1992 г. и открыта 18 марта 2009 г. на надземном участке Хастане (Hastane; больница) – Вилает (Vilayet; центр города) длиной 8,5 км с 8 станциями. Но через 3 месяца ее закрыли для завершения работ на подземном участке линии в центре; движение по всей линии (включая новый подземный участок Вилает – Акындыжылар 5,5 км с 5 станциями) открылось 14 мая 2010 г. Ее трасса проходит с юго-востока города (от станции Акындыжылар; район Йюрегир (Yüreğir)) по мосту через р.Джейхан, через центр (здесь построен туннель) на северо-

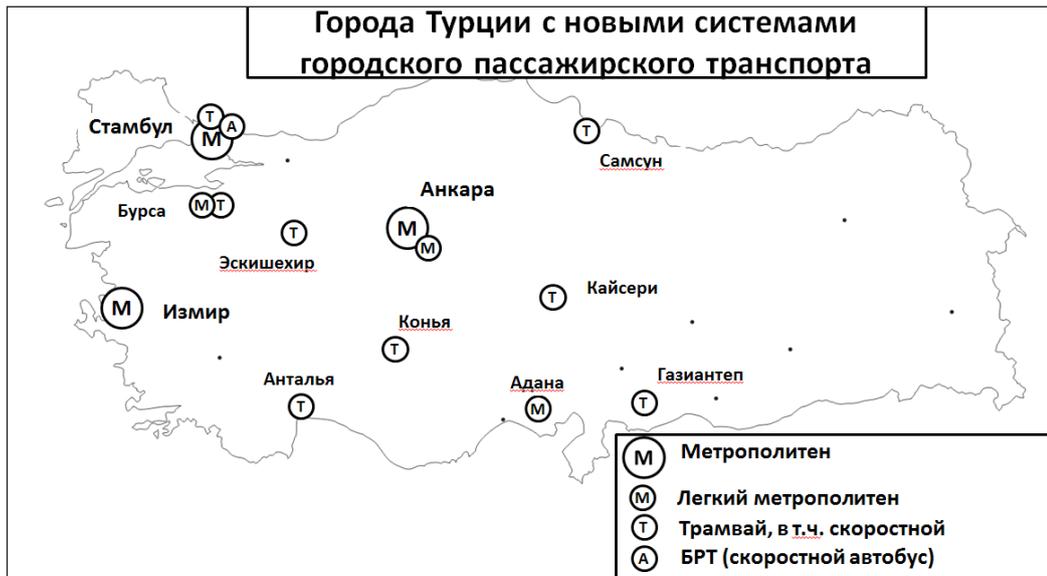

Рис.2. Города Турции с новыми системами пассажирского транспорта, созданными в 1988–2012 гг.

западную окраину до станции Хастане. По линии курсируют 6-осные составы трамвайного типа производства Хюндай (два сцепленных друг с другом сочлененных вагона, т.е. 4 вагона; поступили в 2002 г.) с верхним токообразованием. Система рассчитана на перевозку 660 тыс. чел. в день. В 2010 г. утвержден проект сооружения второй линии длиной 9,5 км с 7 станциями от Акынджылар на северо-восток к университету Чукурова.

Анталья. Городской общественный транспорт известного курорта и достаточно большого города (1 млн. жителей) представлен автобусами, трамваями, микроавтобусами, такси.

Действует сеть частных маршрутных такси «долмуш» (Dolmuş), которые контролируются городской администрацией. Городская транспортная корпорация «Antalya Ula-sim» эксплуатирует систему маршрутов городских общественных автобусов и трамваев. Ей принадлежат два подразделения: «Antobus» и «Antraу». «Antobus» начал свою работу в сентябре 2010 г. и открыл движение 40 больших городских автобусов; их число к концу 2011 г. увеличено до 140.

План строительства трамвайной сети длиной 41 км был составлен в 1998 г. и включал сооружение 3 линий: Эрнеккёй (промзона – центр), Варсак (от свободной торговой зоны до бульвара Еширмак), Аксу (от университета до аэропорта). В 1999 г. и 2009 г. были построены две разные линии: однопут-

ная историческая в центре городе (ее пользуются в основном туристы) и двухпутная линия современного скоростного трамвая.

Историческая линия (с колеей 1435 мм) длиной 4,9 км с 3 разъездами (3 пары вагонов б/у и оборудование были подарены Нюрнбергом) проходит вдоль морского бульвара Коньяалты, в центре города по улицам Джумхуриет и Ататюрк. Она соединяет западный пляж Коньяалты, отели Sheraton Voyager и Falez, археологический музей Антальи (расположены на западе города) с центром города (Kalekapisi, ворота Адриана, парк Karaalioglu) и отелем Талья (Talya Oteli) и пляжем Лара на юго-востоке от центра. Движение по этой линии открыто 27 марта 1999 г.

С 26 декабря 2009 г. действует новая двухпутная линия скоростного трамвая «AntRay» длиной 11,1 км с 16 станциями по маршруту Фатих (Кепез; северо-западная окраина) – Отогар (автовокзал) – Мурадпаша – Ысметпаша (центр) – Мейдан (на востоке) с обособленным полотном и туннелем в центре города (2 станции, в т.ч. Чаллы). По новой линии курсируют 14 сочлененных низкопольных трамвайных поездов испанской фирмы CAF. На станции Ысметпаша осуществляется пересадка с одной линии на другую. Планируется сооружение еще трех новых линий скоростного трамвая общей протяженностью 41 км (на юго-запад, восток до аэропорта и юго-восток).

Бурса. Городской транспорт представлен автобусами, долмушами (маршрутными такси), системой легкого метрополитена (скоростного трамвая) «Bursaray», обычным и историческим трамваями.

Проект сети скоростного трамвая (легкого метрополитена) длиной 20,6 км 9 с 3 км подземным участком) был предложен в 1997 г. Сооружение первой линии длиной 14 км было осуществлено в 1998–2001 гг.; вагоны были изготовлены компанией Сименс. Линия легкого метрополитена (с колеи 1435 мм) проложена полностью на обособленном полотне и соединяет центр с западной частью города, где разветвляется (после станции Аджимир) по двум направлениям: на северо-запад (до станции Эмек) и на запад (до станции Университет). В центре города есть подземный участок. По обеим линиям курсируют 6-вагонные составы трамвайного типа с верхним токосъемом. Первый участок общей длиной 17,5 км с 17 станциями (3 из которых находятся под землей) Сехрекюстю (центр) – Хиподром (Кючюк Санайи; запад) с веткой до 1050 Конутлар (северо-запад) был открыт 24 апреля (19 августа официально) 2002 г. 6 апреля 2008 г. линия из центра (Сехрекюстю) была продлена на восток до Арабайатаги. Западная ветвь (линия 2) была продлена в два приема (от Кюджюк Санайи до Ёзлюдже (2,9 км) – 24 декабря 2010 г. и от Ёзлюдже до университета (3,6 км) – 19 сентября 2011 г.); северо-западная ветвь (линия 1) продлена (от Организе Санайи (1050 Конутлар) до Эмек; 2,5 км) 15 декабря 2011 г. Протяженность действующей сети легкого метрополитена составляет 31 км с 24 станциями (6 из них подземные). Курсируют 48 поездов Бомбардье – Дюваг. Существующая линия на востоке будет продлена на 8 км до Гюрсу и Кестель. Общая протяженность сети после этого достигнет 50 км.

Проект строительства трамвайной линии длиной 8 км был предложен еще в 1910 г., но он остался на бумаге.

В центре города 28 мая 2011 г. открыта 1,5 км линия Т ностальгического трамвая (с колеи 1000 мм) со старыми вагонами между площадями Зафер и Гёкдере по ул. Джумхуриет (Республики); 20 июля 2011 г. (торжественно 4 ноября 2011 г.) она была продлена на восток до Чинарёню и Давуткады (длина увеличилась до 2,2 км); на ней 9 остановок и 3 разъезда. Здесь курсируют 3 старых вагона

Гота (куплены в 2010 г. в Стамбуле с линии Кадыкёй – Мода), а в ноябре 2011 г. к ним добавились 3 сочлененных состава б/у, купленные у компании Богестра (Бохум – Гельзенкирхен).

В центральной части Бурсы построена также кольцевая линия современного трамвая Т1 (маршрут Хейкел (Heysel) – Сантрал Гараж (Garaj)), которая открыта 7 августа 2012 г. длиной 6,5 км с 13 станциями. Строится вторая линия такого трамвая Т2 по линии Гараж – Терминал длиной 8,5 км.

С 1963 г. из Бурса на гору Улудаг действует самая старая в стране подвесная канатная дорога, имеющая в основном туристическое значение. Она является самой длинной канатной дорогой Турции (4766 м). Конечная станция Сарилан находится на высоте 1634 м, на полпути осуществляется пересадка на станции Кадыйяла. Вагоны ходят с интервалом в 30–40 минут. С 1 ноября 2012 г. из-за начала строительства новой линии канатной дороги из Бурса на гору Улудаг, движение по старой канатной дороге прекращено на один год.

Газиантеп. Трамвайное сообщение в этом городе открыто 1 марта 2011 г. по линии на обособленном полотне Гар (ж.-д. вокзал) – Бурч Кавшаги (на юго-западе) длиной 11,5 км; с 13 остановками. Здесь курсирует 15 сочлененных вагонов Дюваг б/у из Франкфурта-на-Майне. В 2012 г. открыта вторая линия трамвая 6,8 км на юго-восток – от университета до отдаленного нового жилого района Караташ (Karataş) на восточной окраине Газиантепа. Позже ее продлят до района Гюнеш (3,3 км). В 2013 г. начнется сооружение третьей линии трамвая 3,6 км в зажиточный район Ибрахимлы (к северу от университета).

В городском парке Шахибей (Antep Şahibey park) действует подвесная канатная дорога длиной 800 м.

Денизли. В этом городе на юго-западе Турции, к юго-востоку от Измира в конце 1988 г. предполагалось проложить троллейбусную линию, но проект так и остался не реализованным.

Кайсери. Работы по строительству трамвая начались в 2006 г. Открытие первой линии длиной 17,8 км состоялось 1 августа 2009 г. Единственная линия Organize Sanayi (запад) – Doğu Terminali (восток) имеет 28 остановок, время в пути – 42 мин. Доступ

на остановки осуществляется через турникеты. Линия проходит по выделенной полосе, но имеются и одноуровневые пересечения с автомобильными дорогами; действует 1 подземная станция. Курсируют 22 современных низкопольных сочлененных (из 5 секций) трамвая типа Sirio производства фирмы AnsaldoBreda. Интервал движения – 4 мин. Планируется продлить линию до новых жилых массивов, а также построить вторую линию до университета. Для них уже заказан 21 такой же вагон типа Сирио.

В 2011 г. открыта новая канатная подвесная дорога из Кайсери на вершину вулкана Эрджиас (Erciyes Dağının – Nasırlar).

Конья. Линия трамвая (с колеей 1435 мм) построена в 1987–1992 гг. Единственная линия трамвая длиной 18 км соединяет центр города с университетом, расположенным на окраине. На линии Отогар (автовокзал; на севере) – университет Сельджук – Алааддин (на юге) имеется 20 остановок. Первый участок линии Джумхуриет – Айдынликевлер длиной 10,4 км открыт 28 сентября 1992 г. (для него поступили 12 сочлененных трамвайных вагонов б/у из Кельна); второй (до университета) – 7,6 км – 19 апреля 1996 г. В 1993 г. трамвай перевез 12 млн. пасс., в 1997 г. – 35 млн. В 1998 г. курсировал 41 сочлененный трехсекционный трамвай б/у из Кельна, в 2012 г. – 60. В будущем планируется постройка ещё трёх линий, в т.ч. линии от Джумхуриет на запад и юг до проспекта Ваган и центра города и далее на юг до Элмаджи.

Самсун. Трамвайное движение открыто 10 октября 2010 г. по линии Гар (ж.-д. вокзал) – университет длиной 17,2 км (колея 1435 мм) с 21 остановкой. Она проходит из центра города вдоль побережья Черного моря на северо-запад до университета. Для нее поступили 16 трамвайных низкопольных сочлененных (из 5 секций) составов Ansaldo Breda Sirio. Вторая линия пройдет от вокзала на юго-восток до Теккекёй и аэропорта (12 км), третья – от вокзала на юго-запад до Дурушехзы (5 км).

В Самсуне в 2005 г. построена гондольная канатная дорога для туристических целей. Ее длина – 320 м, перепад высот – 62 м; курсируют 6 вагончиков.

Ыспарта (Isparta). Проект линии ЛРТ Айазмана (Ayazmana) – Мехмет Тонге (Mehmet Tonge) длиной 11,6 км был разработан в

1997–1999 гг., но к строительству линии так и не приступили.

Эскишехир. Сооружение скоростного трамвая началось в марте 2002 г. Трамвайное движение в этом городе открыто 24 декабря 2004 г. Поступили 18 низкопольных сочлененных трамваев. Трамвайная сеть длиной 24 км состоит из двух пересекающихся линий общей протяженностью 14,5 км (ширина колеи – 1000 мм):

- 1) от ССК (SSK) через университет Анадолу (Anadolu) на северо-западе до Отогар (Otogar) на восточной окраине длиной 9,8 км;
- 2) от университета Осман Гази (OGÜ; Osman Gazi) на юго-западе до Опера (Opera; Muttalıp Köprüsü) на северо-востоке длиной 4,7 км.

Используются современные 5-секционные сочлененные низкопольные трамваи модели Flexity Outlook (Cityrunner) производства фирмы Bombardier (23 ед.). Трамвай перевозит в среднем 94 тыс. пассажиров в день (2011 г.).

В 2012 г. намечалось начать сооружение новых линий к районам Батыкент (Batıkent), Чамлыджа (Çamlıca), Еникент (Yenikent), Чанкая (Çankaya), Ихламуркент (Ihlamurkent), Эмек (Emek), 71 Эвлери (71 Evleri).

Выводы

Таким образом, в течение последних 25 лет (1988–2012 гг.) во всех крупнейших городах Турции заново сооружены несколько новых типов систем общественного пассажирского транспорта (см. табл. 2 и 3):

- 1) легкий метрополитен – в 4 городах (6 линий, 89,1 км);
 - 2) скоростной трамвай – в 7 городах (10 линий, 116,4 км);
 - 3) обычный метрополитен – в 3 городах (5 линий, 96,5 км);
 - 4) обычный трамвай – в 1 городе (1 линия, 6,5 км);
 - 5) исторический (ностальгический) трамвай – в 3 городах (4 линии, 11,3 км);
 - 6) скоростной автобус БРТ – только в Стамбуле (7 маршрутов по 1 линии, 50 км).
- Кроме того, построены 1 линия современного фуникулера в Стамбуле и 7 линий подвесных канатных дорог в 6 городах.

Главной целью всех этих новых систем городского общественного транспорта является разгрузка городских магистралей от многочисленных густых и длинных транс-

*Новые типы систем общественного пассажирского транспорта,
созданные в 1988–2012 гг. в больших городах Турции*

№ п/п	Типы транспортных систем	Их особенности	Города, в которых применены эти системы (число вновь построенных в 1988–2012 гг. линий)	Длина всех вновь построенных в 1988–2012 гг. систем (км), сумма	Длина строящихся в 2013–2015 гг. линий (км), сумма
1	Метрополитен	Тяжелые рельсы; преобладают туннельные участки; большие габариты подвижного состава с большой вместимостью; высокие платформы	Стамбул (3: M2, M3, M4) Анкара (1) Измир (1)	23,5+26,5+15,9 = 65,9 14,7 15,9 96,5	1,5+16,9=18,4 3,5 21,9
2	Легкий метрополитен	Пути полностью на обособленном полотне; легкие рельсы; есть подземные, надземные и наземные участки; высокие платформы; подвижной состав с 4-8 вагонами, близкий к скоростному трамваю	Стамбул (2: M1, T4) Анкара (1: AnkaRay) Адана (1) Бурса (2)	20,2 + 15,3= 35,5 8,7 13,93 31 89,1	2 57,3 9,5 68,8
3	Скоростной трамвай	Пути на обособленном полотне (возможны пересечения с УДС в 1 уровне и отдельные короткие совмещения); преимущественно сочлененные (3-5 секций) низкопольные вагоны или сцепки одиночных или сочлененных вагонов; низкие платформы	Стамбул (2: T-1 + T-2) Анкара (-) Анталья (1) Газиантеп (2) Кайсери (1) Конья (1) Самсун (1) Эскишехир (2)	19,5 11,1 11,5+6,8 = 18,3 17,8 18,0 17,2 9,8 + 4,7 = 14,5 116,4	Анкара: 35 3,3 + 3,6 = 6,9 12 + 5 = 17 58,9
4	Трамвай (обычный)	Пути уложены на проезжей части улиц и никак не обособлены (бывают некоторые участки на обособленном полотне); составы из 1-2 обычных или сочлененных (2-3 секционных) вагонов с высокой подножкой	Бурса (1)	6,5	8,5
5	Исторический (ностальгический) трамвай	Однопутные уличные пути с разъездами (чаще всего с запретом движения автомобилей); старые трамвайные вагоны 1920-60-х гг. (1-2 вагона, иногда сочлененные); короткие линии; предназначены для туристов и пешеходов	Стамбул (2) Анталья (1) Бурса (1)	1,6 + 2,6 = 4,2 4,9 2,2 11,3	Стамбул (1) 0,6
6	Скоростной автобус (БРТ)	Выделенные полосы для движения только автобусов по оси или боковине автомагистрали; движение левостороннее; станции с платформами, вход на которые осуществляется через электронные билетные терминалы по лестницам или через туннели; 2-3 секционные сочлененные автобусы большого габарита; повышенная частота движения (интервал в часы пик 1-2 мин.)	Стамбул (1)	50,5	–

Таблица 2. Окончание

7	Подвесные канатные дороги	Съемные вагоны-гондолы (число зависит от пассажиропотока)	Стамбул (2), Анкара (1), Газиантеп (1), Кайсери (1), Орду (1), Самсун (1)	–	Анкара (1)
8	Фуникулер	Электронно приводимые в движение по рельсам 2 вагона, соединенные стальным канатом; для крутых подъемов	Стамбул (1: Караташ)	0,6	–

Таблица 3

Хронология открытия новых систем пассажирского транспорта в городах Турции

Дата	Город	Тип системы	Номер или название линии	Первоначальная длина линии (км) в момент пуска
11.03.1989	Стамбул (европ. часть)	Легкий метрополитен	M1	9,0
29.12.1990	Стамбул (европ. часть)	Исторический трамвай	T5 (Истиклял – Таксим)	1,6
30.05.1992	Стамбул (европ. часть)	Скоростной трамвай	T1	4,3
28.09.1992	Конья	Скоростной трамвай	1	10,8
30.08.1996	Анкара	Легкий метрополитен	AnkaRay	8,7
29.12.1997	Анкара	Метрополитен	M1	14,7
27.03.1999	Анталья	Исторический трамвай	1	4,9
25.08.2000	Измир	Метрополитен	1	11,9
16.09.2000	Стамбул (европ. часть)	Метрополитен	M2	7,8
23.04.2002	Бурса	Легкий метрополитен	BursaRay	17,5
01.11.2003	Стамбул (азиат. часть)	Исторический трамвай	T3 (Кадыкёй – Moda)	2,6
24.12.2004	Эскишехир	Скоростной трамвай	1 +2	14,5
06.2006	Стамбул (европ. часть)	Фуникулер	Ф1	0,6
14.09.2006	Стамбул (европ. часть)	Скоростной трамвай	T2	5,2
14.09.2007	Стамбул (европ. часть)	Легкий метрополитен	T4	12,4
17.09.2007	Стамбул	БРТ	34	18,2
18.03.2009 (14.05.2010)	Адана	Легкий метрополитен	1	8,5
01.08.2009	Кайсери	Скоростной трамвай	1	17,8
26.12.2009	Анталья	Скоростной трамвай	AntRay	11,1
10.10.2010	Самсун	Скоростной трамвай	1	17,2
01.03.2011	Газиантеп	Скоростной трамвай	1	11,5
28.05.2011	Бурса	Исторический трамвай	T	2,2
07.08.2012	Бурса	Трамвай	T1	6,5
17.08.2012	Стамбул (азиат. часть)	Метрополитен	M4	26,5
10.09.2012	Стамбул (европ. часть)	Метрополитен	M3	15,9
2012	Стамбул (европ. часть)	Исторический трамвай	Сальпазар	0,6

портных пробок, которые возникают ежедневно из-за несоответствия низкой пропускной способности их улично-дорожной сети и относительно высокого уровня ав-

томобилизации жителей турецких городов. Переключение части пассажиропотока на эти новые виды общественного транспорта с большой провозной способностью уже в не-

которой степени смягчило проблему быстрого перемещения внутри больших городов. Новые системы городского транспорта кардинально проблему пробок не решают и ослабляют их остроту незначительно. Но они позволяют части населения, пользующейся этими системами, избежать (обойти) транспортные пробки и ускорить свое перемещение по городу, тогда как люди, использующие для поездок в часы пик по городу индивидуальный автотранспорт, лишены такой возможности.

Расширение уже вновь построенных систем общественного городского рельсового транспорта продолжается (см. самую правую колонку табл. 2): к 2015 г. протяженность сети линий обычного метрополитена во всех городах страны увеличится до 118,4 км; легкого метрополитена – до 157,9 км; скоростного трамвая – до 175,3 км. Продолжающееся расширение сетей рельсового общественного

транспорта во всех больших городах Турции позволит ускорить поездки горожан и отчасти разгрузит в них очень перегруженные автомагистрали. Тем не менее, до решения проблемы транспортных пробок в больших турецких городах пока еще далеко, хотя некоторые меры и предпринимаются (например, практикуется небольшое повышение цен на бензин в Стамбуле при увеличении автомобилепотоков). Пока единственным средством снятия ее остроты является переключение транспортных потоков на вновь создаваемые системы рельсового транспорта разного типа и скоростной автобус.

Строительство внеуличных рельсовых транспортных систем по направлениям главных пассажиропотоков остается пока единственным эффективным способом хотя бы незначительного снижения остроты транспортных проблем (в т.ч. пробок) в городах Турции.

Чаплиньски П. (Слупск, Польша)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЫБОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОЛЬШИ

Czaplinski P.

SPATIAL FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF FISH PROCESSING INDUSTRY IN POLAND

Аннотация. В последнем десятилетии реализованная продукция рыбоперерабатывающей промышленности выросла более чем втрое. Предприятия по переработке рыбы проявляют высокую способность адаптации к турбулентно меняющимся условиям рынка. Это происходит вследствие формирования конкурентоспособности через процессы консолидации в широком их понимании, а также путем создания прочных организационно-пространственных связей международного масштаба. Тем самым европейский рынок переработки рыбы обеспечил не только экономическое существование уже действующим предприятиям, но также стал импульсом к созданию новых производственных единиц, предлагающих свои продукты и услуги на рынке ЕС.

Abstract. In the past decade the fish processing was one of the fastest growing sectors of the food industry. Sold production of fish processing industry has grown more than three times over the first decade of this century. Fish processing plants show high adaptability to the turbulence changing conditions of the market game. In particular, this is due to the formation of competitiveness by the processes of consolidation/cooperation in the broadest sense, as well as by the creation of strong organizational and spatial relationships of international scope. The European Single Market of fish processing secures not only economic existence for already operational enterprises, but also has become the impetus for the creation of new production units that offer products and services in the EU markets.

Ключевые слова: переработка рыбы, промышленность, кластер, консолидация, концентрация, пространственная структура.

Keywords: Fish processing, industry, cluster, consolidation, cooperation, concentration, spatial structure.

Введение. Продолжающийся уже более двадцати лет процесс перестройки экономической системы в Польше фундаментально

связан с переходом от централизованного управления к рыночной модели. Этот процесс коренным образом определяет функци-

онирование экономики как единого целого, но также имеет свои заметные результаты в мезо- и микро-масштабах. Подтверждением этого являются, в частности, изменения в функционировании промышленных предприятий, рассматриваемых в качестве основных элементов пространственных форм концентрации промышленности.

В аспекте исследований пространственных форм концентрации промышленности из сферы географии промышленности, одним из наиболее существенных вопросов представляется теория локализации и связанные с ней пространственные последствия в широком их понимании. Здесь следует добавить, что они могут приобретать очень различный масштаб, темп и глубину, вызывая обычно необратимые изменения в пространственной структуре поселений или территориальной единицы. Кроме того, сигнализируемые пространственные последствия могут касаться не только новых инвестиций, но и процессов перемещения или преобразования производственной деятельности. Они обычно приводят к новой организации промышленного пространства, вводя новые пространственные отношения, особенно в сфере пассивных и активных связей, а также отношений с прямым общественным и хозяйственным окружением [1-5].

Как утверждает А. Тобольска [6], новые стратегии функционирования предприятий, все шире базирующиеся на outsourcing и spin-off, ведут к созданию новых, как правило, малых производственных единиц, очень дифференцированно связанных между собой. Данный процесс создает новые экономические схемы, в том числе и новые формы концентрации промышленного производства, например, в виде промышленных округов нового типа [7], бизнес-сетей [8] или кластеров [9].

В настоящее время особенно быстро развивается теория кластера, которой посвящен ряд исследований, направленных на эмпирическую проверку концепции, согласно которой кластер – это расположенная в

географической близости группа комплиментарно или/и субституционно связанных между собой предприятий, прочно объединенных продуктом или/и сырьем или/и технологией, а также тесно связанных с ними организаций [10].

С этой точки зрения возникает вопрос о пространственных границах кластера: может ли кластер в географическом разрезе иметь исключительно локальный или региональный характер и характерна ли для кластера территориальная непрерывность?

Локализация промышленных предприятий по переработке рыбы в Польше

По данным Главного инспектората ветеринарии (ГИВ) за 2010 год, переработкой рыбы в Польше занимались 600 заводов, 250 из которых имели экспортные полномочия¹. Большинство из них – малые предприятия, состоящие из одного завода. И только 2 предприятия имели по 3 завода, а 5 – это предприятия, состоящие из 2-х заводов.

В 2010 г. по-прежнему очень интенсивно росло количество заводов, получивших допуск к прямой продаже только на локальных рынках своей страны. В конце 2010 г. в реестре ГИВ было 350 предприятий, имеющих право прямой продажи только на отечественном рынке, т.е. на 139 больше, чем в конце 2009 г. Следует заметить, что в реестре явно доминируют рыбацкие хозяйства и фирмы, занимающиеся продажей пресноводной живой и свежей рыбы. С точки зрения проблематики, намеченной темой работы, существенно и то, что из всех субъектов хозяйствования, состоящих в этом реестре, переработкой рыбы занимаются 50 заводов.

Следует подчеркнуть, что к концу 2010 г. территориальное размещение предприятий рыбной переработки по воеводствам было очень неравномерным. Показатель концентрации по Флоренсу² для предприятий, имеющих право торговли рыбными продуктами на территории ЕС, составил $F = 0,46$, что указывает на среднюю концентрацию производственных единиц в стране. По-прежнему

¹ Список заводов, утвержденных согласно Распоряжению (WE) № 853/2004

² Синтетическая мера пространственной концентрации, описанная, в частности, А. Файферком [11]

$$F = \frac{0,5 \sum |W_{ir} - W_i|}{100}$$

W_i – рассчитан как процентная доля каждого воеводства в территории всей страны, W_{ir} – рассчитан как процентная доля каждого воеводства в количестве перерабатывающих заводов, имеющих право прямой продажи на отечественный рынок и рынок ЕС по отношению к общему количеству перерабатывающих заводов, имеющих право прямой продажи на отечественный рынок и рынок ЕС в Польше в 2010 г.

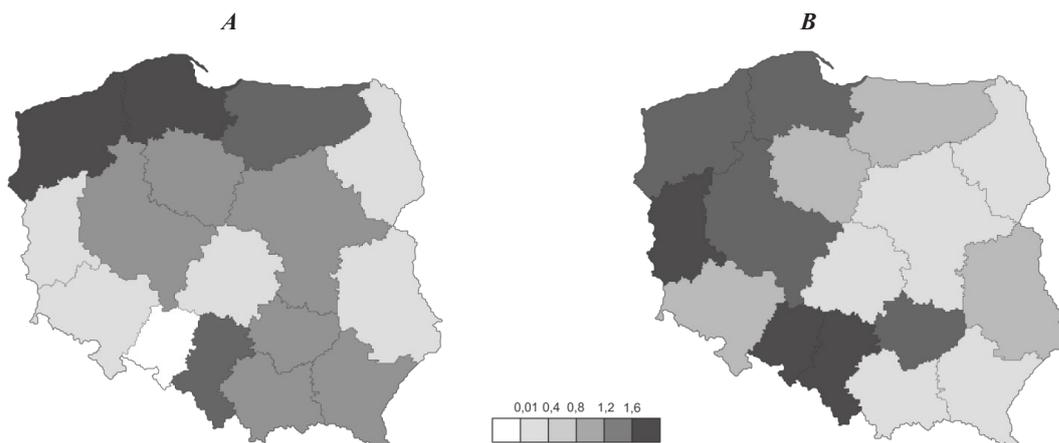

Рис. 1. Частное локализации LQ для перерабатывающих заводов (2010 г.):

А – имеющих право прямой продажи на отечественный рынок и рынок ЕС;
 В – имеющих право прямой продажи только на отечественный рынок

большинство из них (57,6%) размещены в приморских воеводствах, т.е. в Поморском и Западно-Поморском. Необходимо отметить, что их доля снижается в среднем на 0,5% в год. Среди факторов, влияющих на локализацию предприятий в приморских регионах, решающую роль играют удобный доступ к сырью, особенно свежей рыбе, давние традиции производства, а также накопленный производственно-организационный потенциал и трудовые ресурсы.

Стоит, однако, отметить, что при принятии локализационных решений, связанных с обсуждаемой производственной деятельностью, растет значение таких факторов локализации, как коммуникационная доступность (особенно временная) и близость рынка сбыта, особенно больших агломераций, таких, как варшавская, верхнесилезская или познаньская. Важны и трудовые затраты, так как следует помнить, что значительная часть обработки рыбы по-прежнему осуществляется на базе процессов, выполняемых вручную.

Частное локализации LQ³ подтверждает сверхпропорциональность размещения заводов по переработке рыбы в приморской зоне – Поморское воеводство (5,13) и За-

падно-Поморское (3,77). Но сверхпропорциональностью, хотя и в значительно меньшей степени, отличается также и Силезское воеводство (1,42), а показатель, близкий к пропорциональному, имеет Варминско-Мазурское воеводство (0,98). Следовательно, представляется, что рыбоперерабатывающая промышленность в Польше подвергается медленной пространственной дисперсии (рис. 1).

Территориальное размещение перерабатывающих заводов, уполномоченных к прямой продаже на отечественный рынок, имеет несколько иной пространственный расклад. В приморских воеводствах функционирует без малого 15% такого типа производственных единиц, зато самая большая их сверхпропорциональность наблюдается в воеводствах Силезском (6,83), Любушском (2,56), Опольском (2,47) и Великопольском (1,17), удельный вес которых в общей совокупности заводов составил 56,9%. Следует также обратить внимание на значительную концентрацию заводов в Варминско-Мазурском воеводстве. Причины явной концентрации предприятий в перечисленных выше воеводствах связаны с сырьевой базой. Эта база в основном относится к исполь-

³ Частное локализации (LQ), описанное Т. Стрыкевичем [3], основано на отношении:

$$LQ_i = \frac{P_{ii}}{P_{ji}}$$

где: LQ_i – частное локализации для i – данной пространственной единицы; P_{ii} – % доля i – признака (свойства) i – данной пространственной единицы в единице высшего уровня; P_{ji} – % доля j – признака (свойства) i – данной пространственной единицы в единице высшего уровня.

В силу общих принципов, когда LQ ⇒ 1, тогда можно предполагать относительный дефицит данного признака (свойства).

зующим природные условия пресноводным аквакультурам. В случае Силезского, Опольского и Любушского воеводств, кроме природных условий и традиций, большая концентрация заводов рыбной переработки обусловлена выгодным транспортным расположением, а также близостью и доступностью рынка сбыта, каким, в частности, является верхнесилезская агломерация. Кроме того, к интересным следует отнести факт значительного развития предприятий данной группы, которое наступило после 2006 г. Его детерминантой была реализация программы «Сбалансированное развитие рыболовецкого сектора и прибрежных рыболовных территорий 2007–2013 гг.» и особенно его приоритетного направления, связанного с инвестициями в аквакультуру и пресноводное рыболовство. Благодаря этому, только в 2010 г. в масштабах страны создано 139 производственных единиц.

Польские рыбозаводы, как и в других странах ЕС – это прежде всего небольшие, зачастую семейные фирмы с занятостью, не превышающей 9 работников, и, несмотря на то, что на протяжении последних нескольких лет их число подверглось уменьшению, они все-таки по-прежнему доминируют в структуре объемов производства. Одной из причин такого положения является наблюдаемый процесс концентрации производства переработки рыбы, который не благоприятствует росту занятости в отдельных подчиненных компаниях. Еще одна причина – большой барьер предложения, который ограничивает развитие. Несмотря на это, растет число предприятий в группе 50–249 работников. Количество заводов, коллектив которых превышает 250 человек, составляет около 3% от общего числа предприятий данной отрасли.

Пространственные последствия процессов концентрации рынка рыбоперерабатывающей промышленности

Современные принципы функционирования продовольственного рынка, в том числе и переработки рыбы, склоняют к размышлению, что концентрация, как в сфере производства и торговли, так и в сфере распределения, является необходимой процедурой, так как экономическое торможение, с одной стороны, является импульсом для укрепления позиции на рынке через по-

глощения или слияния, а с другой стороны – принуждает к ликвидации или же полной реструктуризации пассивных предприятий, т.е. таких, которые сами не вовлечены в поглощения, или не ставят перед собой такой цели. Об успехе предприятия свидетельствует его способность занять доминирующие позиции на рынке и склонить покупателей выбрать именно его, а не другие продукты. Достичь этих целей можно либо благодаря конкурентной цене, на которую можно выйти с помощью эффектов масштаба, либо в результате занятия весьма рентабельной ниши, в которой имеет значение не масштаб деятельности, а скорее высокая рентабельность и точный ответ на специфические запросы потребителя.

Представляется, что оба эти пути находят реализацию в отечественной переработке рыбы, т.к., с одной стороны, создаваемые в течение последних лет отечественные группы производителей используют эффект масштаба, а с другой – происходит процесс поглощения и расширения польскими предприятиями рынка переработки лососевых в европейском масштабе.

Следует подчеркнуть, что, независимо от избранного пути рыночного успеха, повышение конкурентоспособности предприятий рыбопереработки ныне определяют консолидационные процессы, которые по-прежнему будут продолжаться.

На основании проведенных исследований, касающихся отдельных предприятий отечественной переработки рыбы, можно выделить разные виды консолидационных действий. Одним из них является производственная концентрация, примером чего является группа GRAAL S.A. из города Вейхерово Поморского воеводства (рис. 2).

Процесс консолидации этой группы, начатый в 2004 г., является результатом последовательного воплощения принятой стратегии, которая на начальном этапе предполагает формирование позиции на традиционном поле деятельности, а затем консолидацию рынка рыбной переработки, цель которой – достижение доминирующей позиции в рыночном сегменте. Консолидация, заключающаяся в отраслевых аквизициях субъектов с дополняющими друг друга профилями производства или регионами деятельности, необходима также с точки зрения дальнейших шагов в сторону расширения деятельности

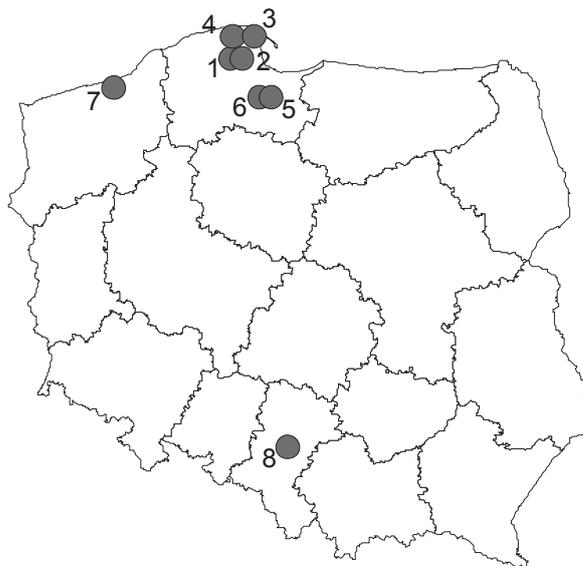

Рис. 2. Организационно-территориальная структура промышленно-финансовой группы GRAAL S.A. (по состоянию на 31.01.2010 г.)

Предприятия и производства: 1. GRAAL S.A. (Вейхерово), офис группы, 2. RUSKIJ CAVIAR Sp. z o.o. (Вейхерово), оптовая торговля, 3. KORDEX Sp. z o.o. (Сважево), пере-работка и консервирование рыбы и продуктов рыболовства, 4. POLINORD Sp. z o.o. (Кро-кова-Картошино), переработка и консервирование рыбы, 5. KORAL Sp. z o.o. (Тчев), производство рыбных консервов, копченой и мороженой рыбы, импорт и экспорт сырья для переработки, оптовая и розничная торговля, 6. KOOPEROL Sp. z o.o. (Сварожин), произ-водство консервов из мяса, субпродуктов и крови, 7. SUPERFISH S.A. (Кукина-Устроне Морске), рыболовство и рыбоводство, включая деятельность по предоставлению услуг, переработке и консервированию продуктов рыболовства, переработке фруктов и овощей, оптовая продажа по подряду, оптовая продажа продуктов питания, напитков и табачных изделий, иная оптовая продажа, розничная продажа продуктов питания и т.п. 8. GASTER Sp. z o.o. (Яськовице), иное консервирование фруктов и овощей.

Источник: Составлено автором по данным сводного финансового отчета Grupy Kapitałowej GRAAL за период 01.01.2009–31.12.2009, Вейхерово, апрель 2010.

новыми рыночными пространствами, например, pet food.

Как следует из опубликованных отчетов компании⁴, существует ряд дополнительных причин консолидации. К ним относятся:

- лучшее использование каналов продаж,
- внедрение единых методов управления,
- более настойчивая переговорная сила по отношению к поставщикам и покупателям,
- единая маркетинговая политика,
- более эффективное использование производственных ресурсов,
- ограничение сезонности продаж.

С географической точки зрения интересным нужно признать тот факт, что деятельность группы, ее территориально-организационные связи, значительно выходят за пределы регионального масштаба.

Другим наблюдаемым видом консолидации является консолидация торговли рыбой,

которую представляет созданный в 2009 г. Польский центр дистрибуции рыбы. И в данном случае созданная пространственная структура носит явно сверхрегиональный характер. Главной целью Центра является улучшение дистрибуции рыбы в Польше на базе шести крупных дистрибьюторских фирм, преимущественно из южной и восточной части страны (рис. 3).

Следует согласиться с тезисом, что существующие дистрибьюторские каналы не являются слаженными, а главное, не гарантируют качественно единых поставок, как на региональном, так и на отечественном уровне [14]. Поэтому Польским центром дистрибуции рыбы была предпринята политика активной консолидации торговли рыбой, целью которой является:

- обслуживание на единых условиях розничного рынка,
- улучшение логистических систем,

⁴ Расширенный сводный квартальный отчет GK GRAAL за 1 квартал 2010 г. и презентация GK GRAAL 14.02.2007 г. в Варшаве.

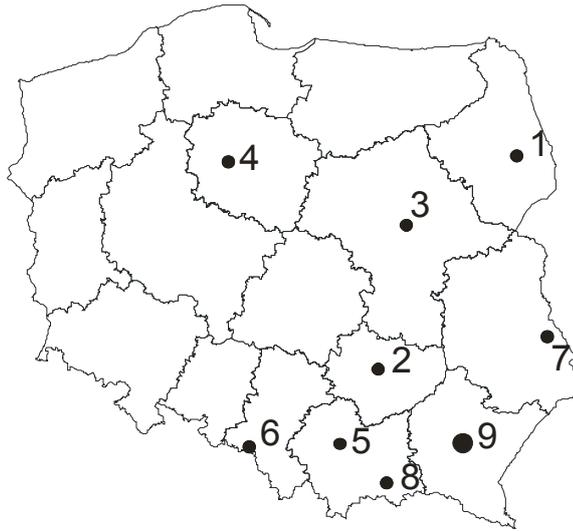

Рис. 3. Пространственная структура Польского центра дистрибуции рыбы (по состоянию на 31.12.2009 г.)

Предприятия и фирмы: 1. Akwen (Белосток), 2. Akwen II (Кельце), 3. Akwen III (Радзымин), 4. K.M. Białas (Быдгощ), 5. Dar Morza (Краков), 6. Neptun II (Водзислав Шлёнский), 7. Transryb (Хелм), 8. Laps II (Новы Сонч), 9. Laps (Жешув).
 Источник: составлено автором по данным: Брониковский А. [13] и [12].

- совместные маркетинговые действия,
- совместные действия в сфере внешней торговли,
- совместная помощь в поиске средств ЕС.

Иной вид консолидации можно наблюдать на примере функционирующей с 2004 г. компании MORPOL S.A. из Дунинова около Устки, реализующей схему торгово-производственно-сырьевой консолидации и концентрации основных производств. Целью действий, предпринимаемых предприятием, является создание производственно-технологической цепочки, начиная с разведения рыбы, её переработки и заканчивая созданием торговой и дистрибьюторской сетей. Активная политика создания собственной базы аквакультуры путем поглощения существующих фирм и заводов по переработке лососевых за пределами страны (Шотландия), должна обеспечить не только постоянные поставки сырья, но и более удобный доступ на европейские рынки, а в особенности на трудные французский и британский рынки, с которых предприятие успешно вытесняет норвежские фирмы.

Кроме обеспечения себя источниками сырья, фирма активно развивает также производственную сферу через строительство новых перерабатывающих заводов в стране (в

Слупской специальной экономической зоне) и за границей (в Шотландии). В планах предусматривается заняться разведением рыбы и открыть производство в Германии и Франции. В сфере торговли и дистрибуции открываются собственные представительства в Великобритании, Франции, Германии и США.

Выводы. Представленные примеры процессов концентрации отечественного рынка переработки рыбы позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, обсуждаемые процессы, начавшиеся несколько лет тому назад, позволили предприятиям относительно хорошо функционировать сегодня, в период экономических трудностей во многих странах.

Во-вторых, благодаря гибкости поставок, высокому качеству и точному удовлетворению специфических запросов потребителя, вытекающих из кооперации на уровне сырья, переработки, торговли и дистрибуции, удалось с успехом выйти и завоевать преимущество на рынках ЕС.

В-третьих, только большие хозяйственные структуры, которые не согнутся под диктатом более крупных компаний и промышленно-финансовых групп, способны пойти на конфронтацию с крупными оптовыми сетями.

В-четвертых, строительство современных, выходящих за пределы региона, производственных и дистрибьюторских каналов позволяет не только координировать обслуживание розничной торговли, но также вести совместную политику во внешней торговле, маркетинге, в привлечении средств ЕС и в обмене опытом, благодаря чему достижение конкурентного преимущества над другими субъектами (отечественными и зарубежными) происходит гораздо быстрее.

С учетом вышеизложенного следует ответить на вопрос, дают ли описанные процессы право на употребление термина «кластер» в отношении промышленности рыбной переработки? Представляется, что в пользу этого говорят следующие предпосылки:

- функционирование предприятий перерабатывающей промышленности базируется на общем сырье, географически происходящем из одного и того же источника;
- все польские предприятия используют похожие технологии, в силу чего сам продукт становится гомогенным. Отсюда значительная активность предприятий в сфере упаковки;

- многие предприятия имеют между собой пространственно-организационные связи в сфере привлечения сырья и сбыта готовых изделий, например, через дистрибьюторские и торговые сети;
- существуют примеры тесного сотрудничества дополняющих друг друга предприятий, (например, промышленно-финансовая группа GRAAL);
- существуют многочисленные примеры связей предприятий с организациями, занимающимися морским хозяйством, например, с Агентством реструктуризации и модернизации сельского хозяйства (в рамках операционной программы «Рыба») или же с научным консорциумом «Польмар». Однако, можно ли говорить о географической концентрации хозяйственных субъектов – промышленной локализации? Представляется, что определение: «промышленное сосредоточение/локализация» – вызывает много сомнений, так как этот термин функционирует в литературе по географии промышленности уже много лет [4], но его понятийный диапазон отличен от понятия «кластер».

Библиографический список

1. Czapliński P. Problemy badawcze transformacji przemysłu przetwórstwa ryb w Polsce. Тернопіль, : Наукові Студії, вип. 10, 2011.
2. Rachwał T. Efekty restrukturyzacji wybranych przedsiębiorstw przemysłowych Polski południowo-wschodniej//Efekty restrukturyzacji polskiej przestrzeni przemysłowej „Prace Komisji Geografii Przemysłu PTG”/ Ziolo Z., Rachwał T. [red], nr 9, Warszawa-Kraków, Wyd. Nauk. AP, 2006, s. 98-115.
3. Strykiewicz T. Adaptacja przestrzenna przemysłu w Polsce w warunkach transformacji, Poznań, Wyd. UAM, 1999.
4. Wieloński A. Geografia przemysłu. Warszawa: Wyd. UW, 2005.
5. Ziolo Z. Problemy transformacji struktur przemysłowych w procesie przechodzenia do gospodarki rynkowej//Problemy transformacji struktur przemysłowych w procesie przechodzenia do gospodarki rynkowej/ Ziolo Z. [red]. Warszawa–Kraków: Wyd. Nauk. WSP w Krakowie, 1997, s.13-19
6. Tobolska A. Powstawanie i ewolucja klastrów jako innowacyjnej formy organizacji przestrzennej produkcji przemysłowej (na przykładzie klastra meblarskiego „Chlastawa-Zbąszyń-Zbąszynek”)// Problematyka 27 Międzynarodowej Konferencji Naukowej nt. „Wpływ innowacyjności na rozwój przedsiębiorstw i gospodarki w układach przestrzennych” /Red. Ziolo Z., Rachwał T. Kraków, Wyd. UP w Krakowie, 2011, s.94-95.
7. Grzeszczak J. Bieguny wzrostu a formy przestrzeni spolaryzowanej//Prace Geograficzne, nr 173. Wrocław, Wyd. PAN IGiPZ, 1999, s. 29-79.
8. Strykiewicz T. Koncepcja usieciowienia w badaniach przestrzenno-ekonomicznych // Koncepcje teoretyczne i metody badań geografii społeczno-ekonomicznej i gospodarki przestrzennej / Rogacki H. [red.]. Poznań, Wyd. Bogucki, 2001, s. 37-48.
9. Dutkowski M. Klastry w rozwoju regionalnym//Biuletyn PAN KPZK, z.219, Warszawa, 2005, s. 57-73
10. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. New York, Free Press, 1990.
11. Fajferek A. Region ekonomiczny i metody analizy regionalnej. Warszawa: PWE, 1966.
12. Seremak-Bulge J. Dynamiczny rozwój i dobre perspektywy na przyszłość. I Edycja Rankingu Zakładów Rybnych // Agro Trendy, 2009, nr 24 (131).
13. Bronikowski A. Główni gracze na rynku ryb w Polsce//AgroTrendy, 2009, nr 24 (131).
14. Kobielska Z. Ryba prosto z wody // Fresh & Cool Market, 2009, nr 10.

ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА УКРАИНЫ

Shariy V.I.

OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF THE TRANSFORMATION OF LOCAL GOVERNMENT IN THE REFORM OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF UKRAINE

Аннотация. В статье изучены задачи и принципы трансформации системы местного самоуправления в условиях реформы административно-территориального устройства Украины. Приведены примеры аналогичного опыта реформ в странах-членах Совета Европы.

Abstract. The paper studied the objectives and principles of transformation of local government in the reform of the administrative-territorial structure of Ukraine. The examples of similar experience of reforms in the member states of the Council of Europe.

Ключевые слова: территориальное сообщество, административно-территориальное сообщество, реформирование, межбюджетные отношения, местные органы власти.

Keywords: territorial community, administrative and territorial community, reform, intergovernmental relations, local government.

Постановка проблемы. Начиная с декабря 1990 года, в Украине есть понимание, что базовым элементом административно-территориального устройства государства, а также территориальной основой наиболее демократичной и ответственной части публичной власти должно стать региональное (местное) сообщество. В первом Законе о местном и региональном самоуправлении, который сочетал советскую основу со стремлением к местной автономии, село, поселок, город были определены базовым уровнем местного самоуправления.

Практический опыт свидетельствует, что реально к такому базовому уровню можно отнести только города областного значения, а также часть городов районного значения. Абсолютное большинство сел и поселков, формально называясь такими же территориальными сообществами, как и города, не в состоянии выполнять полномочия местного самоуправления. Несомненно, что такая несостоятельность является объективной.

Например, все сельсоветы Дунаевецкого района Хмельницкой области являются дотационными. Собственные доходы в них составляют от 5 до 30% бюджета. В некоторых сельсоветах, кроме них самих, нет ни одной бюджетной организации. Подобная ситуация и в других областях Украины [4, с. 412].

Поскольку Закон Украины о местном самоуправлении в Украине содержит универ-

сальные нормы относительно полномочий органов местного самоуправления территориальных сообществ, а значительное количество местных сообществ их реализовать в принципе не может, то это приводит к необходимости выполнения этих полномочий органами исполнительной власти. Так возникает проблема дублирования полномочий местного самоуправления и местных государственных администраций. Даже в самодостаточных территориальных сообществах значительное количество полномочий, которые выполняют исполнительные комитеты соответствующих местных советов, являются полномочиями, делегированными государством.

Анализ исследований и публикаций. Потребность в новых методах, механизмах и технологиях современного управления населенными пунктами (местными советами) Украины остро ощущается как на местном, так и на общегосударственном уровнях. С точки зрения украинского ученого и практика О. Исыпа, для местного самоуправления характерна экономическая слабость территориальных сообществ, их финансовая зависимость от государства, отсутствие четкого раздела полномочий “по вертикали”. При этом местная власть вынуждена ориентироваться на обслуживание государственных интересов [4, с. 276].

Как указывает украинский исследователь В.В. Кравченко, органы местного самоуправ-

ления не имеют эффективной законодательной базы, а также финансового обеспечения для выполнения делегированных и даже собственных полномочий. Кроме этого, при изучении бюджетов малых городов Украины было замечено, что в них только 15–17% средств – это ресурсы для выполнения собственных полномочий [2, с. 45].

Неудовлетворительным остается техническое состояние сетей и сооружений, которые эксплуатируются предприятиями жилищно-коммунального хозяйства. Начиная с 2008 г., в аварийном состоянии находятся 30% водопроводных и 27% канализационных сетей, почти 14 тыс. км тепловых сетей. Постепенно ухудшается состояние жилищного фонда Украины. Около 40 тыс. домов (4% жилищного фонда Украины) относятся к категории аварийных. В ремонте нуждается каждый третий дом [3].

Выделение нерешенных ранее частей проблемы. Развести полномочия между органами местного самоуправления, органами исполнительной власти, а также органами местного самоуправления района и области без выравнивания социально-экономического потенциала территориальных сообществ, путем проведения реформы административно-территориального устройства, невозможно.

Формирование целей статьи. Цели исследования – выделение основных требований к организации местного самоуправления в условиях реформы административно-территориального устройства Украины; выработка принципов эффективного демократического управления в условиях реформы местного самоуправления; формулирование основных задач дальнейшей трансформации системы местного самоуправления Украины.

Изложение основного материала. На современном этапе выделяются шесть основных вызовов для регионального развития Украины:

- опасность обострения межрегионального отчуждения вследствие политической регионализации и отличий геополитической ориентации населения;
- нарушение эффективного взаимодействия в направлениях “центр – регионы” и “регион – регионы”;
- попытки искусственной экономической и политической автономизации отдельных регионов;

- значительная дифференциация регионов по уровню экономического развития и качеству жизни населения (имеется в виду даже не процентная, а порядковая разница отдельных показателей);
- региональная асимметрия в системе межбюджетных отношений;
- несовершенство менеджмента на региональном и местном уровнях.

Именно региональная экономическая дезинтеграция является одной из важных проблем регионального развития Украины. Она проявляется путем смены внутренней консолидированности экономического пространства, ослабления межрегиональных связей вследствие усиления замкнутости региональных хозяйственных комплексов, а также повышения роли внешнеэкономических отношений.

Среди основных причин неэффективности деятельности институтов публичной власти на местах в Украине известный ученый Н. Пухтинский выделяет следующие [4, с. 353–354]:

- институциональный конфликт между органами местного самоуправления и местными государственными администрациями, обусловленный нерациональным и нечетким распределением полномочий между органами исполнительной власти и местного самоуправления;
- отсутствие у районных и областных советов возможностей самостоятельно реализовывать местную политику через образующиеся ими исполнительные органы;
- политизация местных советов и нарушение принципа представления общих интересов территориальных сообществ при формировании областных и районных советов;
- недостаточность механизмов деятельного участия граждан в реализации местного самоуправления, а также отсутствие деятельных механизмов подконтрольности органов местного самоуправления гражданам;
- негативное влияние несовершенства административно-территориального устройства на систему местного самоуправления и предоставление государственных, а также общественных услуг;

- несовершенство межбюджетных отношений и дефицит стабильных источников формирования доходов местных бюджетов, возрастание которых находилось бы под определяющим влиянием органов местного самоуправления;
- недостаточная кадровая и организационная возможности органов местного самоуправления решать вопросы местного значения.

Для сельских сообществ роль муниципальных консультантов выполняют районные советы и районные государственные администрации. Полная финансовая зависимость от районных бюджетов делает сельские советы еще более несостоятельными для общественной жизни. В сельских бюджетах практически отсутствуют статьи развития.

По состоянию на 2007 г., Украина осталась на обочине европейских интеграционных процессов. Неэффективная система государственного управления повлияла на все показатели жизни украинского гражданина. Так, по состоянию на 2008 г., Украина отстала от своих соседей не только в производстве ВВП на душу населения, но и по показателям качества жизни – индексу человеческого развития. Практически в каждой области Украины есть несколько районов, которые в принципе не имеют финансовой основы для своего существования. На их территориях нет промышленных предприятий, а бюджетная сфера – минимальна. Даже назначение глав местных государственных администраций в таких районах достаточно проблемно, поскольку самым опытным и самым образованным человеком в них является директор школы или главный врач районной больницы. Районы в 25–30 тысяч человек населения для многих украинских областей скорее правило, чем исключение. Возникает вопрос, будет ли нужен такой район в условиях, когда услуги, которые в нем оказываются территориальным сообществам, не будут соответствовать ни одному стандарту качества? [4].

Выполнение этих задач в идеале должно сопровождаться ускоренным реформированием систем государственного управления и местного самоуправления, процессами децентрализации и деконцентрации. Ключевая роль в этом процессе принадлежит собствен-

но местному самоуправлению. Одним из ориентиров на этом пути есть внедрение в их деятельность системы управления качеством ДСТУ ISO 9001:2001, которая является инструментом повышения ответственности перед гражданами за уровень услуг, предоставляемых органами местного самоуправления. Например, город Славутич добился высокого уровня предоставления социальных услуг местному сообществу. Процессом стандартизации охвачены почти все сферы жизнедеятельности города, в результате чего отработаны 45 информационных карт по оказанию жилищно-коммунальных, образовательно-культурных и социальных услуг. Для этого был проведен ряд мероприятий:

- обучение должностных лиц местного самоуправления, коммунальных предприятий и организаций города современным методам управления качеством;
- организация круглых столов по вопросам внедрения систем управления качеством оказания социальных услуг;
- самооценка выполнения возложенных на них задач в органах местного самоуправления, предприятиях жилищно-коммунальной сферы и в структуре развития бизнеса; информационная кампания в местных СМИ;
- организация семинаров по определению миссии организации, политики качества, стандартов услуг и относительно вопросов разработки, внедрения, а также сертификации систем управления качеством;
- подготовка и обучение внутренних аудиторов по персоналу органов местного самоуправления, а также предприятий города;
- подготовка и обучение внешних аудиторов по персоналу органов местного самоуправления, а также предприятий города;
- организация системы обратной связи между жителями города и органами местного самоуправления, коммунальными предприятиями, а также организациями по качеству социальных услуг;
- разработка стандартов качества предоставления услуг в исполнительном комитете городского совета, на предприятиях, а также в структуре бизнеса;

- создание мини-библиотеки методической литературы по вопросам качества социальных услуг.

Реализация этой комплексной системы есть непрерывный процесс, который нуждается в постоянном совершенствовании.

Следующим этапом, после создания самодостаточных территориальных сообществ, видится пересмотр районного раздела областей. Для Украины это не впервые. Например, начиная с 1920 г., территория и внутреннее обустройство Хмельницкой области изменялись двадцать раз.

Укрупнение районов после становления самодостаточных территориальных сообществ будет содействовать децентрализации власти, поскольку значительная часть полномочий, делегированных органам местного самоуправления, станут их собственными полномочиями. Это снизит уровень вмешательства государства в деятельность местного самоуправления. При этом районные советы достаточно больших и экономически самодостаточных районов перестанут конфликтовать с соответствующими районными государственными администрациями. Они будут наделены четко определенными полномочиями, а также соответствующими ресурсами для их реализации. Можно предположить, что перечень этих полномочий будет невелик. Органы местного самоуправления района должны стать механизмом согласования интересов территориальных сообществ в рамках района, связанными с оказанием конкретных услуг населению.

Радикальные меры по уменьшению количества коммун были проведены в Швеции, Бельгии, Дании, ФРГ и других европейских странах. Например, в Швеции количество коммун было сокращено с 848 (1969 г.) до 288 (1995 г.), в Бельгии – с 2359 (1975 г.) до 589 (1988 г.). Тем временем численность низовых самоуправленческих единиц (коммун) во многих странах – членах Совета Европы еще остается достаточно значительной: во Франции – 36757 (в 1851 г. – 36835 коммун); ФРГ – 8500; в Италии – 8090; Испании – 8056; Греции – 5750; Нидерландах – 714; Бельгии – 589; Финляндии – 464; Португалии – 305; Дании – 275. Средняя численность населения коммун в этих странах составляет 5–7 тыс. чел. В отдельных странах Совета Европы наблюдается значительный удельный вес малочисленных коммун. Например,

в Италии 8,1% коммун имеют численность менее 500 чел., а 60% – меньше 3 тыс. чел. В отдельных странах (постюгославские государства) происходят обратные процессы – коммун разукрупняются. Это связано с тем, что существующие коммун имеют слишком большие размеры. Например, в Словении в средней коммуне насчитывается 31740 жителей, а в Македонии – более 60 тыс.чел. [1, с. 112].

Оптимизация административно-территориального устройства, внедрение при этом элементов электронного управления, для которого в Украине есть даже определенная база, должны существенно снизить бюджетные расходы на управление, оптимизировать его, значительно улучшить качество административных и других услуг, которые предоставляются органами публичной власти, а также создать новые точки экономического роста за пределами территорий больших городов. Это поспособствует сохранению исторического расселения людей в сельской местности.

Реформирование публичной администрации есть выполнение “общественного заказа” на эффективные, ответственные и открытые институты исполнительной власти, а также местного самоуправления, что предусматривает:

- образование экономически состоятельных субъектов местного самоуправления путем реорганизации сообществ, а также внедрения эффективных местных налогов (например, налог на недвижимость) и рационального местного самоуправления на уровне района и области как субсидиарного уровня местного самоуправления;
- справедливого правового регулирования административных процедур;
- направленность деятельности публичных институтов на оказание публичных услуг;
- внедрение новых организационных форм и стандартов качества услуг;
- усовершенствование механизмов правовой защиты граждан в отношениях с органами публичной администрации.

Таким образом реформа административно-территориального устройства Украины должна содействовать расширению полномочий местных органов власти в сфере утверждения и выполнения бюджетов. При

этом доходная база местных бюджетов должна возрасти вследствие:

- внедрения механизмов мотивации местных органов власти к укреплению местных финансов путем долгосрочного закрепления за местными бюджетами части общегосударственных поступлений;
- определения нормативов отчислений от общегосударственных налогов в местные бюджеты на основе дифференцированных коэффициентов, которые учитывают местные особенности, уровень развития региона;
- нормирования порядка выдачи местных ссуд (определение гарантий прав кредиторов, объектов залога и др.).

Например, во время проведения реформ в Польше принцип равенства возможностей жителей малых городов и крупных поселений был обязательным. Также интересной закономерностью является то, что во время опроса польских граждан относительно проведения реформ, большинство высказалось за децентрализацию и передачу средств и ответственности на уровень гмины и повата [1, с. 188].

Следующей составляющей трансформации межбюджетных отношений является достижение рационального баланса между собственными средствами местных бюджетов и трансфертами, которые направляются из государственного бюджета. Такой баланс должен помочь избежать иждивенческих настроений в органах местного самоуправления, а также ослабления экономической заинтересованности у доноров, которые перечисляют средства.

Реформу местного самоуправления в Украине целесообразно детерминировать через политический, а также административный аспекты. В свою очередь, политический аспект целесообразно реализовывать через формализацию программ, ориентированных на трансформацию управленческого процесса, оптимизацию структуры и функций местного самоуправления, изменение административно-территориальных границ, что обусловлено сменой модели отношений между государственной властью и самоуправлением. В нынешних условиях государство должно разработать стратегические ориентиры, которые смогут консолидировать все его регионы. Это курс на межреги-

ональную интеграцию и одновременно повышение роли регионов, придание местному самоуправлению реального смысла, нового функционального наполнения и внедрение сильной региональной политики, строящейся на общегосударственных приоритетах.

Выводы. Транзитивная модель реформирования системы местного самоуправления, а также административно-территориального устройства Украины интегрально должна создать условия для обеспечения таких важнейших для организации местного самоуправления требований:

- единство определенного хозяйства в рамках административно-территориальных единиц;
- сохранение единства бюджетной системы административно-территориальных единиц;
- самостоятельность органов местного самоуправления при решении вопросов местного значения в соответствии с законодательством;
- соответствие полномочий органов местного самоуправления материальным и финансовым ресурсам административно-территориальных единиц;
- обязательность законных решений органов, должностных лиц местного самоуправления, принятых на местном референдуме, для всех граждан, а также предприятий и организаций соответствующей территории;
- соответствие материально-финансовых ресурсов административно-территориальных единиц функциям и полномочиям органов местного самоуправления;
- стабильность основных источников прибыли местных бюджетов;
- ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением административно-территориальных единиц, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с законодательством.

Рекомендации. В основу реформирования местного самоуправления Украины должны быть положены принципы эффективного демократического управления на местном уровне:

- честное проведение выборов;
- соответствие результатов работы ор-

- ганов местного самоуправления требованиям и ожиданиям граждан;
- эффективность и результативность;
 - открытость и прозрачность работы органов местного самоуправления;
 - выполнение принципа верховенства права;
 - этическое, честное поведение должностных лиц местного самоуправления, уполномоченных на выполнение функций государства;
 - компетентность должностных лиц местного самоуправления, а также реализация их потенциала;
 - инновационность и открытость структур управления к изменениям;
 - стабильное развитие и направленность на долговременные результаты;
 - рациональное управление финансами и материальными ресурсами территориального сообщества;
 - уважение к правам человека, культурной многогранности, обеспечение социального взаимодействия в пределах территориального сообщества;
 - ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением.
- К основным заданиям трансформации системы местного самоуправления Украины следует отнести:
- реализацию начальных этапов административной, административно-территориальной реформ, а также внедрение политики финансовой децентрализации;
 - формирование экономически самодостаточных территориальных сообществ на принципах определения территориальной основы местного самоуправления, соответствующей ресурсной базы;
 - законодательное обеспечение, касающееся административной, административно-территориальной, бюджетной и фискальной реформ.

Библиографический список

1. Вторая волна польских реформ / Под ред. Л. Колярской-Бобиньской. – Варшава, 2000. – 209 с.
 2. Кравченко В.В., Пітцик М.В. Конституційні засади місцевого самоврядування в Україні (основи муніципального права) : Навч. посіб. – К.: Арарат-центр, 2001. – 176 с.
 3. Про затвердження Загальнодержавної програми розвитку малих міст: Закон України // Урядовий кур'єр. – 2004. – 6 травня. – № 84.
 4. Проблеми формування добросовісного, належного місцевого врядування: Збірник матеріалів та документів / За заг. ред. М. Пухтинського. – К.: Атіка, 2008. – 600 с.
-

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Нагирная А.В. (Москва)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОТКРЫТОСТЬ СТРАН МИРА¹

Nagirnaya A.V.

INFORMATION AND COMMUNICATION OPEN THE WORLD

***Аннотация.** В статье рассматриваются трафик-потoki мировых телекоммуникаций и специфика их самоорганизации. Анализируется информационно-коммуникативная открытость мира и степень интегрированности отдельных государств в мировое социально-экономическое пространство в аспекте информационных взаимодействий.*

***Abstract.** In the article the world communications' traffic flows and specificity of its self-organization are considered. The international communicative openness of different countries and the whole world is analyzed.*

***Ключевые слова:** информационно-коммуникативная открытость, информационно-коммуникационные технологии, трафик-потoki, глобальное информационное пространство, телефонный трафик, интернет-трафик, глобализация.*

***Keywords:** international communicative openness, information and communication technologies, traffic flows, global information space, telephone traffic, Internet traffic, globalization.*

В современную эпоху глобализации, информационной революции и становления глобального информационного общества всего за два десятилетия коммуникационные и информационные возможности человека и общества в целом выросли в миллиарды раз, как никогда сжалось географическое расстояние и время [2]. Новейшими информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) создаются наднациональные мосты, по которым информация – ключевой ресурс современного общества – легко преодолевает любые физические преграды и государственные границы и тем самым формирует глобальное информационное пространство, в котором из любой точки земного шара можно общаться с абонентом в любой другой его точке [5; 11]. Но несмотря на очевидные достижения науки и техники, не являются ли современные представления о беспрецедентной глобализации результатом «абберации близости»? И используют ли люди в полной мере возможности, представляемые современными ИКТ?

Ответить на эти вопросы поможет анализ потоков информации, циркулирующих в мире.

Потоки информации измеряются трафиком, под которым понимается объем передаваемой по сети информации в единицу времени. Исследование глобального телефонного трафика проводилось по статистике Международного союза электросвязи за 2007 г. для 158 стран мира [12]. В данной статье рассматриваются трафик-потoki трех видов телекоммуникаций: новейшего (интернет-трафик), совмещающего новые и старые технологии (телефонный трафик), а также старейшего (трафик почтовой службы).

Прежде всего, необходимо понимать, что общий уровень «коммуникативности» той или иной страны во многом определяется уровнем социально-экономического развития. Чем выше уровень развития страны, тем больше активность использования ИКТ населением. Так, например, в мире в среднем каждый человек совершает в год телефонных звонков общей продолжительностью 1072 минуты. При этом межстрановые различия чрезвычайно велики – от почти 9 тыс. минут на душу населения в Монако и на Каймановых островах до 1 минуты во Вьетнаме, Нигере и Бангладеш.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал»

Высокий показатель «телефонной коммуникативности» в Монако и ряде других микрогосударств Западной Европы обусловлен чрезвычайно большой долей иммигрантов (в основном туристов) в населении страны, которая в Монако составляет 70%.

Обратное влияние развития ИКТ на экономический рост и развитие страны также возможно, однако этот эффект достигается только после достижения определенного порога использования ИКТ [7].

В среднем в развитых странах мира, с ВВП на душу населения в диапазоне 20–35 тыс. долл. США, человек осуществляет в год телефонных звонков продолжительностью 3340 минут. При душевом ВВП, равном 10–20 тыс. долл., человек говорит по телефону в два раза меньше (1500 минут в год), при ВВП на душу населения в диапазоне 5–10 тыс. долл. – в три раза меньше (1040 мин.), а при душевом ВВП менее 5 тыс. долл. – в 6 раз меньше (570 мин.).

Среди государств наибольшей «телефонной коммуникативностью» населения (более 2000 минут в год на 1 жителя) отличается большинство развитых стран мира, а также Мексика, Россия, Беларусь, малые страны – нефтеэкспортеры (Катар, Бахрейн) и др.

К странам с повышенной «телефонной коммуникативностью» населения (1000–2000 мин. в год на 1 жителя) относятся Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция, большинство стран Латинской Америки и Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Пониженная «телефонная коммуникативность» (300–1000 мин. на человека в год) характерна для менее развитых стран ЦВЕ и Латинской Америки, ряда государств Центральной Азии и Северной Африки – Казахстан, Марокко и др. Низкий уровень «телефонной коммуникативности» (менее 300 минут в год на человека) свойственен наименее развитым странам мира: Пакистан (253), Эфиопия (4) и др.

Важными показателями информационно-коммуникационной самоорганизации глобального социально-экономического пространства являются: объемы международного исходящего трафика (как в абсолютном исчислении, так и в расчете на душу населения), география трафик-потоков, а также соотношение внутреннего и международного трафика.

Лидерами по объемам международного исходящего телефонного трафика являют-

ся США (70 млрд. мин.), Япония (43 млрд. мин.) и Германия (15 млрд. мин.). Крупными генераторами потоков телефонного трафика являются государства Южной Европы и малые европейские высокоразвитые страны, а также Канада, Мексика, Россия, Индия, Китай, Саудовская Аравия, ОАЭ, Израиль, Республика Корея, Гонконг, о.Тайвань, Сингапур, Филиппины, Малайзия и Австралия. На каждую из этих стран и территорий приходится от одного до 10 млрд мин. телефонного трафика в год.

При анализе объемов исходящего международного трафика на душу населения получается несколько иная картина. В мире в среднем каждый человек в год совершает международные телефонные звонки общей продолжительностью 39 мин. Дифференциация этого показателя по миру велика: от 3370 мин. в Сан-Марино до 1 минуты в Камеруне и Вьетнаме. Максимальные объемы исходящего международного трафика на душу населения (более 250 мин. в год) регистрируются в малых странах и микрогосударствах, активно вовлеченных в мировые хозяйственные связи – Монако, Ирландии, Швейцарии, Гонконге (Китай), Сингапуре, Катаре, Бермудских островах и др. Малые объемы исходящего международного телефонного трафика на душу населения (менее 40 минут) свойственны менее развитым и/или многонаселенным странам Восточной Европы (Румыния, Польша и др.), СНГ (Россия, Беларусь, и др.), Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Мексика, Коста-Рика, Панама и др.), Азии (Китай, Индия, Лаос и др.), а также африканским государствам.

Особенности территориальной самоорганизации потоков телефонного трафика рассмотрим на примере макрорегионов. Западная Европа отличается от других макрорегионов мира относительной равномерностью распределения потоков телефонного трафика между странами. Причина этого – высокий уровень региональной интеграции. Основными узлами европейских телефонных коммуникаций являются Германия, Великобритания, Франция и Италия, а также Испания, Швейцария, Нидерланды и Швеция (рис. 1). Максимальные потоки телефонного трафика циркулируют между основными экономическими центрами (европейскими странами «большой восьмерки»), а также странами, объединенными глубокими исто-

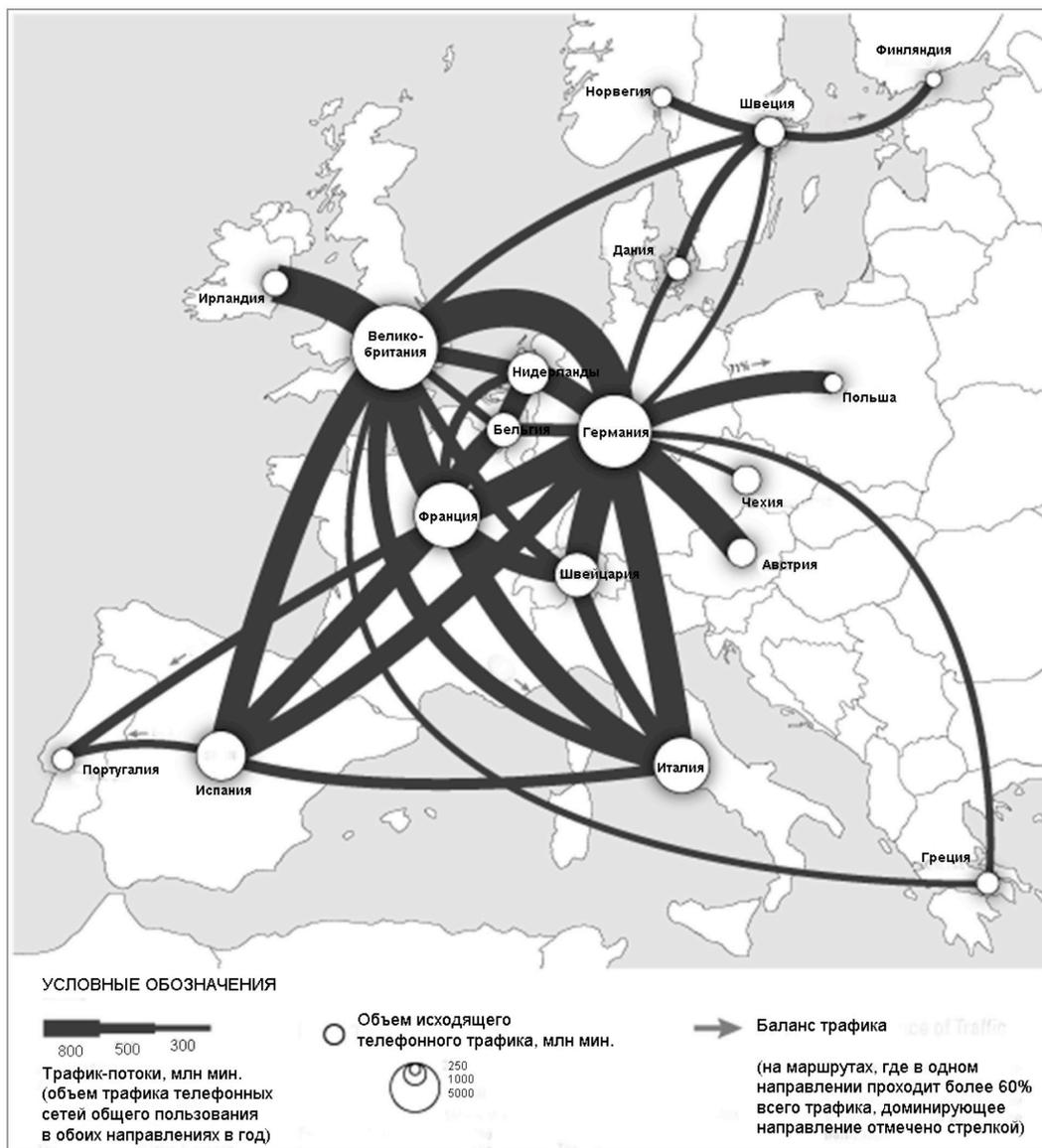

Рис. 1. География европейского международного телефонного трафика, 2005 г.
 Источник: [13].

рическими связями или единством языка (например, Великобританией и Ирландией, Германией и Австрией и т.п.).

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) основными генераторами международного телефонного трафика являются Гонконг, Австралия, Сингапур, о. Тайвань, Япония и КНР (рис. 2). При этом мощнейшие потоки телефонного трафика, сопоставимые по объему переговоров с крупнейшими европейскими, связывают КНР с его составной частью – Гонконгом и о. Тайвань. Крупные потоки трафика циркулируют также между Японией и КНР, Японией и Филиппинами, Японией

и Республикой Корея, между Сингапуром и Малайзией, а также между Австралией и Новой Зеландией. Характер внешних коммуникаций разных стран (сочетание объема исходящего из страны телефонного трафика и мощности внутрорегиональных трафик-потоков с участием данной страны) свидетельствует о различной коммуникативной специализации стран мира. К примеру, очевидно, что в таких странах, как КНР, Гонконг, о. Тайвань и Новая Зеландия, значительная (а в некоторых случаях, преимущественная) часть внешних телефонных коммуникаций ограничивается пределами макрорегиона и,

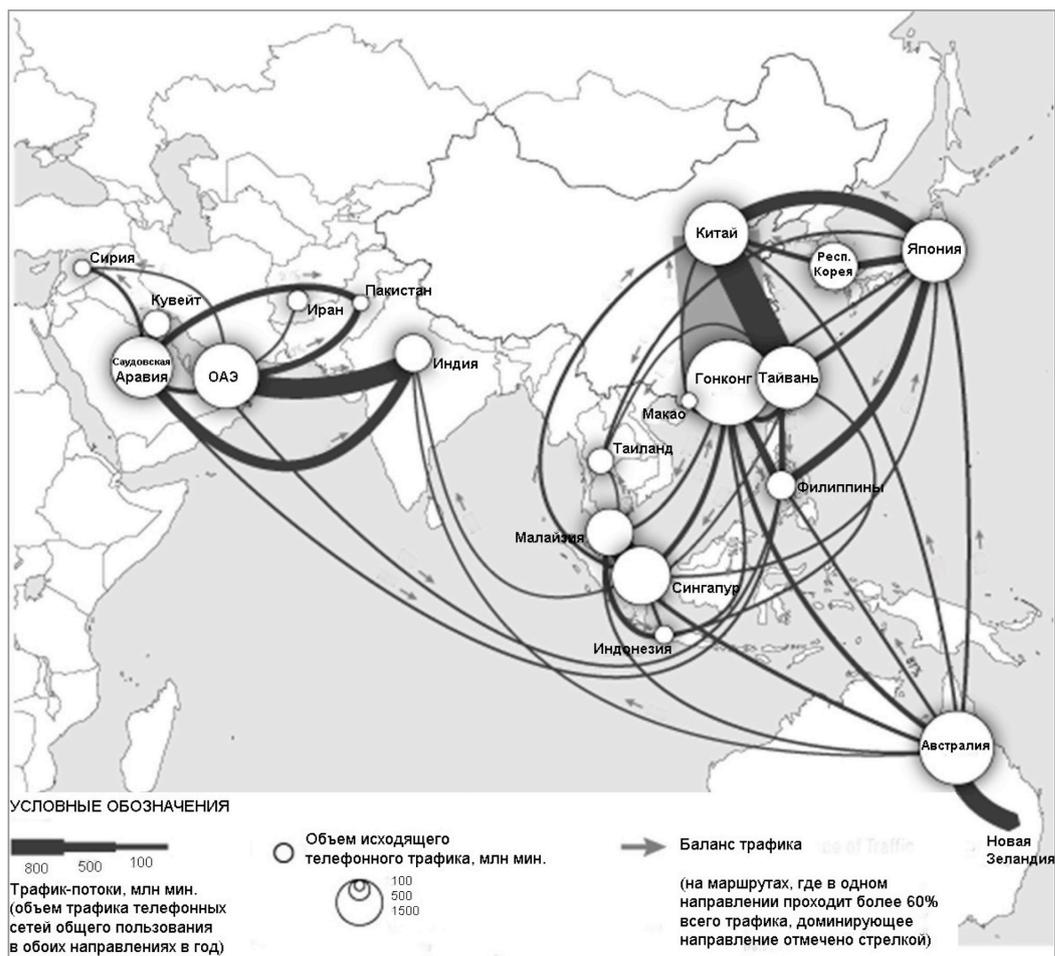

Рис. 2. География международного телефонного трафика АТР, Южной Азии и Ближнего Востока, 2005 г.

Источник: [13].

более того, соседними странами. С другой стороны есть такие государства, как Сингапур, Республика Корея и Япония, основная часть телефонных коммуникаций которых, совершенно очевидно, выходит за пределы макрорегиона. Таким образом, можно говорить о внешней коммуникативности регионального и глобального масштаба.

На Ближнем Востоке и в Южной Азии основными источниками международного телефонного трафика являются ОАЭ и Саудовская Аравия, а также Индия. Между этими же странами циркулируют наиболее крупные потоки трафика. Очевидно, что коммуникативное поле Саудовской Аравии и ОАЭ выходит за пределы рассматриваемых макрорегионов (рис. 2).

Важным индикатором информационно-коммуникативной «открытости» является

доля международного трафика в общем объеме телефонного трафика. Использование данного индикатора позволяет оценить степень интегрированности того или иного государства в мировое социально-экономическое пространство в аспекте информационных взаимодействий.

Минимальный в мире уровень «телефонной открытости» характерен для крупных развивающихся стран – Китая и Бразилии, где доля международного трафика составляет всего 0,2%. Китай интересно сравнить с о. Тайвань: объемы исходящего международного трафика на этих территориях сравнимы (5–6 млрд мин. в год), однако, если в Китае его доля составляет лишь 0,2% от общего телефонного трафика, то на о. Тайвань – более 10%, а в отдельно взятом Гонконге – и вовсе достигает 32%. В России на международный

трафик приходится 7% всего телефонного трафика, что обусловлено наличием исторических связей с государствами – членами бывшего СССР и высокой долей мигрантов из этих стран в населении России, составляющей 8,5% (в Бразилии и Китае доля иммигрантов в численности населения не превышает 0,3%).

Максимального уровня «телефонная открытость» достигает в малых и микрогосударствах, нередко островного расположения: к примеру, в Сент-Винсент и Гренадинах, где 76% телефонного трафика носит международный характер, или в Доминиканской Республике и Джибути, где соответствующий показатель составляет 52–53%. Среди микрогосударств с особо развитым внешним трафиком выделяются «налоговые гавани» – оффшорные юрисдикции с гипертрофированно выраженной международной специализацией, к числу которых, помимо уже упомянутых Сент-Винсента и Гренадин, относятся, Бермудские острова, где доля международного трафика составляет 49% или, например, Белиз, где соответствующий показатель равен 25%. Весьма высока доля международного трафика в малых странах со специфическими особенностями географического положения (Лесото (28%), Руанда (39%) и др.), а также в ряде наименее развитых государств с большой территорией и слаборазвитой инфраструктурой, следствием чего является малый объем внутреннего трафика (Мавритания, Эфиопия, Мали, Мадагаскар и др.). Среди наименее развитых стран наиболее низкая доля международного трафика характерна для политически «закрытых» государств: так, например, в Мьянме она составляет всего 0,3%.

Чрезвычайно важную роль в процессе самоорганизации коммуникационных взаимодействий, при дифференциации потоков телефонного трафика на «внутренние» и «внешние» играют факторы «размерности» страны и её вовлечённости в международное разделение труда. Если в США доля международного трафика в совокупном телефонном трафике составляет 1,2%, в Японии – 1,6%, то в Германии, Франции, Великобритании и Италии – 3–5%, в малых странах Европы (Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Швейцария, Ирландия) – 5–15%, а в микрогосударствах Европы (Монако, Лихтенштейн, Андорра) – 22–38%.

Таким образом, информационно-коммуникативная открытость страны, индикатором которой является доля международного трафика в общем телефонном трафике, во многом связана с экономической и демографической «размерностью» страны, уровнем социально-экономического развития и характером политического режима, степенью её вовлечённости в международное разделение труда, а также в международные миграционные и инвестиционные процессы.

В современном мире только 4% глобального телефонного трафика носит международный характер, 96% составляет внутренний трафик, что является важным показателем самоорганизации информационного, социального и отчасти экономического пространства. При этом динамика телефонного трафика за первое десятилетие XXI века свидетельствует о том, что международный трафик растёт опережающими темпами, и его доля в общем телефонном трафике в большинстве стран увеличивается.

Аналогична структура традиционной почтовой корреспонденции мира, лишь 1% которой пересекает международные границы. При этом, число отправленных в мире «международных» писем сокращается: с 8,7 млрд. шт. в 1980 г. до 8,5 млрд. в 1990 г., 7,5 млрд. в 2000 г. и 5,2 млрд. в 2008 г. За 1980–2008 гг. их доля в общей совокупности отправленных писем упала более, чем вдвое – с 2,82% до 1,25% [1].

Иные тенденции характерны для **самоорганизации трафик-потоков глобальной сети Интернет**. Около 46% интернет-трафика является международным (рис. 3), и его доля растёт опережающими темпами (в начале 2000-х гг. на него приходилось всего 30% глобального трафика), то есть Интернет становится все более международным. При этом существенно меняется структура самого международного интернет-трафика: постоянно растёт доля макрорегионального трафика, на который приходится сегодня более, чем три четверти всего международного трафика. К примеру, 75% европейского международного интернет-трафика на Европе же и замыкается (максимальный показатель среди всех регионов мира), в Азии и Латинской Америке – около 30%, в Северной Америке – 15%, в Африке – около 1% [13].

Доля же глобального (то есть межрегионального) интернет-трафика – сократилась

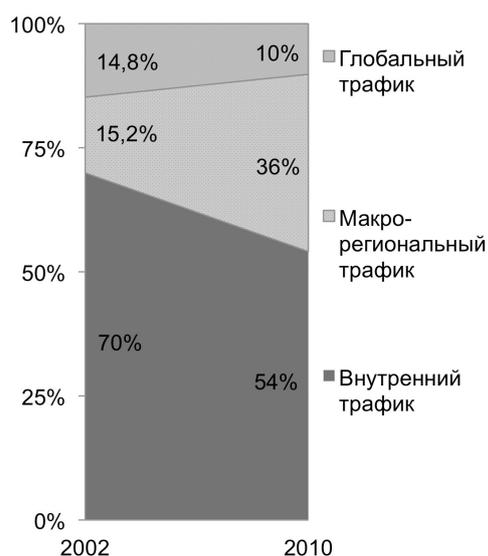

Рис. 3. Сдвиги в территориальной структуре глобального интернет-трафика за первое десятилетие XXI в.

за последние 10 лет более, чем в два раза. На рубеже XX и XXI вв. половина международного трафика циркулировала между макрорегионами мира, а сегодня – менее четверти. Это было обусловлено высокой степенью концентрации глобальной интернет-инфраструктуры: первоначально все вычислительные мощности для хранения информации и создания сайтов находились в США. Однако, это создавало очевидную угрозу для информационной безопасности других государств и регионов. А в современную эпоху информационная безопасность является одной из ключевых составляющих международной безопасности [6]. Публикация в 2001 г. отчета ЕС о системе перехвата информации «Эшелон» (принадлежащей США (90%), а также Англии и Австралии) стала отправной точкой, после которой Европа и другие страны стали стремиться в целях собственной информационной безопасности не пускать свой внутренний и региональный трафик через США. В результате за одно десятилетие произошла существенная децентрализация мировой интернет-инфраструктуры: во всех макрорегионах мира, за исключением Латинской Америки, доля интернет-трафика с США существенно сократилась. В Азии и Европе (сокращение трафика с США с 90 до 40% и с 25 до 15% соответственно) это произошло

за счет увеличения доли макрорегионального трафика. В Африке имело место замещение трафика с США трафиком с Европой (в результате доля трафика с США упала с 70 до менее 3%). Латинская Америка в силу экономико-географического положения пока не имеет возможности развития международной интернет-инфраструктуры ни с каким другим информационно-развитым макрорегионом мира.

Тем не менее, США и сегодня остаются крупнейшим межконтинентальным интернет-узлом. Основной межрегиональный интернет-трафик, как и в конце прошлого столетия, проходит сегодня между Северной Америкой и Европой, однако, доля этого маршрута активно сокращается: если 10 лет назад на него приходилось почти три четверти всей мощности каналов межрегионального интернет-трафика мира, то сегодня – уже всего 39%. Это вызвано стремительными темпами роста других магистралей, а именно: Северная Америка – Латинская Америка, Европа – Азиатско-Тихоокеанский регион, а также Северная Америка – Азиатско-Тихоокеанский регион (рис. 4) [3].

Основные межгосударственные потоки интернет-трафика связывают США с Великобританией (почти 1000 Гбит/с) и Францией (около 700 Гбит/с), Канадой (около 800 Гбит/с) и Японией (около 500 Гбит/с). Крупные потоки интернет-трафика циркулируют внутри Западной Европы (порядка 700 Гбит/с каждый) и связывают между собой Великобританию, Францию и Германию, а также Нидерланды.

В заключение отметим, что распространенное в наши дни представление о том, что глобальное информационное пространство появилось совсем недавно, не вполне объективно. Как и информатизация, глобализация берет истоки в XIX – начале XX в., в период первой волны гуманитарной глобализации (1846–1913 гг.) или «золотого века» международной экономики (1870–1913 гг.) [8]. В то время мировое хозяйство, по крайней мере, его ядро, было едва ли менее интегрировано, чем сегодня, и процесс глобализации развивался в 1870–1913 гг. со скоростью даже большей, чем в последние 40 лет. И ключевую роль в его развитии играл «Интернет Викторианской эпохи» – телеграф – инновация в области ИКТ, с которой началась эпоха мгновенной передачи информации [9; 10].

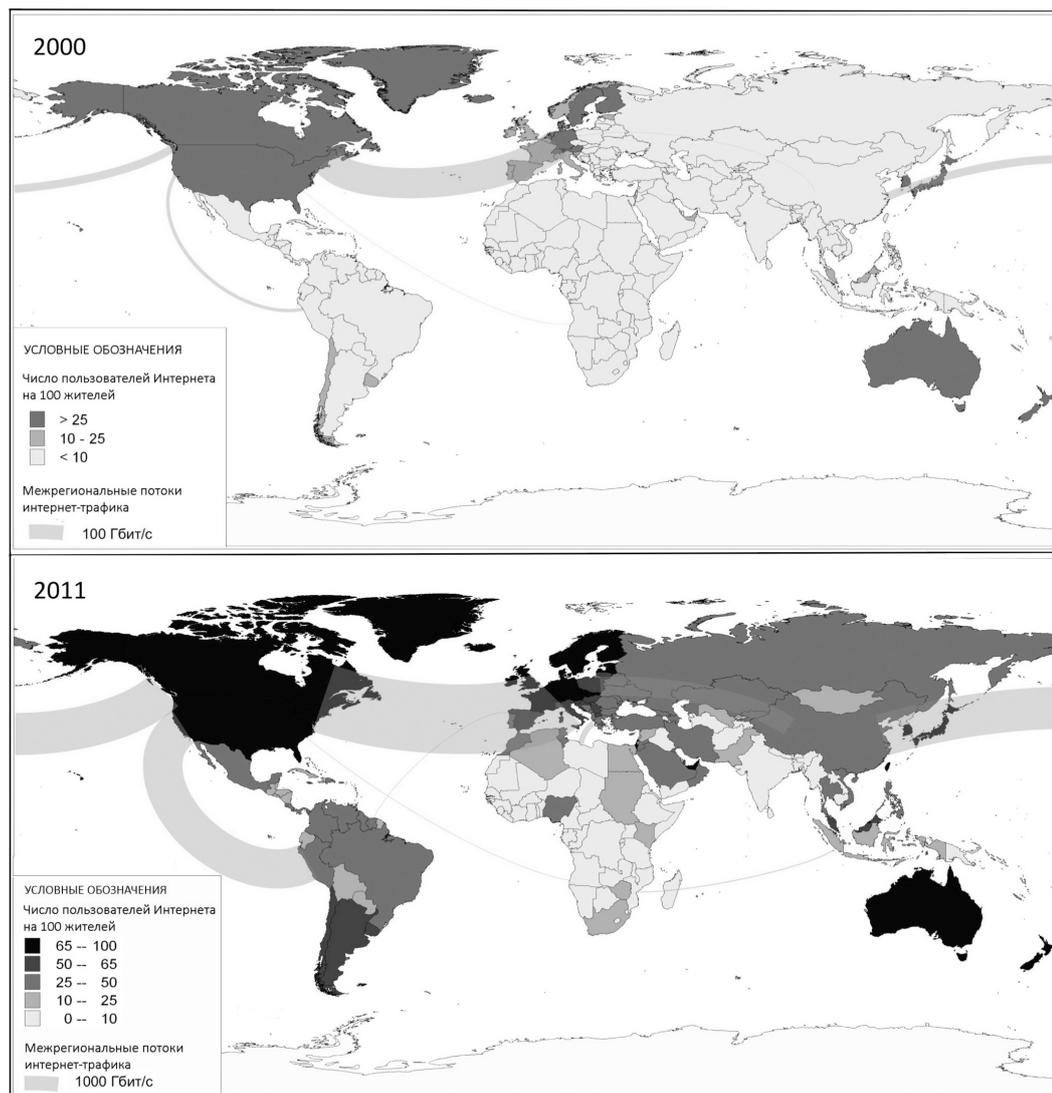

Рис. 4. Распространение Интернета в мире и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика, 2000 и 2011 гг.

Затем, после периода глобальной дезинтеграции (1914–1945 гг.) началась вторая волна мировой интеграции, а с 1980-х гг. под влиянием научно-технической революции, переросшей в научно-информационную, начался этап экономической глобализации как высшей стадии интернационализации, ключевым компонентом которой является информатизация общества.

Очевидной общей закономерностью, характерной для периода конца XX и начала XXI вв., является повышение доли международного трафика в системе информационно-коммуникативных взаимодействий, что особенно заметно при переходе от тра-

диционных к новейшим видам телекоммуникаций. Если в общем объеме «бумажной» почтовой корреспонденции только 1% пересекает государственные границы, то на долю международного трафика приходится 4% мирового телефонного трафика и 46% интернет-трафика. Последнее, хотя и обусловлено в значительной мере многокомпонентной структурой самого интернет-трафика, особенностями организации глобальной Сети и наличием территориального разрыва между производителями интернет-контента и его потребителями [4], безусловно отражает тенденцию к глобализации, присущую современной эпохе.

Библиографический список

1. Всемирный почтовый союз (Universal Postal Union): <http://www.upu.int>.
 2. Горкин А.П. Постиндустриальный промышленный комплекс США // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2004. – № 4. – С. 18–23.
 3. Нагирная А.В. География глобальной сети Интернет // География в школе. – М.: Школа – Пресс, 2012. – № 10. – С. 14–18.
 4. Нагирная А.В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий (XX – начало XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – М., 2012. – 26 с.
 5. Максаковский В.П. Глобальное информационное пространство // География мирового развития. Вып. 2. – 2010. – С. 43–55.
 6. Машурова Е.А. Региональные интеграционные процессы: проблемы обеспечения региональной безопасности // Региональные исследования. – 2012. – № 2 (36). – С. 133–138.
 7. Родионова И.А., Гордеева А.С. Особенности влияния информационных технологий на экономический рост и развитие стран мира // Региональные исследования. – 2011. – № 3. – С. 135–140.
 8. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. – С. 56–64.
 9. Синцеров Л.М. Первая волна гуманитарной глобализации // Проблемы региональной экологии. 2011. – № 3. – С. 6–12.
 10. Синцеров Л.М. Первая глобальная информационная сеть // Известия РАН. Сер. геогр. – 2004. – № 3. – С. 71–75.
 11. Шишков Ю.В. Глобализация – враг или союзник развивающихся стран? // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4. – С. 3–14.
 12. International Telecommunications Union, Yearbook of Statistics: Telecommunication/ICT Indicators, Chronological Time Series 2000-2009. – Geneva: ITU, 2011.
-
-

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рябов Ю.В. (Санкт-Петербург)

ОБОСНОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛОК (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Ryabov Y.V.

RATIONALE OF MECHANISMS FOR THE LAND PROTECTION FROM ILLEGAL DAMPING (by example of St.-Petersburg and Leningrad region)

***Аннотация.** В статье рассмотрены механизмы защиты земельных ресурсов. Представлен алгоритм принятия решения собственником отходов о нелегальном размещении отходов. Обоснованы формулы, позволяющие определить выгодное для злоумышленника соотношение затрат на единицу нелегально размещаемых отходов и их общего количества. Показаны эффекты от различных видов воздействия, направленных на защиту земельных ресурсов от захламления. Наиболее эффективным методом борьбы с захламлением земель признано снижение тарифов, которое возможно только при реализации концепции «zero waste».*

***Abstract.** Mechanisms of the land protection were discussed in this article. An algorithm of decision making whether to dump illegally or not was explained. Formulas for determination of profitable ration of expenditures per unit and amount of illegally dumping waste are substantiated. Effect from different types of impacts that can be used for land protection from illegal dumping were discussed (such as fares change, penalties change, penalty application probability change). Decreasing of waste disposal fares was acknowledged as the most effective way for illegal dumping prevention, but it is possible only if «zero waste» concept is implemented.*

***Ключевые слова:** несанкционированные свалки, охрана земель, захламление земель.*

***Key words:** illegal dumping, illegal landfilling, land protection.*

Введение. Несанкционированные свалки (далее – свалки) представляют собой серьёзную угрозу земельным ресурсам и экологической безопасности: их фильтраты отравляют почву и водные объекты, при возгорании образуются супертоксиканты.

Оценить масштабы захламления земель в Ленинградской области возможно по карте, представленной на рис. 1 (составлена по сведениям [4]; границы районов – OpenStreetMap).

Согласно областному закону «Об обращении с отходами в Ленинградской области», свалка – несанкционированное размещение отходов сплошным свалочным телом или отдельно расположенными очаговыми навалами отходов объёмом более 10 м³ и (или) площадью более 200 м². Свалки, незаконно организуемые для размещения отходов за плату далее будут называться коммерческими свалками.

Целью данного исследования является формализация экономических механизмов,

лежащих в основе решений правонарушителей о нелегальном размещении отходов или об организации нелегального бизнеса по размещению отходов в ненадлежащем месте (коммерческие свалки), для дальнейшего обоснования и оценки текущих и планируемых действий или бездействия в отношении предотвращения появления свалок и коммерческих свалок.

Материалы и методы. Для того, чтобы обосновать экономические механизмы, определяющие поведение тех, кто размещает отходы в неполюженном месте, были сформированы и представлены в виде функций, зависящих от нескольких переменных, общие критерии экономической выгоды от подобной незаконной деятельности. Графическое выражение данных функций позволяет понять механизм принятия решений о нелегальном размещении отходов, а также помогает определить, какие экономические или

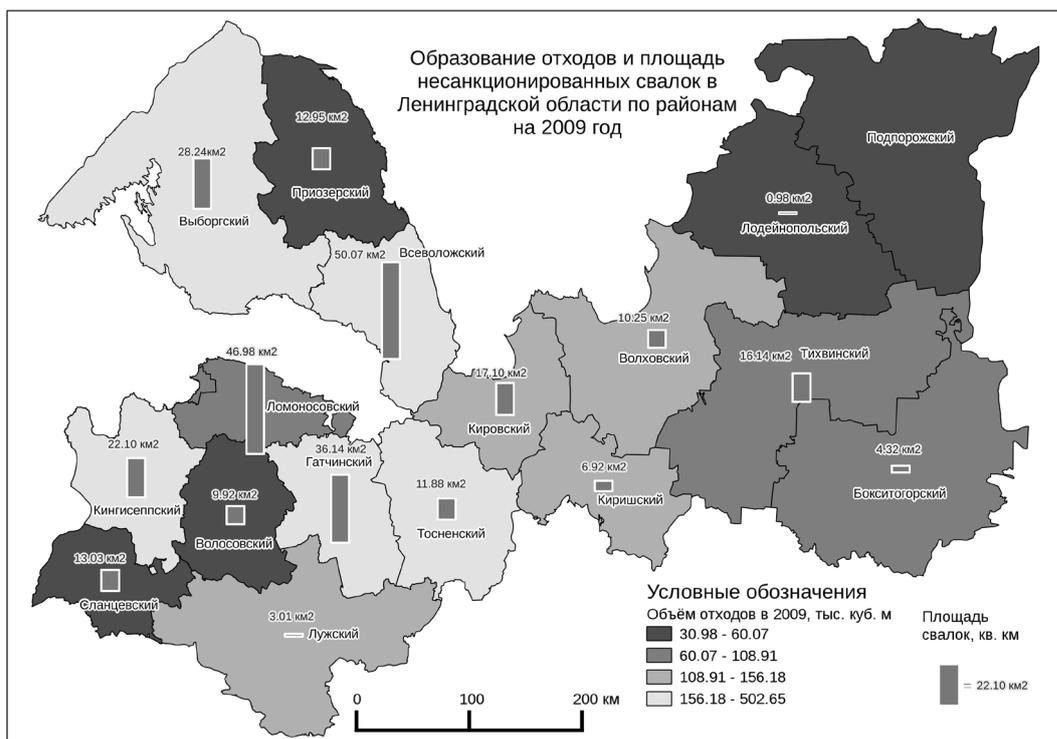

Рис. 1. Карта площадей захламливаемых земель в Ленинградской области порайонно (данные по Подпорозжскому району и Сосновоборскому городскому округу отсутствуют)

административные меры следует применять для предотвращения появления свалок.

Для того, чтобы определить необходимые переменные, был составлен алгоритм принятия решения собственником отходов об их нелегальном размещении. Данный алгоритм представлен на рис. 2. Алгоритм учитывает сведения о том, что на принятие решения о захлавлении территории влияет экологическая сознательность местного населения, гордость местных жителей за место, в котором они живут [6], наличие у местных жителей достаточных доходов для оплаты легальной утилизации отходов (в районах с меньшим доходом на душу населения выше вероятность возникновения несанкционированных свалок [9]), а также наличие необходимой инфраструктуры по обращению с отходами.

Руководствуясь соображением, что собственники отходов, размещающие их в неположенном месте, стремятся сэкономить деньги, а представители криминала, организуя коммерческие свалки, стремятся получить прибыль, составим следующие системы неравенств, позволяющие определить экономически выгодное соотношение сто-

имости и объема нелегально размещаемых отходов.

Условие экономии для владельца отходов:

$$\begin{cases} kP + VE < VT \\ E < T \\ 0 < k \leq 1 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} E < T - \frac{kP}{V} \\ 0 < k \leq 1 \end{cases}, \quad (1)$$

где V – объем (количество) незаконно размещаемых отходов; E – затраты на размещение/утилизацию (законным либо незаконным способом) единицы отхода; P – максимальное наказание в денежном выражении (в данном случае используется максимальный штраф – ст. 247 УК РФ) за незаконное размещение данного количества отходов; T – официальный тариф (или рыночная стоимость) вывоза/утилизации единицы отхода; k – вероятность того, что правонарушитель будет пойман.

Далеко не всегда те, кто размещают свои отходы незаконно, пользуются услугами коммерческих свалок, однако такие случаи имеют место (например, свалка в Санкт-Петербурге у дороги в Каменку объемом 188 тыс. м³ [5]).

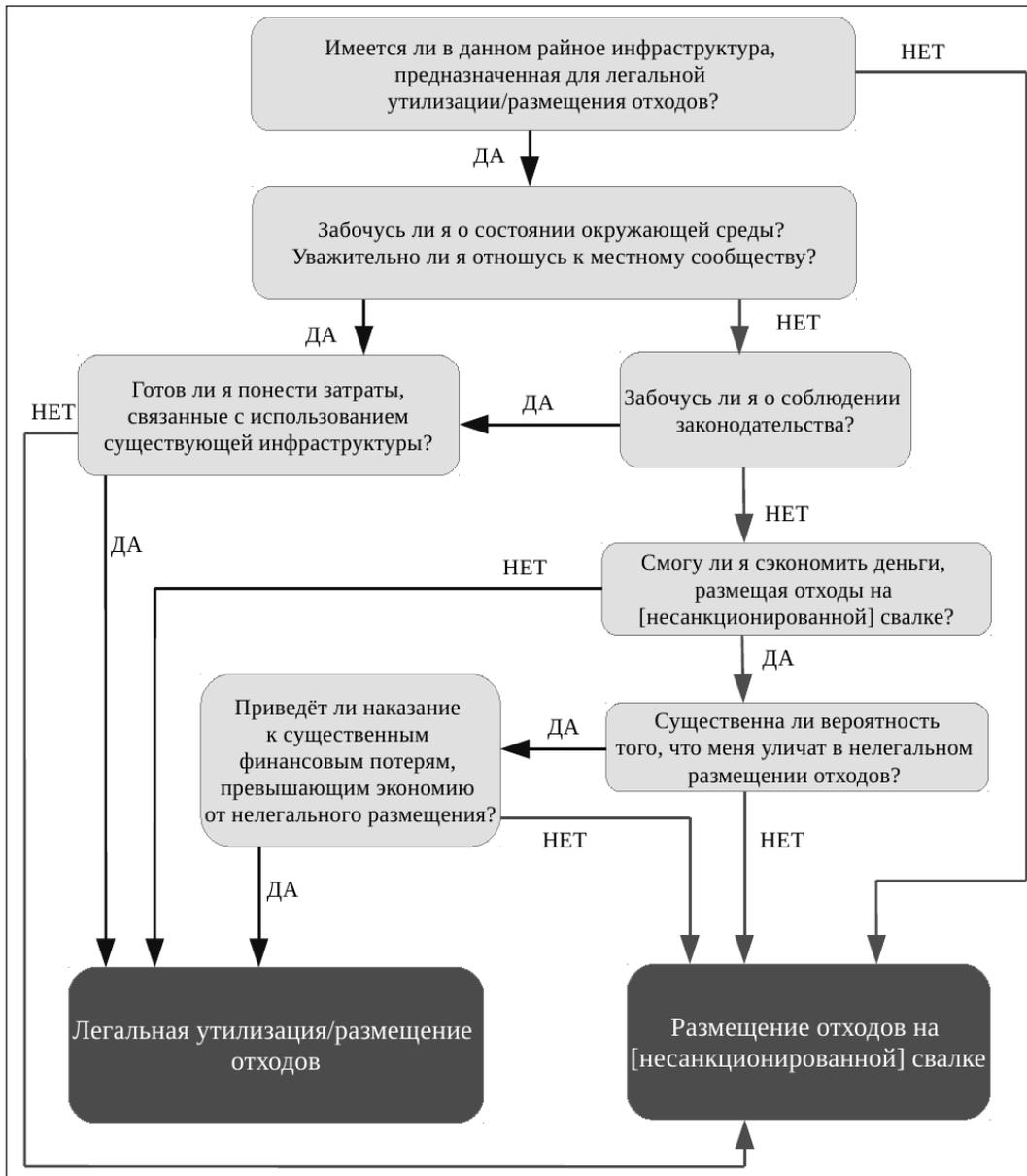

Рис. 2. Алгоритм принятия решения собственником отходов о пути их размещения/утилизации

Условием выгодного предложения для организатора коммерческой свалки будет:

$$\begin{cases} (V_1 \times T_c) > kP_1 + E_1V_1 \\ E_1 \rightarrow 0 \\ T_c < T \\ 0 < k \leq 1 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} T_c > \frac{kP_1}{V_1} + E_1 \approx \frac{kP_1}{V_1} \\ E_1 \rightarrow 0 \\ T_c < T \\ 0 < k \leq 1 \end{cases} \quad (2)$$

где P_1 – максимальное наказание в денежном выражении (в данном случае используется максимальный штраф) за организацию несанкционированной свалки (для РФ – ст. 171 УК РФ); T_c – минимальная назначаемая цена за размещение единицы отходов на *коммерческой свалке*; V_1 – ожидаемый объём отходов, который должен поступить на *коммерческую свалку*;

E_l – удельные затраты владельца *коммерческой свалки* на единицу размещаемых отходов. Так как расходы на функционирование коммерческой свалки заключаются в оплате работы приёмщика отходов и, возможно, разравнивания отходов на свалке с помощью бульдозера, то $E_l \rightarrow 0$ (при поступлении на коммерческую свалку отходов объёмом в 16 тыс. м³ в месяц, как на свалку у дороги на Каменку, и общих ежемесячных затратах организатора свалки, скажем, в 60 тыс. рублей в месяц, то $E_l \approx 4$ руб./м³).

Интересно рассмотреть экономический аспект размещения отходов на свалке со стороны крупного собственника отходов, имеющего свой автопарк. Затраты на перевозку и размещение должны быть ниже, чем при оплате аналогичной услуги по официальному тарифу (рыночной стоимости) на утилизацию отходов. Они зависят от количества отходов, расстояния до свалки, стоимости транспортировки, зарплаты водителям, тарифа на размещение на коммерческой свалке (если применимо) и потенциального наказания за нарушение законодательства, если собственник отходов будет пойман. Эти затраты подчиняются следующему условию:

$$\begin{cases} E_T = n(2LE_g + tE_s + kP) + VT_c \\ E_T < TV \end{cases}, \quad (3)$$

где E_T – общие затраты на нелегальное размещение отходов; L – расстояние между местом образования отходов и свалкой (км); E_g – удельные затраты на топливо (руб./км), $E_g^s = [\text{расход топлива}^1 \text{ на 1 км}] \times [\text{стоимость единицы топлива}^2]$; t – время, потраченное на одну поездку (туда и обратно); E_s – оплата услуг водителя³; n – общее количество поездок, необходимое для перевозки данного количества отходов, T_c – тариф на размещение единицы отхода на коммерческой свалке (если применимо).

При наличии информации о том, с какой вероятностью жители данной территории (и юридические лица) принимают решения по алгоритму, представленному на рис. 2, а также информации о количестве генерируемых отходов, и подкрепив их представленными системами неравенств (1–5), алгоритм мож-

но превратить в направленную графическую модель (см. [10]), предсказывающую объём отходов, которые будут размещены на [несанкционированных] свалках на данной территории.

Результаты и обсуждение. На рис. 3а представлен общий вид графиков экономии для владельца отходов и тарифа на размещение отходов на коммерческой свалке, а также области значений (выделены цветом), удовлетворяющих условиям систем неравенств (1) и (2).

Построим эти графики для условий Санкт-Петербурга и пронаблюдаем их изменения при вариациях k , T и P . Из графиков на рис. 3б следует, что при увеличении вероятности поимки нарушителя, область экономически выгодно соотношения объёма нелегально размещаемых отходов и затрат на подобное размещение перемещается вправо до тех пор, пока значение k не достигает 1 (максимума). Очевидно, что (для условий Санкт-Петербурга) владельцу отходов, объём которых превышает 500 м³, выгоднее размещать отходы на свалке, чем на официальном полигоне, даже если вероятность быть пойманным равняется 1. На рисунках 3с и 3д показано, как изменяются области выгодных для нарушителей соотношений удельных затрат и общего объёма отходов в зависимости от размера штрафа и изменения вероятности поимки нарушителя соответственно. Из графиков можно сделать вывод, что значительное увеличение штрафа поспособствует исчезновению коммерческих свалок, но всё ещё будет позволять владельцам большого количества отходов (например, строительных) экономить деньги за счёт их нелегального размещения.

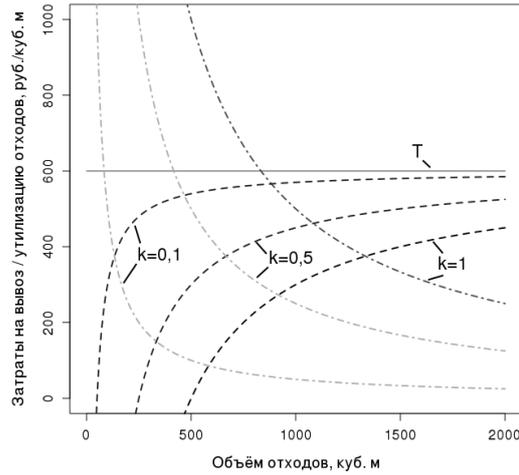
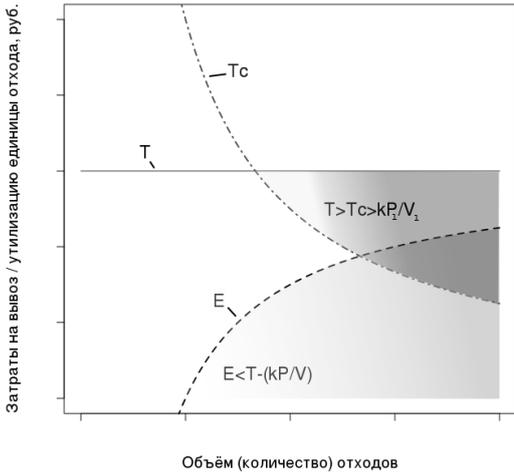
В связи с их наименьшей чувствительностью к потенциальным изменениям в регулировании появления несанкционированных свалок (согласно представленным графикам), рассмотрим подробнее владельцев большого количества отходов.

Помимо верхней планки затрат на легальное или нелегальное размещение отходов (определяемой официальным тарифом или выплатой штрафа), есть ещё и нижняя (минимальная величина затрат, понесённых на размещение отходов на свалке). Эта планка определяется затратами на транспортировку отходов к месту их нелегального размещения.

¹ для КАМАЗа приблизительно 0,315 л/км

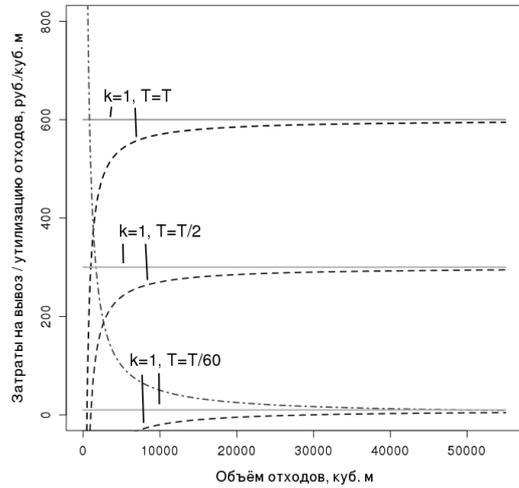
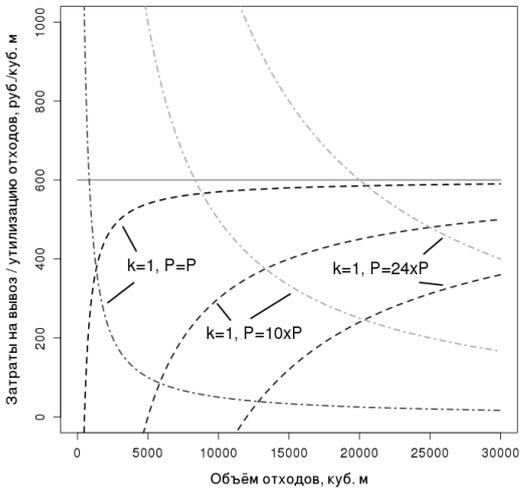
² для дизельного топлива приблизительно 29 руб./л

³ приблизительно 315 руб./ч

(а) Общий вид графиков, определяющих область экономически выгодного соотношения затрат и объёма незаконно размещаемых отходов

(б) Смещение графиков для различных значений k (для условий Санкт-Петербурга: $T = 600$, $P = 300\ 000$, $P_i = 500\ 000$)

(с) Изменение графиков при увеличении P и P_i в 10 и в 24 раза при $k = 1$, и $T = 600$ (для условий Санкт-Петербурга)

(д) Изменение графиков при снижении T , при $k = 1$ и неизменных P и P_i (для условий Санкт-Петербурга)

Рис. 3. Определение экономически выгодного соотношения объёма отходов и стоимости их незаконного размещения

Проведём несколько преобразований системы уравнений (3) с целью получить возможность построить графики зависимости затрат на перевозку единицы отхода от расстояния перевозки:

$$\begin{cases} E_T = \frac{V}{v}(2LE_g + \frac{2L}{S_{cp}}E_s + kP) + VT_i \\ E = \frac{E_T}{V} < T \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} E = \frac{E_T}{V} = \frac{1}{v}(2L(E_g + \frac{1}{S_{cp}}E_s) + kP) + T_c \\ E = \frac{E_T}{V} < T \end{cases} \quad (4)$$

где v — количество отходов, перевозимых одной машиной⁴; $t = L/S_{cp}$; S_{cp} — средняя скорость движения автомобиля (примем её равной 40 км/ч).

⁴ для КАМАЗа приблизительно 8,5 м³

Чтобы найти значение коэффициента k необходимо иметь данные о количестве актов захламления территории и количестве уличённых нарушителей. Минприроды сообщает [3], что в целом по стране на февраль 2012 года:

«Выявлено 16643 нарушения природоохранного законодательства, возбуждено 1914 дел об административных правонарушениях.

Наложено 1281 штраф на общую сумму 21,4 млн. руб., взыскано – 820 на общую сумму 8,1 млн. руб. В правоохранительные органы передано 866 дел об административных правонарушениях, а также 2522 материала, содержащих сведения о местах несанкционированного размещения ТБО.»

Из того же источника, общее количество свалок составило 20622. Таким образом, только 80% случаев захламления земель фиксируются как нарушение природоохранного законодательства, и только в 9% случаев (соответствует $k = 0,09$) возбуждаются дела об административных правонарушениях. Из них лишь 70% оканчиваются наложением штрафа, из которых взимается только 84% – всего лишь треть общей суммы штрафов, что свидетельствует о том, что платят штрафы в основном физические лица, например, водители грузовиков с отходами. Однако, реальная величина k гораздо ниже 0,09, так как было бы наивно утверждать, что одному случаю захламления земель соответствует только один нарушитель. В действительности практически к каждому случаю захламления земель причастны несколько юридических или физических лиц.

Попробуем вывести приблизительный порядок k , используя данные по одной свалке с большим количеством отходов (многократными актами захламления). В качестве такой свалки может выступать коммерческая свалка у дороги на Каменку, так как о ней есть достаточно полная информация [5]. Зная объём отходов в свалке и примерную вместимость одного грузовика с отходами (примем допущение, что отходы привозились КАМАЗами, а свалка функционировала год), рассчитаем, сколько поездок потребовалось для того, чтобы заполнить данную *коммерческую свалку* таким количеством отходов, а затем разделим на полученную величину количество машин, чьи водители были уличены в размещении отходов на данной свалке: $k = [\text{кол-во пойманных}] / [V/v] = 18(1880008, 5) = 0, 000814$. То есть вероятность быть ули-

чёмным в захламлении территории крайне мала, и составляет всего сотые доли процента в год!

Теперь построим график $ET(L)$ и график экономии на единицу отходов ($Eэ = T - E$) (см. рис. 4а) для условий Санкт-Петербурга. Из графика следует, что если нарушитель отвезёт свои отходы даже за 140 км от места их образования, он всё ещё экономит по сравнению с оплатой вывоза отходов по установленному тарифу. При увеличении размера штрафа (рис. 4б) экономия владельца существенно снижается, что приводит к сокращению расстояния, на которое выгодно перевозить отходы, а значит обосновывает радиус поиска владельца отходов. Кроме того, в данном примере (рис. 4б), при десятикратном увеличении штрафа, владелец отходов будет тратить минимум 300 руб. за м³ на перевозку отходов. Эта сумма составит лишь 0,5 от тарифа на утилизацию/размещение отходов в Санкт-Петербурге (а значит, владельцы большого количества отходов в Санкт-Петербурге всё ещё смогут их нелегально транспортировать и размещать), но в условиях Ленинградской области для большинства районов эти затраты превысят существующие тарифы (средняя величина тарифа на перевозку отходов в Ленинградской области на 2009 г. составляла 212 руб. [4]), а значит, нелегальное размещение станет невыгодным.

Скомбинируем условия (1) и (3) и получим результирующее условие экономической выгоды от несанкционированного размещения отходов для собственников большого количества отходов:

$$\begin{cases} E < T - \frac{kP}{V} \\ E \geq \frac{1}{v}(2L(E_g + \frac{1}{s_{cp}}E_s) + kP) + T_c \\ 0 < k \leq 1 \end{cases} \quad (5)$$

Заключение. Предложенные системы неравенств позволяют оценить минимальный объём отходов, нелегальное размещение которых экономически выгодно их собственнику; максимальное расстояние, на которое крупному собственнику отходов экономически выгодно перевозить отходы для нелегального размещения; а также минимальные размеры тарифов, которые могут устанавливать организаторы *коммерческих свалок*.

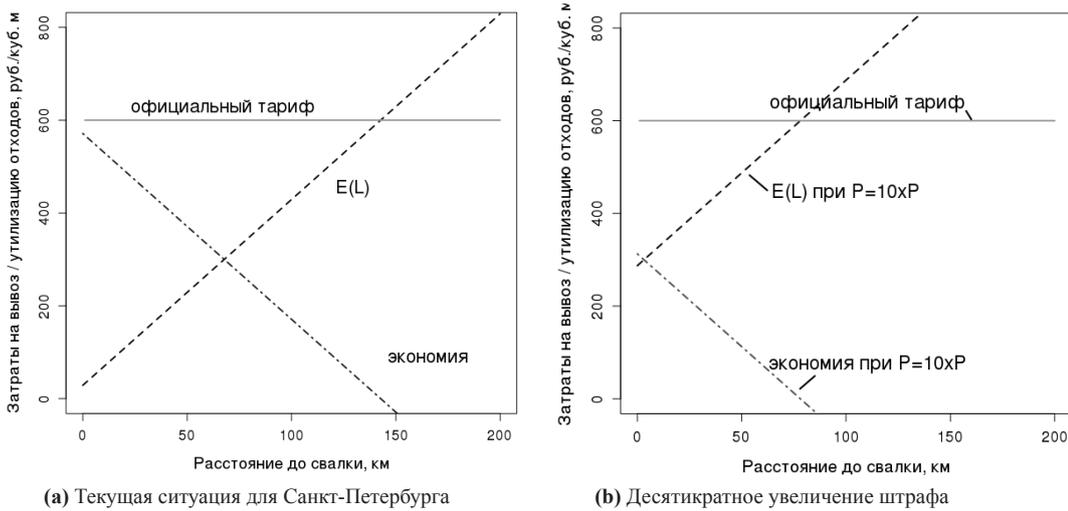

Рис. 4. Затраты и экономия владельца отходов на единицу отходов при вывозе на свалку

Делать экономически выгодным для владельца отходов законный путь утилизации отходов можно несколькими путями:

- 1) снижением тарифов на вывоз/утилизацию отходов;
- 2) увеличением штрафных санкций за незаконное размещение отходов;
- 3) увеличением вероятности того, что владелец незаконно размещаемых отходов будет пойман и привлечён к ответственности (или, по крайней мере, создание у владельца отхода уверенности, что вероятность его поимки в случае неправомερных действий высока, например, путём размещения муляжей фотокамер в местах, подверженных захламлению [6]).

Принимая во внимание приведённые системы неравенств, можно оценить потенциальную эффективность вводимых мер по предотвращению появления свалок.

Из всех трёх указанных возможностей влияния на собственника отходов наиболее действенным с математической точки зрения следует признать радикальное снижение тарифа: если сделать его максимально близким к нулю или даже отрицательным (что в реальном мире означает доплату владельцу отхода за то, что он сдал его). Возможность «выкупа» отходов у владельца может быть реализована только в том случае, если отход используется, как вторичный ресурс, то есть реализована концепция «zero waste» [2]. Плата собственнику отходов частично

реализована для традиционного вторсырья (металлолом, макулатура, стеклотара), однако превращение всего спектра образующихся отходов во вторсырьё возможно только при кардинальной перестройке всей системы обращения с отходами, направленной на полное вовлечение отходов в переработку и отказ от размещения отходов на полигонах. Отсюда следует, что создание развитой, самокупаемой инфраструктуры утилизации отходов является главным механизмом предотвращения захламления земель.

К аналогичному выводу приходят учёные из Южной Кореи [7], установившие, что повышение тарифа на 1% приводило к росту случаев захламления земель на 3%, а также учёные из США [8], установившие, что единственным стабильно действенным методом предотвращения захламления земель организациями является снижение тарифов на легальную утилизацию, и подчеркнувшие, что повышение штрафов или повышение вероятности наложения штрафа не приводит к желаемым результатам, стимулируют организации инвестировать средства в механизмы избегания наказания и приводят к увеличению количества случаев захламления земель.

На основании представленного алгоритма и систем неравенств при наличии информации о поведении местного населения при размещении отходов, а также среднегодового количества генерируемых отходов на данной территории можно создать графическую модель, предсказывающую количество отхо-

дов, которые будут размещены нелегально, а соответственно и площадь земель, которые будут подвергнуты захлавлению. А в комбинации с данными [9] эту модель можно сделать пространственной и реализовать с применением геоинформационных технологий.

Библиографический список

1. Закон «Об обращении с отходами в Ленинградской области», №7 ОЗ от 04.03.2010.
2. Мюррей Р. Цель – Zero Waste. (Перев. с англ.). – М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2004. – 232 с.
3. На территории Российской Федерации выявлено 20622 места несанкционированного размещения твердых бытовых отходов (ТБО) на общей площади более 7928 га (23.01.2012) – Пресс-служба Минприроды России. URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=128095>.
4. О состоянии окружающей среды в Ленинградской области / Администрация Ленинградской области Комитет по природным ресурсам Ленинградской области. – СПб., 2010. – 429 с.
5. Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2010 г. / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб., 2011. – 434 с.
6. Crackdown On Illegal Dumping. Handbook for Local Government / Department of Environment & Climate Change NSW. – Sydney, 2008. – 115 с.
7. Geum-Soo, K.; Young-Jae, C. & David, K. Unit pricing of municipal solid waste and illegal dumping: an empirical analysis of Korean experience // Environmental economics and policy studies, Department of Economics, Hoseo University, KOR; College of Business Administration, Inje University, KOR; Department of Public Administration, Hoseo University, KOR. 2008. – № 9. – С. 167–176.
8. Nowell, C. & Shogren, J. Challenging the enforcement of environmental regulation // Journal of Regulatory Economics Springer Netherlands. – 1994. – № 6. – С. 265–282.
9. Tomohiro Tasaki, Takatsune Kawahata, Masahiro Osako, Yasuhiro Matsui, Susumu Takagishi, Akihiro Morita, Shigeki Akishima. A GIS-based zoning of illegal dumping potential for efficient surveillance // Waste Management. – 2007. – № 27. – С. 256–267.
10. Wainwright, M. J. & Jordan, M. I. Graphical Models, Exponential Families, and Variational Inference // Foundations and Trends in Machine Learning. – 2008. – № 1. – С. 1–305.

Эм П.П. (Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА «РАНГ-РАЗМЕР» ДЛЯ СИСТЕМ РАЗМЫТЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ (на примере новых индустриальных стран)

Em P.P.

APPLYING OF RANK-SIZE RULE FOR FUZZY CENTRAL PLACE SYSTEM (in terms of new industrialized countries)

Аннотация. В статье представлены основные положения концепции размытых центральных мест. На примере новых индустриальных стран проверена возможность использования правила «ранг-размер» для изучения распределения величин объемов центральных функций в элементах систем размытых центральных мест.

Abstract. In this article main postulates of fuzzy central place's conception were presented. Applicability of rank-size rule to study distribution of volume of central functions in elements of fuzzy central place system was verified in case of new industrialized countries.

Ключевые слова: размытое центральное место, центральные функции, объем центральных функций, правило «ранг-размер».

Keywords: fuzzy central place, central functions, volume of central functions, rank-size rule.

Введение. В 1932 г. В. Кристаллер представил классическую теорию центральных мест (ЦМ) [4]. ЦМ он назвал населенный пункт, обладавший центральными функциями (ЦФ). Наличие последних определялось возможностью не проживающих в нём жителей удовлетворить потребности в центральных товарах и услугах. В 80-е гг. XX в.

В.А. Шупер предложил релятивистскую модификацию теории, способную описать системы ЦМ с наличием городских агломераций, а также системы с отсутствием некоторых уровней иерархии [2]. Исследовательский подход с позиций классической и релятивистской модификаций теории ЦМ не учитывал ряд важных обстоятельств.

Во-первых, отдельные элементы систем расселения настолько крупны по размерам и неоднородны, что их генерализация до уровня точек лишает теорию смысла. Во-вторых, в странах с высоким городским цензом крупные села также обладают ЦФ по отношению к близлежащим поселениям меньшего размера. Видовая и количественная ограниченность ЦФ не может служить причиной их игнорирования. Предлагается рассмотреть локализацию ЦФ в пределах не отдельных точек, а их множеств.

1. Основные положения концепции размытых центральных мест. *Размытое центральное место* (РЦМ) – это ограниченная область бесконечного числа точек пространства, обладающих n -ной величиной объема ЦФ. Под последним понимается количественная характеристика ЦФ объекта. Для облегчения задачи поиска статистических данных, границы РЦМ предлагается установить по контурам элементов административно-территориального деления изучаемых стран.

РЦМ – это сложный комплекс социально-экономических подсистем, ключевой из которых является население – производитель и потребитель центральных функций. Для доказательства данного положения был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена между плотностью учреждений, оказывающих различные услуги, и плотностью населения в Республике Корея (РК) с 2000 по 2009 гг. и в Малайзии с 2005 по 2009 гг. Коэффициент корреляции варьировал от 0,48 до 0,9 при среднем значении в 0,78. Следовательно, между изученными парами значений в большинстве случаев обнаружено наличие тесной связи. При возрастании плотности расположения предприятий в виду наличия конкуренции повышается и разнообразие услуг, предоставляемых ими, а, значит – увеличивается возможность удовлетворения потребностей в центральных продуктах на количественном и на качественном уровнях. Результаты, полученные на примере РК и Малайзии, универсальны и могут быть использованы при изучении любой территории. Принимается положение: величина объема ЦФ в элементах системы РЦМ прямо пропорциональна плотности населения. Для удобства она измеряется в единицах.

Размещение ЦФ никогда не было равномерным, поэтому оно рассматривается в ка-

честве исходно неоднородного. Характер распределения остальных величин не играет для нас важной роли. Позиционирование ЦМ как совокупности точек побуждает нас отказаться от кристаллеровской иерархии ЦМ, кристаллеровской решетки, свойства полиморфизма систем ЦМ и показателя К. Альтернатива строгой графической модели кристаллической решетки предложена в работе [3].

ЦФ обладают исключительно пункты непосредственной продажи товаров и услуг. Места локализации компаний-конструкторов и заводов сборки не принимают непосредственного участия в процессе их передачи конечным потребителям. Последние, в свою очередь, поедут для удовлетворения своих потребностей не в конструкторский центр или на завод, а непосредственно в центр продажи.

Изменение основных постулатов теории ЦМ в рамках предлагаемой концепции не влияет на поведение потребителей, удовлетворяющих максимальную часть потребностей в районе проживания. При отсутствии искомого товара в нём, выбор подходящего ЦМ для его покупки зависит от вида продукта и расстояния, которое необходимо преодолеть. Каждое РЦМ является центральным по ассортименту товаров и услуг. Следовательно, большинство поездок населения для удовлетворения потребности в центральных товарах и услугах являются многоцелевыми. «Привлекательность» элементов системы РЦМ в большинстве случаев зависит от величины объема ЦФ, локализованного в их пределах.

2. Использование правила «ранг-размер» для изучения систем размытых центральных мест. В 1913 г. немецкий ученый Ф. Ауэрбах заметил, что людность элементов системы расселения обратно пропорциональна его рангу:

$$PR = \frac{P}{R} \quad (1),$$

где PR – население города ранга R , P – людность крупнейшего элемента системы, R – ранг города в системе. Данное уравнение часто упоминается как *правило «ранг-размер»* (или *«правило Зипфа»* по фамилии ученого, независимо переоткрывшим его) [6]. А.А. Важенин доказал совместимость распределений по правилу «ранг-размер» и

иерархией ЦМ [1]. Также на основе анализа большого массива эмпирических данных он обнаружил наилучшее соответствие правилу «ранг-размер» при доле городского населения в 50% [1]. При изучении систем РЦМ правило Зипфа предлагается использовать для анализа распределения величины объемов ЦФ в элементах изучаемых систем.

Исследование проведено на примере *новых индустриальных стран*, характеризующихся взрывным повышением темпов роста доли городского населения и экономики. Для учета значительной разницы между уровнем урбанизации различных стран на разные годы данные по ним были распределены относительно уровня урбанизации по следующим интервалам: а) менее 30%, б) от 30% до 49%, в) от 50% до 79%, г) от 80% и более. Средние значения в пределах каждого интервала послужили данными для построения трендов эмпирических распределений величин объемов ЦФ. В выборку по группе «а» попали: Республика Корея 1952 г. (21,4%), Вьетнам 2000 г. (24,3%), Таиланд 2000 г. (29,4%); в группу «б»: Египет 2006 г. (42,6%), Турция 1980 г. (43,8%), Республика Корея 1975 г. (48%), Малайзия, 1990 г. (48,8%); в группу «в»: Филиппины 2000 г. (58,5%), Малайзия 2000 г. (62%), Турция 2000 г. (64,7%), Республика Корея 1985 г. (64,9%), Бразилия 1990 г. (74,8%); в группу «г»: Бразилия 2000 г. (81,2%), Республика Корея 2011 г. (81,9%), Аргентина 2000 г. (90,1%) [5].

Наименьшее отклонение между кривыми реального распределения величин объемов ЦФ в элементах системы РЦМ и распределения по правилу «ранг-размер» отмечено в группе «а» с минимальной долей городского населения менее 30% (рис. 1). Площадь фигуры, образованной трендами группы «б» меньше, сформированной аналогичными кривыми группы «в» (рис. 1). Максимальная площадь фигуры, образованной линиями рассматриваемых трендов, была отмечена для систем группы «г». Таким образом установлено, что при повышении уровня урбанизации, отклонение кривой эмпирического распределения величин объемов ЦФ в элементах системы РЦМ увеличивается (рис. 1).

Доля городского населения – это важный, но далеко не единственный фактор, оказывающий влияние на характер движения кривых реальных распределений вели-

чин объемов ЦФ в системах РЦМ. Во всех рассмотренных странах значительную роль в повышении уровня урбанизации сыграли РЦМ, локализованные в столицах и в крупнейших городах. Активизация развития агломерированных форм расселения вокруг них в большинстве случаев началась после преодоления ими 30% уровня урбанизации. Разрастание агломераций способствовало повышению гипертрофированности концентрации ЦФ в них, что в свою очередь в значительной степени повлияло на характер движения построенных трендов. Точки, в которых отмечены максимальные отклонения между реальными и теоретическими величинами, являются своеобразными «экстремумами». Их наличие обусловлено значительными различиями между величиной объема ЦФ в точках «экстремума» и в следующих за ними расчетных точках. Так, значение объема ЦФ в точках «экстремума» было на 13,7% больше, чем в следующей расчетной точке в ряде данных группы «б», на 20,1% – для группы «в», и на 41,4% для группы «г». При этом, точка «экстремума» для групп «б» и «в» находится в L_n ранга = 2, а в группе «г» – сдвигается вправо в L_n ранга = 3 (рис. 1). Следовательно, количество гипертрофированных элементов, как и общая величина объема ЦФ в них, увеличиваются по мере повышения доли городского населения.

В данных по выборке «а» эмпирические данные очень близки к теоретическим. Отклонение между ними не превышает 4,3%. Максимальные отклонения между аналогичными значениями в группах «б» и «в» в точках экстремума составляют 10,4% и 12,1%. В группе «г» максимальное отклонение составило 43,6%. Таким образом, различия между значениями реальной и предсказанной правилом «ранг-размер» величины объема ЦФ также увеличиваются от группы «а» к группе «г», то есть по мере увеличения уровня урбанизации.

Выводы. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Распределение величин объемов центральных функций в элементах систем РЦМ вполне адекватно может быть описано с помощью правила «ранг-размер».

2. Процесс урбанизации оказывает влияние на соответствие эмпирических и предсказанных правилом «ранг-размер» зна-

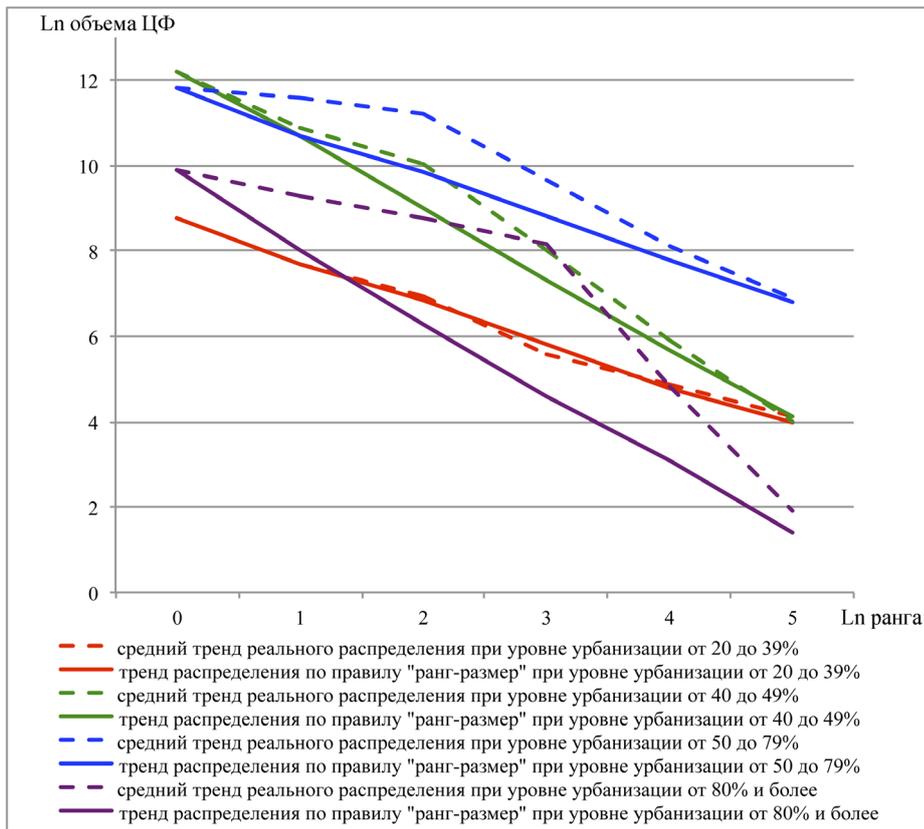

Рис. 1. Среднее распределение величин объемов центральных функций в элементах систем размытых центральных мест новых и перспективных индустриальных стран
(составлено по расчетным данным)

чений. При этом, наилучшее соответствие достигается при доле городского населения, не превышающей 30%.

3. С повышением уровня урбанизации точки «экстремума» на кривых реальных

распределений объемов ЦФ в системах РЦМ отклоняются на все большую величину и постепенно сдвигаются вправо благодаря увеличению количества гипертрофированных элементов, и величины объема ЦФ в них.

Библиографический список

1. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 60 с.
2. Шупер В.А. Самоорганизация городского населения. – М.: РОУ, 1995. – 167 с.
3. Эм П.П. Методы изучения систем размытых центральных мест (на примере Республики Корея в начале XXI в.) // Известия РАН. Серия. географ. – 2013. – № 1. – С. 22–30.
4. Christaller W. Central place in Southern Germany. Englewood Cliffs. – N.J., 1966. – 230 p.
5. Zipf G. Human behavior and the principle of least effort. – Cambridge, M.I.T. Press, 1949. XI. – 573 p.
6. World Population Prospects. The Revision of 2010 // http://esa.un.org/wpp/unpp/panel_population.htm

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Бадов А.Д. (Владикавказ)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Badov A.D.

NATURAL POPULATION MOVEMENT OF NORTH OSSETIA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности естественного движения населения Северной Осетии за последние 20 лет. Исследуются особенности заболеваемости населения, основных причин смерти и т.д. Приводятся сопоставления с другими регионами Российской Федерации.

Abstract. The article discusses the features of the natural movement of North Ossetia in the last 20 years. Besides The features of illness, causes of death, etc. A comparison with other regions of the Russian Federation.

Ключевые слова: Северная Осетия, естественное движение населения.

Keywords: North Ossetia, natural population movement

Естественное движение оказывает большое, чаще всего решающее влияние на формирование населения того или иного региона. В периоды относительно устойчивого социально-экономического развития региона или страны именно естественное движение определяет динамику численности населения (за исключением вновь осваиваемых районов). В периоды неустойчивого развития регионов, социально-экономических катаклизмов, войн и различного рода конфликтов, естественное движение, как правило, отходит на второй план, уступая ведущую роль миграциям.

В 1990-х гг. в России и в Северной Осетии был совершен стремительный демографический переход (который в нормальных условиях длится 30–40 лет), приведший к отрицательным показателям естественного движения. Еще в 1994 г. Б.С. Хорев [5] утверждал, что в России произошла демографическая катастрофа – вымирание страны на пороге XXI в.

В целом по России отрицательные показатели естественного движения стали наблюдаться с 1992 г. В Северной Осетии – несколько позже – с 1996 г. Причем изменения носят качественный характер – характер скачка. Рост уровня смертности побил все рекорды в 1993 г. (и в Северной Осетии, и в Южном федеральном округе и в России в целом), а отрицательные показатели естествен-

ного движения стали наблюдаться впервые в мирное время в XX в.

Если смертность населения увеличивалась, то рождаемость уменьшалась. Переломным стал опять-таки 1993 г.

Хронологически резкое ухудшение демографических показателей совпадает с маршем нашей страны в рыночные отношения. Симптоматично, что резкие ухудшения демографических показателей в 1990-х гг. следовали сразу за кризисными явлениями в экономике страны. Характерным примером является и 1999 г., точнее его обвалы демографические показатели, последовавшие вслед за кризисом августа 1998 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 1996 г. С улучшением экономической ситуации начинали выправляться и демографические показатели.

Необходимо было предпринимать срочные меры для улучшения ситуации. Это улучшение наступило. Потребовалось целое десятилетие, чтобы переломить ситуацию. Сказались меры, предпринятые Правительством России. Прежде всего – известный Закон о материнском капитале. Точнее федеральный Закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Здесь существенное влияние оказали так называемые «отложенные деторождения» (когда родители «от-

кладывали» рождение ребенка «до лучших времен»). С принятием Закона эти «лучшие времена» наступили. Однако с принятием и, главное, реализацией этого Закона было не все в порядке. О Законе стало известно летом 2006 г., а его действие было назначено с 1 января 2007 г. Естественно, никто не хотел рожать раньше 1-го января. Потеря 250 тыс. рублей – это очень чувствительно. Сообщалось, что существовало два основных направления: 1) уколы для задержки родов; 2) подкуп ответственных работников роддомов, чтобы те записали нужную дату рождения. В итоге рождаемость в первых числах января превысила среднюю фоновую в 14 раз! Как отмечали педиатры и акушеры, уколы для задержки родов негативно сказались на здоровье новорожденных. Тем не менее,

закон начал действовать, и рождаемость стала повышаться. В Северной Осетии сначала на 2%, затем еще на одну. Однако специалисты утверждают: поднять рождаемость важное, но не самое главное. Следует обратить внимание на смертность населения, значительно высокую в России и, соответственно, на крайне низкую среднюю продолжительность жизни людей. Было обращено внимание и на этот показатель. Принятие и реализация специальных программ позволили снизить общий коэффициент смертности. Как следствие – оптимизация показателей естественного прироста. В целом по России до сих пор наблюдается естественная убыль населения, а Северная Осетия входит в число ряда регионов, имеющих естественный прирост населения.

Таблица 1

Естественное движение населения Северной Осетии в 2004–2010 гг., в ‰

Год	Общий коэффициент рождаемости (ОКР)	Общий коэффициент смертности (ОКС)	Общий коэффициент естественного прироста (ОКЕП)	Общий коэффициент младенческой смертности (ОКМС)
2004	11,2	12,3	-1,1	9,5
2005	11,2	12,3	-1,1	8,9
2006	11,8	11,6	+0,2	9,8
2007	13,6	11,1	+2,5	10,4
2008	14,2	11,3	+2,9	9,7
2009	14,3	11,4	+2,9	00
2010	14,5	10,9	+3,6	
2011	13,3	10,5	+2,8	10,5

Источник: Текущий архив Северная Осетиястата.

К 2009–2010 гг. Северная Осетия пришла к обычному типу воспроизводства: рождаемость и естественный прирост в сельской местности были выше, чем в городских поселениях. Смертность же в сельской местности была ниже. Как и в предыдущие периоды, в конце 2000-х гг. наблюдались существенные территориальные различия в относительных показателях естественного движения населения по районам Северной Осетии.

По показателям ОКР в целом за 2009–2010 гг. районы республики можно подразделить на три группы: 1) с высоким ОКР (17,5‰ и более, Дигорский, Ирафский и Правобережный районы); 2) со средним ОКР (14,5–17,4‰), Алагирский, Ардонский и Моздокский районы); 3) с низким ОКР (менее 14,5‰, г. Владикавказ, Кировский и Пригородный районы). Отметим: среднереспубликанский показатель

равен верхнему пределу группы с низким ОКР. Это связано с весьма низкими показателями Владикавказа, который по численности составляет почти половину населения всей Северной Осетии, т.е. именно Владикавказ тянет всю Северную Осетию назад по показателям воспроизводства населения.

Существенная территориальная дифференциация наблюдалась и в показателях общего коэффициента смертности. При этом была заметна тенденция: в районах и поселениях с низкой рождаемостью была и низкая смертность (Владикавказ, Заводской, Моздокский и Пригородный районы). Самый низкий ОКС наблюдался в Пригородном районе – 8,2‰ в 2010 г. – показатель сравнительно благополучных донерестроечных времен. Самый высокий ОКС наблюдался в Алагирском районе (16,4 и 13,6‰ в 2009 и 2010 гг.).

Таблица 2

Распределение родившихся живыми по возрасту матери в 2010 г.

Всего родившихся	Все население, чел. (%)	В том числе	
		городское, чел. (%)	сельское, чел. (%)
	10303 (100,0)	6464 (100,0)	3839 (100,0)
в том числе у матери в возрасте (лет):			
15–17	104 (1,0)	46 (0,7)	58 (1,7)
18–19	409 (4,0)	229 (3,5)	180 (4,7)
20–24	2885 (28,0)	1708 (26,4)	1177 (30,6)
25–29	3277 (31,8)	2118 (32,8)	1159 (30,2)
30–34	2167(21,0)	1404 (21,7)	763 (19,9)
35–39	1097 (10,6)	729 (11,3)	368 (9,6)
40–44	319 (3,1)	207 (3,2)	112 (2,9)
45–49	38 (0,4)	19 (0,3)	19(0,4)
не указан	7 (0,1)	4 (0,1)	3 (0,1)

Источник: Текущий архив Северная Осетиястата.

Таблица 3

Доля родившихся у женщин, не состоявших в браке в 2009–2010 гг.

	2009 г.		2010 г.	
	Всего родившихся у женщин вне брака	% к общему числу родив- шихся	Всего родившихся у женщин вне брака	% к общему числу родив- шихся
Все население	2783	27,8	2887	28,0
в том числе:				
городская местность	1624	25,7	1644	25,4
сельская местность	1159	31,3	1243	32,4
г. Владикавказ и подчиненные его администрации населенные пункты	1015	24,1	1019	23,5
Алагирский район	196	32,9	230	38,4
Ардонский район	168	34,7	163	96,3
Дигорский район	135	37,2	142	39,4
Ирафский район	63	17,5	86	28,8
Кировский район	118	32,2	164	41,5
Моздокский район	317	23,3	307	22,6
Правобережный район	302	31,0	314	31,0
Пригородный район	469	33,5	462	31,8

Источник: Текущий архив Северная Осетиястата.

Существенный интерес вызывает распределение детей, родившихся живыми, по возрасту матери. Обращает на себя внимание увеличение возраста матерей, особенно в городских поселениях. Так, если в городских поселениях максимум родившихся в 2010 г. приходился на возраст 25–29 лет, то в сельских поселениях – 20–24 года. В целом в городских поселениях возраст родивших матерей был несколько выше, чем в сельской местности.

К 2009–2010 гг. еще более обострилась проблема внебрачной рождаемости. Скорее всего, ее можно свести к разряду проблемы детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Это больше проблемы материального и ментального ха-

рактера, чем брачно-семейного. Проблема, однако, требует решения, поскольку в 2009–2010 гг. почти треть детей Северной Осетии родилась вне брака (табл. 3). При этом наиболее высокие показатели наблюдались в сельской местности, где еще сохраняются традиционные формы брачно-семейных отношений. Самая высокая доля детей, родившихся вне брака, наблюдалась в Кировском, Дигорском и Алагирском районах.

Сравнительно с другими регионами СКФО и Россией в целом Северная Осетия выглядела весьма негативно. Данные Северной Осетии по детям, родившимся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, вполне сопоставимы с показателя-

Младенческая смертность по районам в 2010 г.

	Число детей, умерших в возрасте до 1 года			
	человек		на 1000 родившихся	
	2009	2010	2009	2010
Все население	88	77	8,8	7,5
в том числе:				
городская местность	47	48	7,5	7,5
сельская местность	41	29	11,0	7,6
г. Владикавказ и подчиненные его администрации населенные пункты	30	30	7,1	6,9
Алагирский район	3	5	5,0	8,4
Ардонский район	2	3	4,1	6,2
Дигорский район	4	3	11,3	8,3
Ирафский район	3	2	11,1	6,7
Кировский район	6	3	16,3	7,6
Моздокский район	16	11	11,8	8,1
Правобережный район	9	8	9,3	7,9
Пригородный район	15	12	10,7	8,3

Источник: Текущий архив Северная Осетиястата.

ми регионов Северо-Западного и Дальневосточного ФО, где они традиционно высоки, а показатели регионов СКФО в 2–10 раз ниже, чем в Северной Осетии (РФ – 26,1; Дагестан – 17,2; Ингушетия – 14,9; Кабардино-Балкария – 13,0; Карачаево-Черкесия – 17,6; Чечня – 2,7; Ставропольский край – 2,7 [1].

Достижения медицины последних лет, реализация различных программ по сохранению здоровья населения позволили заметно снизить уровень младенческой смертности и приблизить ее к мировым стандартам. Так, по сравнению с 1999 г. ОКМС в республике снизился в 2,1 раза. Самые низкие показатели были зафиксированы в Ардонском, Ирафском районах и Владикавказе. Сравнительно высокие показатели наблюдались в Алагирском, Дигорском, Моздокском и Пригородном районах. За 1995–2010 гг. уровень младенческой смертности снизился во всех районах республики.

При этом в сельской местности младенческая смертность была чуть выше, чем в городских поселениях. Наблюдались также некоторые различия по основным классам причин смерти детей, умерших в возрасте до 1 года.

Так в сельской местности в 2010 г. был выше уровень младенческой смертности от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (но в городских поселениях выше от септицемии), от болезней органов дыхания и от отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде. В городских по-

селениях уровень младенческой смертности был выше от болезней нервной системы и от врожденных аномалий.

Следует отметить, что и в 1995 г. [2, с. 124] и в 2010 г. основной причиной младенческой смертности были отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде. На втором месте были врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения. Однако в 1995 г. далее расположились инфекционные и паразитарные болезни (со значительным отрывом в повторяемости от болезней органов дыхания и органов пищеварения). В 2010 г. последние существенно опередили инфекционные и паразитарные болезни. В целом же произошло существенное снижение младенческой смертности почти от всех причин за исключением болезней органов пищеварения (рост в 6 раз).

Хотя соседние регионы существенно отстают от Северной Осетии по показателям ОКМС (Чечня – 17,5%, Дагестан – 15,0%, Ингушетия – 13,6%), в целом в России Северная Осетия выглядит далеко не лучшим образом: впереди Чувашия (3,5%), Тамбовская (4,1%) и Сахалинская (4,3%) области, Санкт-Петербург (4,3%) и многие другие [6].

Перинатальная смертность в 2010 г. была выше в сельской местности. При этом мертворожденные преобладали в сельской местности, а умершие в возрасте до 7 дней – в городских поселениях (табл.5). Наиболее высокие показатели перинатальной смерти

Перинатальная смертность в Северной Осетии в 2010 г.

	Умершие в перинатальном периоде, человек			Коэффициент перинатальной смертности (на 1000 родившихся живыми и мертвыми)		
	Всего	в том числе:		Всего	в том числе:	
		Мертворожденные	Умершие в возрасте до 7 дней		Мертворожденные	Умершие в возрасте до 7 дней
Все население	73	39	34	7,1	3,8	3,3
в том числе:						
городская местность	44	21	23	6,8	3,2	3,6
сельская местность	29	18	11	7,5	4,7	2,8
г. Владикавказ и подчиненные его администрации населенные пункты	31	16	15	7,1	3,7	3,4
Алагирский р-н	3	3	-	5,0	5,0	-
Ардонский р-н	4	2	2	8,2	4,1	4,1
Дигорский р-н	2	1	1	5,5	2,8	2,7
Ирафский р-н	2	2	-	6,6	6,6	-
Кировский р-н	1	1	-	2,5	2,5	-
Моздокский р-н	8	3	5	5,9	2,2	3,7
Правобережный р-н	9	4	5	8,8	3,9	4,9
Пригородный р-н	3	7	6	8,9	4,8	4,1

Источник: Текущий архив Северная Осетиястата.

наблюдались в пос. Заводском, сельской местности Ардонского и Правобережного районов, а самые низкие – в Алагире и Кировском районе.

В 2009 г. уровень перинатальной смертности в Северной Осетии был выше среднероссийского на 2,43%. Причем в республике было довольно значительное число как мертворожденных, так и умерших в возрасте до 7 дней. В Кабардино-Балкарии перинатальная смертность была меньше, чем в Северной Осетии в 2,1 раза, в Карачаево-Черкесии – в 1,76 раза. На Северном Кавказе перинатальная смертность была выше, чем в Северной Осетии только в Чечне, Дагестане и Ингушетии. При этом перинатальная смертность мальчиков была в 1,4 раза выше, чем девочек.

Статистика смертности детей в возрасте до 5 лет стала публиковаться сравнительно недавно. В связи с этим вести сравнения во времени весьма затруднительно. Показатели вероятности смерти от момента рождения до 5 лет на Северном Кавказе довольно неоднозначны. Вероятность смерти мальчиков в 2009 г. на 2,5% выше, чем девочек. Самая низкая смертность на Северном Кавказе была в Кабардино-Балкарии. На втором месте была Северная Осетия. Однако показатель Северной Осетии

был выше среднероссийского. Весьма высокая смертность детей до 5 лет была в Дагестане и Чечне. Разрыв между мальчиками и девочками в Северной Осетии был весьма значительным (4,7%). Для сравнения: в целом по России – 2,5%. По смертности мальчиков в возрасте до 5 лет Северная Осетия была на третьем месте на Северном Кавказе, после Кабардино-Балкарии и Ставропольского края. На третьем месте была Северная Осетия и по смертности девочек.

Один из важнейших показателей, характеризующих социально-экономическое благополучие населения – частота аборт. Однако исчисление этого показателя весьма затруднено вследствие большой распространенности так называемых криминальных (незаконных, внебольничных) абортов. Тем не менее, исследования показывают, что улучшение информированности населения о высокоэффективных методах и средствах контрацепции и их доступности для населения, наличие сети специализированных учреждений, занимающихся вопросами планирования семьи коренным образом изменили ситуацию с абортами как в России в целом, так и в Северной Осетии в частности. Негативное отношение к абортам связано с тем,

что они обуславливают большие медико-географические и экономические потери, так как приводят к росту гинекологических заболеваний, бесплодию, повышению уровня материнской и перинатальной смертности. В 60–80% случаев вторичного бесплодия у женщин причиной его являются искусственные аборты. У 20–30% женщин после искусственных абортов возникают нарушения детородной функции (самопроизвольные аборты и т. п.) [3. С. 9].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России число зарегистрированных абортов в два раза превышало число родов (и это не считая криминальных абортов, которых, по оценкам специалистов было еще больше!). К 2009 г. число абортов на 100 родов в России сократилось почти в 3 раза (с 208 в 1990 г. до 74 в 2009 г.). В Северной Осетии их число также имело тенденцию к сокращению (2000 г. – 83; 2007 г. – 49; 2008 г. – 46; 2009 г. – 46).

В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в России достигла 68,67 лет. Самые высокие показатели были достигнуты в Ингушетии – 78,31 лет. Заметим, что результаты Ингушетии вполне сопоставимы с лучшими показателями в мире. Далее следовали Дагестан (73,98), Чечня (73,22), Кабардино-Балкария (72,08), Северная Осетия (71,93), Карачаево-Черкесия (71,54). В Северной Осетии разница между мужчинами (66,0) и женщинами (77,69) достигала 11,69 лет (табл. 6). Таким образом, Северная Осетия практически вернулась к показателям 1989–1990 гг.

При этом обращает на себя внимание то, что начиная с 1995 г. постепенно сокращает-

ся разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами.

В 2010 г. главной причиной смертности населения Северной Осетии были болезни системы кровообращения. На них приходилось почти 2/3 от всех причин. При этом доля умерших от этого класса болезней по сравнению с 1995 г. несколько увеличилась [3. С. 210]. Сопоставляя ряды смертности населения от болезней системы кровообращения и средней продолжительности жизни людей, можно прийти к выводу: с увеличением средней продолжительности жизни населения увеличивается доля людей, умерших от болезней системы кровообращения.

В 2010 г. доля умерших от болезней системы кровообращения в сельской местности была на 4,2% выше, чем в городских поселениях. Существенно отличался половой состав умерших от болезней системы кровообращения. Женщины умирают от этой нозологии значительно чаще (доля умерших женщин на 13% выше, чем у мужчин). При этом в городских поселениях разница составляет 26,3%, а в сельской местности – 15,6%.

Из общей группы болезней системы кровообращения по всем расселенческим и демографическим группам главной причиной была ишемическая болезнь сердца.

На втором месте причин смертности были новообразования. В городских поселениях смертность от новообразований в 2010 г. была на 1,9% выше, чем в сельской местности. В целом по республике различий между мужчинами и женщинами по уровню смертности от новообразований практически не наблюдалось, но в городских поселе-

Таблица 6

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Северной Осетии в 1989–2009 гг.

	1989–1990 гг.	1995 г.	2001 г.	2009 г.
Все население	71,55	66,64	67,95	71,93
мужчины	66,13	59,51	61,70	66,0
женщины	76,42	74,37	74,40	77,69
Городское	71,82	66,17	68,01	71,94
мужчины	66,61	58,84	61,85	65,99
женщины	76,35	74,03	74,18	77,37
Сельское	70,87	67,77	67,90	71,88
мужчины	65,05	61,07	61,56	65,98
женщины	76,57	75,19	74,63	78,29

Источник: Демографический ежегодник России, 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.

ниях чаще умирали женщины, а в сельской местности – мужчины. Если сравнивать с периодом 1985–1995 гг. [3. С. 210], то изменений практически не наблюдалось. В период с 1985 по 1995 гг. наблюдался некоторый рост доли смертности от новообразований до 16,5% в 1990 г. с последующим снижением до 12,1% в 1995 г. На этом фоне 14,5% в 2010 г. не выглядят ни ростом, ни снижением.

В 2010 г. третье место среди причин смертности занимали внешние причины (случайные отравления алкоголем, самоубийства, убийства, транспортные травмы). К внешним причинам смерти относятся те причины, которые вызваны не болезнями, а различными внешними воздействиями. Они могут быть умышленными (убийства и самоубийства) или неумышленными (несчастные случаи, связанные с транспортным движением или вызванные огнем; утопления; отравления; падения), выделяют также повреждения с неопределенными намерениями. Этот класс, как и другие классы причин смерти, сформировался не сразу. Из них наибольшая доля приходилась на транспортные (всех видов) травмы. Следует отметить, что от внешних причин смерти умирал каждый десятый мужчина (10,4% от всех причин смерти). У женщин данный показатель составлял 3,1%. Доля умерших от внешних причин смерти в городских поселениях была на 0,9% выше, чем в сельской местности. При этом смертность от самоубийств, транспортных травм и случайных отравлений алкоголем была несколько выше в сельской местности.

Анализ динамики структуры смертности за 1985–2010 гг. показал, что начиная с 1985 г. доля внешних причин смерти постепенно увеличивалась вплоть до 2000 г., затем наблюдалось снижение доли и показатели внешних причин 2010 г. приблизились к показателям начала 1980-х гг. В структуре внешних причин смерти произошли изменения: снизилась доля бытовых травм и отравлений и увеличился удельный вес транспортных травм.

За 20 лет от внешних причин погибло около 6 миллионов россиян. Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин в России в разы превосходит этот показатель в большинстве развитых стран. В мировом рейтинге травматической смертности Россия занимает одну из первых позиций. По данным ВОЗ, в 2004 году среди

192 стран Россия была на 4 месте по смертности от внешних причин у мужчин и на 22 месте у женщин. Будучи промышленно развитой страной с не самым низким уровнем экономического развития, Россия, по уровню травматической смертности соседствует с такими беднейшими африканскими странами, как Кот-д’Ивуар, Судан, Бурунди и др., а также со слаборазвитыми азиатскими государствами – Непал, Бутан и др. Вообще такая смертность наиболее характерна для стран с невысокой ценностью человеческой жизни, с низким уровнем экономического развития, для тех, в которых часты войны и гражданское насилие [7].

Более 6% смертей в республике произошло на болезни органов пищеварения. Мужчины умирали от этой нозологии в два раза чаще, чем женщины. Смертность от болезней органов пищеварения в городских поселениях была выше, чем в сельской местности. Следует отметить, что по сравнению с периодом 1985–1995 гг. смертность от данной болезни несколько увеличилась.

В ряду важнейших причин смертности населения – болезни органов дыхания. В этой нозологии доля мужчин также в два раза больше, чем женщин. Различий между городскими поселениями и сельской местностью практически не наблюдалось. Еще одна причина смертности, вошедшая в обзор – некоторые инфекционные и паразитарные болезни. На них приходилось 1,5% от всех случаев смерти в 2010 г. Известно, что одной из наиболее опасных и распространенных в нашей республике болезней является туберкулез. Так, на это заболевание в 2010 г. пришлось 82,5% смертей от всех инфекционных и паразитарных болезней. Смертность мужчин как от инфекционных и паразитарных болезней в целом, так и от туберкулеза в частности была в три раза выше, чем женщин. Различий между городскими поселениями и сельской местностью практически не наблюдалось.

Удивительно, но факт: в республике с наиболее развитой системой здравоохранения на Северном Кавказе – Северной Осетии – смертность от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (18,0) выше, чем в Ингушетии (10,3), Дагестане (12,5), Карачаево-Черкесии (14,8) и Ставропольском крае (15,8). Концентрация вредных промышленных производств и автотранспорта, а также

более старый возраст населения привели к тому, что смертность населения от новообразований в Северной Осетии (163,8) значительно выше, чем в Ингушетии (61,3), Дагестане (77,8) и Чечне (75,6) [1. С. 298].

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. В первой половине 1990-х гг. в брачный возраст вступили многочисленные группы, родившиеся в начале 1970-х гг. (отдаленные последствия послевоенного бэби-бума). По законам демографии, это должно было привести к повышению рождаемости, брачности и т.п. Однако ожидаемого повышения не произошло. Напротив, обвальное падение уровня жизни населения привело к сокращению и брачности и рождаемости.

2. В 1990-х – начале 2000-х гг. демографическая ситуация неоднократно резко менялась, ее некоторое улучшение часто сменялось ухудшением. Причем ухудшение демографической ситуации следовало практически сразу после экономических кризисов 1992, 1995 и 1998 гг.

3. Наблюдалось постепенное снижение младенческой смертности. Особенно значительные успехи были достигнуты в последнее время, когда удалось добиться практически двукратного снижения ОКМС. Тем не менее, как Россия в целом, так и Северная Осетия в частности до сих пор существенно отстают от лучших мировых показателей.

4. Вплоть до 2010 г. наблюдалось постепенное увеличение среднего возраста матерей, родивших детей. В последнее время наблюдается стабилизация материнского возраста на уровне 28–29 лет.

5. Изменилась структура причин смертности населения. Сократилась доля инфекционных и паразитарных болезней. Хотя доля смертности от туберкулеза все еще высока.

6. В республике весьма остро стоит проблема детей, родившихся вне брака. В течение всего XX в. наблюдался рост числа внебрачных детей и к 2010 г. их доля в общем числе родившихся достигла 1/3.

7. Вступив во вторую декаду XXI в. Северная Осетия несколько улучшила демографические показатели. Однако имеются еще многие проблемы, требующие решения. Среди которых: переход к простому и далее к расширенному воспроизводству населения, т.е. увеличение ОКР; снижение уровня смертности; снижение смертности от туберкулеза и других инфекционных и паразитарных болезней; снижение уровня младенческой смертности; сокращение доли детей, родившихся у матерей-одиночек и т.д. Решение этих проблем во многом зависит от государства, от его решимости, дальнейшей оптимизации системы здравоохранения и всех структур, ориентированных на защиту материнства и детства.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России, 2009: Стат. сб. – М.: Росстат, 2010.
2. Краткая социально-демографическая характеристика населения Северо-Осетинской АССР. Ч. 2. – Владикавказ: СОПУС, 1990. – 92 с.
3. Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – 640 с.
4. Федеральный Закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».
5. Хорев Б.С. Проблемы сокращения населения в России // Геополитические и геоэкономические проблемы России. – СПб: РГО, 1995. – С. 143–152.
6. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/barom04.php>.
7. <http://subscribe.ru/archive/science.news.demoscopenews/201111/15194137.html>.
8. <http://ria.ru/spravka/20100324/215923278.html>.

Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (Москва)

УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Glushkova V.G., Khoreva O.B.

MANAGEMENT OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA: REGIONAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается понятие региональной демографической политики, анализируются основные направления современного управления региональным демографическим развитием. Основное внимание уделено исследованию законодательно-нормативных и экономико-финансовых механизмов региональной демографической политики.

Abstract. In the article the concept of regional demographic policy is considered, the main directions of modern management are analyzed by regional demographic development. The main attention is given to research of legislative, economical and financial mechanisms of regional demographic policy.

Ключевые слова: Концепция демографической политики РФ, региональная демографическая политика, государственный сертификат «материнский капитал», единовременные и ежемесячные пособия на ребенка, здоровый образ жизни.

Keywords: concept of demographic policy of Russia, the regional demographic policy, the parent capital, children's allowances, healthy way of life.

Региональная демографическая политика является частью государственной демографической политики. Это целенаправленная деятельность различных региональных организационных структур (государственных, общественных) по регулированию процессов естественного движения населения. Региональная демографическая политика осуществляется и на федеральном уровне посредством принятия программ в области перераспределения трудовых ресурсов, воздействия на воспроизводство населения, формирования здорового образа жизни населения и увеличения ожидаемой продолжительности жизни, оптимизации миграционных процессов и др.

После принятия «Концепции демографической политики Российской Федерации на период 2025 г.» [2] во всех субъектах Российской Федерации были разработаны региональные демографические стратегические документы, направленные на улучшение демографической ситуации. Эти стратегические документы учитывают специфику каждого региона (долю городского и сельского населения, тенденции естественного движения населения, сложившуюся модель семьи, обычаи и традиции) а также согласованные с реализуемыми мероприятиями приоритетных национальных проектов в сфере образования, здравоохранения, жилищной политики и сельского хозяйства. При разработке указанных документов первоочеред-

ное внимание уделялось наиболее острым проблемам народонаселения, характерным для конкретного региона субъекта Российской Федерации. Данные документы региональной демографической политики должны обеспечиваться необходимым финансированием, методическим и информационным сопровождением. Однако реализация стратегических направлений в области демографической политики в России зависит от множества сдерживающих факторов, в том числе от объемов и источников финансового обеспечения этой политики. Финансирование программ региональной демографической и семейной политики осуществляется из трех источников: федерального, регионального и муниципального бюджетов.

Федеральный компонент финансирования мер демографической и семейной политики связан с принятием в 2006–2008 гг. в Российской Федерации ряда законодательно-нормативных актов по материальной поддержке семей при рождении и воспитании детей [3]. В результате была сформирована система федеральных выплат, дотаций и льгот, предназначенных для стимулирования деторождения, поддержки малообеспеченных семей, укрепления института семьи в современной России, включающая [1]:

1. Материнский (семейный) капитал. Выплачивается женщинам, имеющим российское гражданство, родившим или усыновившим второго ребенка или ребенка

следующей очередности рождения не ранее, чем по истечении трех лет со дня рождения (усыновления). Средства материнского капитала можно использовать по следующим направлениям: улучшение жилищных условий; получение образования ребенком (детьми) и формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин. В 2008 г. было принято решение об использовании материнского капитала для полного или частичного погашения ипотечной задолженности. С 2009 г. каждая семья, обладающая правом на материнский капитал, может получить единовременно на руки 12 тыс. руб. на текущие нужды. Материнский капитал предоставляется одной женщине только один раз, сколько бы детей она в последующем не имела. Размер материнского (семейного) капитала ежегодно пересматривается с учетом темпов роста инфляции, его сумма с 1 января 2012 г. составляет 387 640,3 руб. С 2011 г. все семьи, получившие кредит на приобретение или строительство жилья, будут иметь возможность распорядиться средствами материнского капитала ранее исполнения второму ребенку трех лет [4].

2. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 года. Его размер составляет для работающих матерей – 40% среднего заработка по месту работы за 12 предшествующих календарных месяцев (максимальная сумма с 2012 г. – 16359,3 руб.).

3. Введение компенсации затрат родителей на посещение ребенком дошкольного образовательного учреждения (на первого ребенка – 20% размера платы, на второго ребенка – 50%, на третьего и последующего ребенка – 70%).

4. Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью (с 01.01.2012 г. – 12405,32 руб.).

5. «Родовой сертификат». Порядок и условия оплаты услуг по медицинской помощи, оказанной женщинам в период беременности, в период родов и в послеродовой период, а также по диспансерному наблюдению ребенка в течение первого года жизни [5]. Стоимость одного родового сертификата составляет: 3 тыс. руб. за услуги, оказанные женщине в период беременности; 6 тыс. руб. за услуги, оказываемые родильными домами в период родов и в послеродовой период; 2 тыс. руб. передаются в детскую поликли-

нике, по диспансерному наблюдению ребенка в течение первого года жизни. Общая стоимость родового сертификата может составлять 11 тыс. руб. на рождение 1 ребенка.

6. Пособия по беременности и родам на период 70 дней до родов и 70 дней после родов. Максимальный размер этого пособия составлял в 2011 г. 38 583,33 руб. [6].

7. Единовременное пособие при рождении ребенка (с 1.01.2012 г. – 12 405,32 руб.).

8. Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (с 1.01.2012 г. – 19 645,12 руб.).

9. Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (с 1.01.2012 г. – 8 419,34 руб.).

В целях поощрения граждан Российской Федерации за большие заслуги в укреплении института семьи и воспитании детей с 14 января 2009 г. многодетные родители награждаются орденом «Родительская слава» с выплатой единовременного вознаграждения 50 тыс. руб. одному из родителей [7, 8] (табл. 1).

В целом по России доля семейных и материнских пособий в валовом внутреннем продукте (ВВП) с середины 90-х гг. XIX в. неуклонно сокращается. Несмотря на то, что в последние годы данный показатель растет, его размер по-прежнему значительно меньше докризисного уровня (табл. 2.).

Задача по снижению предотвратимой смертности и укреплению здоровья населения в России и ее регионах, особенно трудоспособного населения, разрешается в результате реализации приоритетного национального проекта «Здоровье», разработки мероприятий по снижению предотвратимой смертности и травматизма населения Российской Федерации, в том числе на производстве, реализации мероприятий федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями», которая реализовывалась в 2007–2012 гг., реализации проектов и региональных целевых программ в субъектах Российской Федерации, направленных на повышение качества услуг в сфере здравоохранения.

Федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2012 гг.)» включала в себя целый ряд подпрограмм: «Сахарный диабет», «Туберкулез», «Вакцинопрофилактика», «ВИЧ-инфекция», «Инфекции, пере-

Таблица 1

*Единовременные и ежемесячные федеральные пособия на детей
в Российской Федерации, руб.*

Вид пособия	2008 г.	2012 г.
Единовременное пособие при рождении ребенка	8840,58	12405,32
Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью	8840,58	12405,32
Единовременное пособие будущим мамам, вставшим на учет в женских консультациях в ранние сроки беременности	331,52	465,20
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет		
• за первым ребенком	1657,61 – 6630,44	2326 – 16359,3
• за вторым и последующими детьми	3315,22 – 6630,44	4651,99 – 16359,3
Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	–	8419,34
Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	–	19645,12
Родовой сертификат	11000	11000
Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал	276250	387640,3

Источник: [9].

Таблица 2

Доля семейных и материнских пособий в России за 1995–2010 гг. (в %)

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Доля семейных и материнских пособий в % ВВП, в т.ч.:				
к ВВП	0,8	0,4	0,2	0,6
к общему объему денежных доходов населения	1,3	0,7	0,3	0,8
Доля семейных и материнских пособий в общих расходах на выплату пособий и социальную помощь, %, в т.ч.:	54,4	34,4	14,7	17,1
по беременности и родам	4,2	4,7	4,6	4,5
при рождении ребенка	1,5	1,9	2,6	0,9
ежемесячное пособие на ребенка	46,0	25,4	5,8	2,9

Источник: [11].

даваемые половым путем», «Онкология», «Вирусные гепатиты», «Психические расстройства», «Артериальная гипертензия».

С 2009 г. особое внимание Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации обращает на направление по формированию здорового образа жизни, поддерживаемое за счет федерального бюджета и бюджета субъектов РФ. В 2009 г. разработана «Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г.» [10].

В 2009 году в каждом регионе России на базе региональных и муниципальных уч-

реждений здравоохранения были открыты Центры здоровья. Подготовка специалистов для Центров здоровья проводится с 2010 г. в рамках приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения на базе образовательных учреждений дополнительного и высшего профессионального образования в пределах федерального округа. Образовательные учреждения для подготовки специалистов Центров здоровья определяются в результате конкурсного отбора в соответствии с действующим законодательством.

Кроме вышеперечисленных федеральных выплат семьям с детьми большинство субъектов РФ осуществляют свои региональные выплаты, проводят демографическую по-

литику на региональном и муниципальном уровнях. Во всех регионах разработаны Концепции и целевые программы демографического развития, однако, многие региональные власти имеют собственные уникальные законодательные, экономико-финансовые и информационные меры регулирования демографических процессов. В этой связи интересно рассмотреть опыт отдельных регионов России, реализующий свои программы демографической и семейной политики.

В г. Москве 2006 г. создан Департамент семейной и молодежной политики г. Москвы, действует система пособий, выплат и льгот для семей с детьми, работает «Стратегия «Московские дети» на 2008–2017 гг. Утверждена Концепция совершенствования организации досуговой, социально-воспитательной, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с населением по месту жительства [17].

В Курской области демографической и семейной политикой занимается Департаментом по опеке и попечительству, семейной и демографической политике. Реализуются целевые программы: «Социальная поддержка и улучшение положения детей в Курской области» на 2011–2014 гг., «Улучшение демографической ситуации в Курской области» на 2011–2014 гг., «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» на 2011–2015 гг.». Для родителей, удостоенных наград или поощрения Курской области, деятельность по воспитанию детей фактически приравнивается к трудовому стажу [18].

В Ульяновской области вопросы демографической политики курирует Министерство труда и социального развития. Осуществляются региональные выплаты, с 1 июля 2008 г. выдаётся сертификат именного капитала «Семья». Право на получение государственного сертификата на именной капитал «Семья» имеют женщины, являющиеся гражданами Российской Федерации, постоянно проживающие на территории Ульяновской области и родившие, либо усыновившие:

- третьего ребёнка или последующих детей, в период с 1 июля 2008 г. по 30 июня 2011 г., в возрасте до 35 лет;

- второго ребёнка или последующих детей, начиная с 1 июля 2011 г. (возраст мамы значения не имеет).

Размер именного капитала «Семья»: на второго ребенка – 50 тыс.руб., на третьего ребенка – 100 тыс.руб., на четвертого ребенка – 150 тыс. руб., на пятого ребенка – 200 тыс.руб., на шестого ребенка – 250 тыс.руб., на седьмого и каждого последующего ребенка – 700 тыс.руб. [19].

Департаментом семейной политики Краснодарского края разработана краевая целевая программа «Дети Кубани» на 2009–2013 годы, также Краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2011–2015 гг.». В крае существует Региональный оператор государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей и Скорая семейная помощь (профилактика социального сиротства, оказание разносторонней помощи семьям с детьми) [16].

Приоритетное направление в Ямало-Ненецком автономном округе – развитие институтов семьи и решение демографических проблем, решением этих вопросов занимается Департамент молодежной политики. Особое внимание в Ямало-Ненецком автономном округе уделяется молодежной семейной политике. Категория «молодая семья» в ЯНАО была закреплена в 1998 г. законом автономного округа «О государственной молодежной политике в ЯНАО». С 2003 г. в рамках окружной целевой программы «Молодежь Ямала» существует подпрограмма «Поддержка молодой семьи», которая нацелена на развитие на территории автономного округа системы семейных служб, реализующих проекты и программы помощи молодым семьям, обеспечение охраны репродуктивного здоровья, планирования семьи и гармонизации внутрисемейных отношений [15].

Большое распространение в автономном округе получают программы психологической помощи будущим родителям, направленные на создание в семье благоприятных условий для вынашивания, рождения детей и условий воспитания ребенка в семье. Представляют большой интерес такие программы развития работы с молодой семьей и организации семейного отдыха, как консультирование для впервые вступающих в брак молодых людей по специальным авторским

программам «Мы ждем тебя, малыш», радиолекторий «Родительские университеты» (г. Ноябрьск). В муниципальных образованиях реализованы проекты, направленные на первичную профилактику наркотической зависимости и пропаганду здорового образа жизни для студенческой молодежи. С целью формирования активной жизненной позиции молодой семьи в современных условиях, поддержки молодых семей, ежегодно проводится окружной фестиваль-конкурс «Семья Ямала».

Распоряжением Правительства Камчатского края от 05.02.2010 № 62-ППВ утверждён План мероприятий по снижению младенческой и материнской смертности, повышению качества оказания медицинской помощи, оказываемой женщинам в период беременности и родов, детям первого года жизни. Принята долгосрочная краевая целевая Программа «Безопасное материнство и детство на 2011–2013 гг.». Разрабатывается долгосрочная краевая целевая программа «Поддержка многодетных семей в Камчатском крае на 2012–2015 гг.» [14].

В Республике Саха (Якутия) вопросам демографической политики уделяется особое место. Указом первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева от 6 февраля 1993 г. был создан Комитет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Саха (Якутия), преобразованный позже в Комитет по делам семьи и детства. Разработан «Модель здоровой семьи». Реализу-

ется «Концепция семейной и демографической политики в РС (Якутия) на период до 2025 г.» [12, 13].

В Республике отмечаются национальный День здоровья, национальный День оздоровительного бега и ходьбы, День матери, День отца. Каждый год в Республике торжественно вручается Знак «Высшей благодарности Матери» и Знак «Почетный отец» лучшим матерям и отцам республики.

Законодательно-нормативная база Республики Саха (Якутия) по формированию здорового образа жизни включает целый ряд законов, указов и распоряжений по профилактике злоупотребления алкогольной, продукции и пива, об охране здоровья и проведении мероприятий, направленных на увеличение продолжительности предстоящей жизни населения.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации реализуется система мер на федеральном и региональном уровне помощи семьям с детьми, направленная на стимулирование деторождения и укрепление института семьи, а также проводится политика пропаганды здорового образа жизни, борьбы с факторами риска развития заболеваний. Одновременно с проведением демографической политики необходима разработка законодательно-нормативных основ государственной семейной политики Российской Федерации, в которой должны быть обозначены социальные стандарты качества жизни, подходы к решению вопросов социального развития и защиты семьи.

Библиографический список

1. Демография. Учебник / под общ. ред. Глушковой В.Г., Симагина, 6-е изд. Разд. 6. Региональные демографические различия и тенденции их изменения. Демографическая политика в России. – М.: КНОРУС, 2012.
2. <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;929982> Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции демографической политики до 2025 года» (от 9 октября 2007 г. № 1351).
3. ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ, ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей».
4. Здравоохранение и социальная сфера в цифрах и фактах 2010 г. – <http://www.minzdravsoc.ru/social/social/146>.
5. Приказ Минздравсоцразвития России (№701 от 28 ноября) «О родовом сертификате». – <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/orders/419>.
6. <http://www.minzdravsoc.ru/videobank/106>.
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2008 года № 775 «Об утверждении ордена «Родительская слава» (с изменениями от 29 апреля 2009 г., 7 сентября 2010 г.).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2009 г. № 19 г. Москва «О порядке выплаты единовременного денежного поощрения одному из родителей (усыновителей) при награждении орденом «Родительская слава» и предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату единовременного денежного поощрения лицам, награжденным орденом «Родительская слава»».

9. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов». – <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1>.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р «Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года».
11. Российский статистический ежегодник. Расходы на выплату пособий и социальную помощь. 2011: Стат. сб./ Росстат. – М., 2011.
12. Комитет по делам семьи и детства при Президенте Республики Саха (Якутия) – <http://www.sakha.gov.ru/node/12771>.
13. <http://www.sakha.gov.ru/> – Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия).
14. <http://www.kamchatka.gov.ru/index.php?cont=196&menu=1&menu2=153>. – Камчатский край. Официальный сайт.
15. http://www.yamolod.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=784:2010-06-16-08-17-56&catid=76:2010-06-16-08-41-13&Itemid=100088. – Официальный сайт Ямало-Ненецкого автономного округа.
16. <http://www.familykuban.ru/> – Департамент семейной политики Краснодарского края.
17. <http://www.mos.ru/authority/social/dsmp/programs/> – Официальный сайт города Москвы.
18. <http://adm.rkursk.ru/index.php?id=191> – Официальный сайт Администрации Курской области. Департамент по опеке и попечительству, семейной и демографической политике Курской области.
19. <http://sobes73.ru/index.php?section=257> – Министерство труда и социального развития Ульяновской области.

Гордиенко Н.М. (Белгород)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Gordienko N.M.

STUDY OF INVESTMENT ATTRACTION BELGOROD REGION

***Аннотация.** В статье проводится исследование инвестиционной привлекательности Белгородской области. Рассмотрена структура и специализация инвестиций, основные показатели региона и оценки рейтинговых агентств. На основе анализа факторов, определяющих потенциальный интерес инвесторов к финансовым вложениям в отрасли данного региона, делается вывод об уровне ее инвестиционной привлекательности.*

***Abstract.** In this paper we study the investment attractiveness of the Belgorod region. The structure and specialization of investment, the main indicators of the region and assess the rating agencies. Based on an analysis of factors determining the potential interest of investors with investments in the sector in the region, the conclusion about the level of its investment appeal.*

***Ключевые слова:** инвестиционная привлекательность региона, инвестиции, инвестиционная политика государства.*

***Keywords:** investment attractiveness of the region, the investment, the investment policy of the state.*

Привлечение инвестиций в регионы в настоящее время является одной из приоритетных задач для страны, так как инвестиционные вложения выступают важнейшим средством обеспечения условий скорейшего выхода из экономического кризиса, структурных сдвигов в народном хозяйстве, обеспечения научно-технического прогресса, разработки и внедрения инноваций, повышения качественных показателей хозяйственной деятельности предприятий. На основе анализа инвестиционной привлекательности регионов формируется инвестиционная политика государства. На микроуровне инвестиционная привлекательность региона является важнейшим фактором при

разработке инвестиционной политики конкретного предприятия, а на макроуровне имеет огромное влияние на развитие капиталовложений в стране, как частных, так и государственных, и формирует инвестиционный климат страны.

Инвестиционная привлекательность региона представляет собой интегральную характеристику среды инвестирования, формирующуюся на основании оценки инвестиционного потенциала и инвестиционного риска региона, отражающую субъективное восприятие региона потенциальным инвестором [2]. Другими словами, под инвестиционной привлекательностью региона следует понимать совокупность критери-

ев, побуждающих инвестора относиться с предпочтением к вложению капитала в привлекающую отрасль конкретного региона [1, с. 78].

В настоящее время, нет единой методики оценки инвестиционной привлекательности регионов. Однако существует несколько подходов:

1) Первый подход основан на выявлении некоего основополагающего фактора, характеристики, наличие которой однозначным образом определяет инвестиционную привлекательность региона. Так, К. Гусева считает основным фактором «рыночную реакцию регионов», А. Стеценко и Е. Бениксов указывают на такой фактор, как «имидж региона». Помимо этого, к числу таких индикативных показателей относят динамику валового внутреннего продукта, национального дохода, объемов производства промышленной продукции, а также состояние законодательного регулирования в сфере капиталовложений и развитие инвестиционных рынков.

2) В основе второго подхода лежит целый ряд факторов, которые с точки зрения своего влияния на инвестиционную привлекательность региона считаются равноценными и характеризуется определенным набором показателей. К таким факторам относятся: экономический потенциал региона, общие условия хозяйствования, развитость рыночной инфраструктуры, политические, социальные, социокультурные, организационно-правовые и финансовые факторы. Сторонниками данного направления явля-

ются А. Привалов, М. Кныш, Б. Перекатов, Ю. Тютиков и другие.

3) Основоположники третьего подхода (Г. Марченко, О. Мачульская, Е. Ананькина) анализируют широкий набор факторов, однако инвестиционная привлекательность региона в данном случае рассматривается как агрегированный показатель, который определяется двумя характеристиками: инвестиционным потенциалом и инвестиционным риском [3].

Рассмотрим факторы, определяющие потенциальный интерес инвесторов к финансовым вложениям в промышленность конкретного региона. Наиболее приемлемой, на наш взгляд, в современных российских условиях является классификация, основанная на моделях, разработанных отечественными и зарубежными учеными, и объединяющая их. В предложенной нами модели все отрасли разбиваются на пять групп, в порядке возрастания инвестиционной привлекательности (рис. 1).

В данной классификации выделяется пять типов отраслей, характеризующихся объемом производства и перспективами развития:

1. Кризисная отрасль – отрасль, характеризующаяся резким падением объемов производства, общей убыточностью. Инвестиционная привлекательность практически нулевая.

2. Депрессивная отрасль – отрасль, которая имеет нечеткие перспективы развития, находится в состоянии застоя и имеет

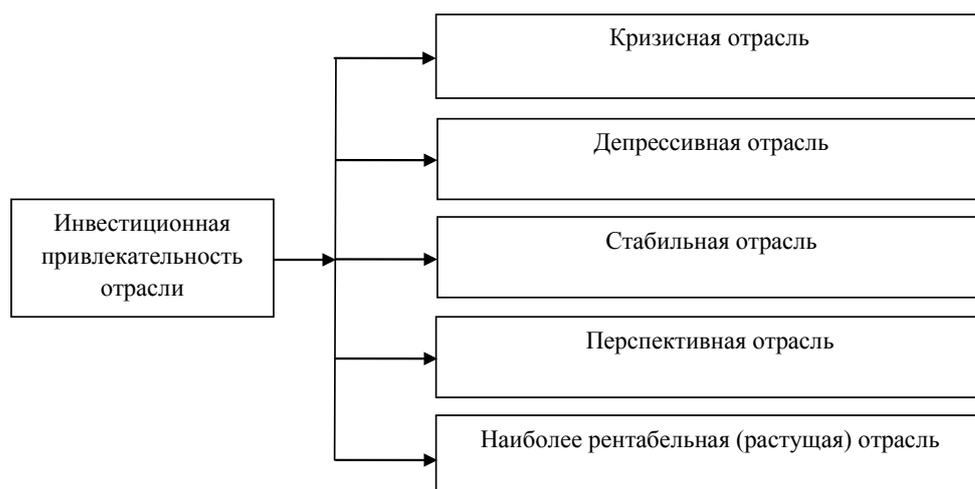

Рис. 1. Классификация отраслей по инвестиционной привлекательности

темпы развития близкие к нулю. Доходы в такой отрасли намного ниже средних по промышленности.

3. Стабильная отрасль – отрасль, экономическое положение которой довольно устойчиво, имеются перспективы развития, положительная динамика доходов и объемов производства, превышающая среднеотраслевые показатели. Риски вложения в такие отрасли минимальны, что чаще всего и привлекает инвесторов.

4. Перспективная отрасль – это, прежде всего, отрасль, обладающая потенциалом развития, имеющая инвестиции под четкие, целенаправленные комплексные программы. Она характеризуется малым объемом производства, так как основные продукты и технологии находятся в процессе лабораторных исследований или опытных производств, но в обозримом будущем может иметь наибольший эффект от вложения денежных средств, хотя риск потери вложений на начальном этапе весьма велик.

5. Отрасль, находящаяся в стадии роста, имеет высокие темпы развития и наибольшую рентабельность продукции, которая в перспективе будет пользоваться опережающим спросом. Предприятия отрасли работают на полную мощность и не имеют проблем со сбытом своей продукции. В экономике страны, находящейся в стадии кризиса, таких отраслей обычно нет.

Взяв за основу данную классификацию, проанализируем инвестиционную привлекательность основных отраслей Белгородской области, что в совокупности позволит оценить инвестиционную привлекательность данного региона, выделить перспективные направления дальнейшего развития и потенциальные возможности привлечения инвестиций в отдельные отрасли.

Инвестиционная привлекательность области определяется в первую очередь ее ресурсно-географическими условиями. Огромные запасы высококачественной железной руды способствуют активному развитию горно-металлургического комплекса и связанных с ним промышленных производств, а плодородные земли – сельскому хозяйству и перерабатывающих отраслей. Эти сферы экономики Белгородской области являются отраслями стабильного роста и в настоящее время наиболее привлекательными для внешних инвестиций.

В структуре экономики региона преобладает промышленное производство. Область добывает треть российской железной руды, она единственный в России и Европе производитель губчатого железа – продукта высокой металлургической ценности. На долю Белгородской области приходится более 35% производства железорудных окатышей, по 4% – выпуска готового проката и стали, 10% – асбестоцементных листов, 9% – цемента, 21% – асбестоцементных труб и муфт, 11% – растительного масла, 12% – сахара-песка, 25% – маргариновой продукции. Среди областей Центрального федерального округа в 2011 г. Белгородская область по объему отгруженных товаров и выполненных работ и услуг на душу населения по видам экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» (37,8 тыс. руб.) и «обрабатывающие производства» (120,6 тыс. руб.) заняла вторые места.

Благодаря осуществлению мероприятий по совершенствованию промышленного потенциала области, повышению конкурентоспособности и диверсификации производства, а также за счет роста экономической активности хозяйствующих субъектов за 1993–2011 гг. произошло увеличение промышленного производства в сопоставимых ценах почти в два раза, что значительно выше, чем в целом по Российской Федерации. Существенное повышение степени адаптации предприятий к рынку в последние годы позволяет сохранять устойчивый рост объемов промышленного производства.

В регионе принимаются меры, направленные на создание эффективного, конкурентоспособного индустриального сельскохозяйственного производства, обеспечивающего высокое качество жизни сельских жителей, насыщение внутреннего рынка жизненно необходимыми, качественными и доступными для населения продуктами питания. Выпуск продукции сельского хозяйства в 2011 г. достиг 58,2 млрд. руб., что в сопоставимых ценах в 1,5 раза выше уровня 1992 г., при снижении на 9,6 % за этот период показателя по Российской Федерации [4].

Правительством области проводится целенаправленная работа по созданию благоприятного инвестиционного климата для привлечения отечественных и иностранных инвестиций в приоритетные секторы экономики.

По оценке рейтингового агентства «Эксперт РА», Белгородская область имеет одновременно стабильный и качественный инвестиционный климат. Она занимает вторую позицию в рейтинге регионов с уровнем инвестиционного риска ниже среднероссийского за последние 12 лет.

Рейтинговым агентством Moody's Investors Service 31 июля 2008 г. Белгородской области присвоены рейтинги по глобальной шкале в местной и иностранной валюте на уровне Ba1. Прогноз рейтингов стабильный. Одновременно рейтинговое агентство Moody's Interfax Rating Agency присвоило области рейтинг по национальной шкале на уровне Aa1.ru. Кроме того, рейтинг по глобальной шкале в местной валюте на уровне Ba1 со стабильным прогнозом и рейтинг по национальной шкале на уровне Aa1.ru были присвоены выпуску рублевых государственных облигаций Белгородской области в объеме 1,5 млрд. руб.

В области удаётся сохранить сложившуюся тенденцию экономического роста. Увеличение производства товаров и услуг, реформирование агропромышленного комплекса, строительство жилья, увеличение реальных доходов населения, меры по активизации инвестиционной деятельности являются важнейшими характеристиками социально-экономической ситуации. Можно предположить, что при сохранении нынешней динамики социально-экономического развития, создании условий для соблюдения прав собственников и гарантий инвесторам Белгородская область останется привлекательным реципиентом для инвесторов и полнее интегрируется в российское и международное экономическое пространство.

Формированию благоприятных инвестиционных условий служит созданная законодательная база, в которой четко определены права инвесторов, льготы по налогам, гарантии по инвестиционным проектам и другие позиции. С 2002 г. в регионе работает инвестиционный совет при губернаторе области, осуществляющий рассмотрение и одобрение инвестиционных проектов, планируемых к реализации по приоритетным направлениям развития экономики и социальной сферы. Разработан порядок оценки эффективности реализуемых и планируемых к реализации инвестиционных проектов.

Государственная поддержка инвесторам оказывается с помощью механизмов государственно-частного партнерства, которые включают:

- заключение соглашений о социально-экономическом сотрудничестве между правительством области и инвестором;
- сопровождение реализации проектов;
- содействие выделению земельных участков под промышленные площадки;
- предоставление гарантий Белгородской области и государственного имущества области для обеспечения привлекаемых инвестором кредитных ресурсов;
- участие средств областного бюджета в формировании уставных капиталов создаваемых предприятий;
- субсидирование процентной ставки по привлекаемым банковским кредитам;
- обустройство строящихся и реконструируемых промышленных комплексов инженерной инфраструктурой: подведение инженерных сетей за счет средств газо- и энергоснабжающих организаций, строительство подъездных дорог за счет средств областного бюджета [5].

Правительство области проводит взвешенную политику по привлечению дополнительных источников финансирования развития экономики, в том числе за счет выпуска государственных ценных бумаг. За период с 2006–2011 гг. выпущены четыре облигационных займа с общим объемом заимствований 3,64 млрд. руб. Привлеченные средства от размещения выпусков облигаций на возвратной основе направляются на реализацию высокоэффективных инвестиционных проектов. Разработка и реализация проводимых программ создаёт предпосылки для концентрации инвестиционного потенциала в наиболее перспективных отраслях экономики, таких как горно-металлургический комплекс, производство и переработка сельскохозяйственной продукции.

Общий объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2011 г. составил 132,3 млрд. руб. При этом следует отметить, что доля привлеченных внебюджетных источников финансирования в Белгородской области выше средних российских показателей, что является инди-

катором инвестиционной привлекательности региона.

В целом по России инвестиции в основной капитал составили 10 776,8 млрд. руб., что на 8,3% опережает показатель предыдущего года. В среднем по Центральному Федеральному округу эта цифра составила 2 360,4 млрд. руб. и по сравнению с показателем 2010 г. увеличилась на 2,4%. Лидирующие позиции по наращиванию объемов инвестиций среди областей Центрального Федерального округа занимает Белгородская область. Вложения в основной капитал составили 132,3 млрд. руб., собственных средств – 36,2 %, привлеченных – 63,8%, из них бюджетных средств было направлено 25,4%, в том числе из федерального бюджета – 4,5%. Темп роста данного показателя для Белгородской области составил 123,5%, что значительно выше среднего показателя, в частности, по округу и в целом по России, что, несомненно, свидетельствует об инвестиционной привлекательности данной области, перспективах ее развития за счет инвестиционных вложений.

Как показывает мировой опыт, немаловажное значение для экономики страны играет привлечение иностранных инвестиций. Разумное использование зарубежных капиталовложений способствует повышению конкурентоспособности продукции на мировом рынке, развитию производства, росту производительности труда, передаче передовых технологий, созданию новых рабочих мест, развитию отсталых отраслей и прочим положительным эффектам [6].

Так, за 2011г. в Россию поступило 133 784 млн. долл. США иностранного капитала, по Центральному федеральному округу эта сумма составила 94 215 млн. долл. Белгородская область по объему иностранных инвестиций по Центральному федеральному округу занимает одну из лидирующих позиций, отставая только от г. Москва. Сумма иностранных инвестиций составила 3 171 млн. долл. США, в т.ч. прямых около 70 млн. долл. и прочих 3 101 млн. долл. Стоит отметить, что наибольшую инвестиционную заинтересованность проявляют представители компаний и финансовых структур европейских стран, в частности Германии, Франции, Голландии, Болгарии, Италии [4].

Рассмотрим подробнее структуру инвестиций в основной капитал по видам эконо-

мической деятельности. Привлекательной сферой для инвестирования в Белгородской области, помимо сельского хозяйства и горной промышленности, является обрабатывающее производство, об этом свидетельствует рассчитанный коэффициент концентрации. Он определяется как отношение удельного веса рассматриваемого вида деятельности в структуре инвестиций в основной капитал региона к удельному весу соответствующего вида деятельности в структуре инвестиций в основной капитал в России (значение, свидетельствующее о сравнительной концентрации инвестиций в соответствующем секторе экономики региона, – больше 1) (табл. 1).

Комплексная оценка инвестиционного потенциала региона позволяет сделать вывод о благоприятной тенденции увеличения концентрации инвестиций в социально-ориентированных секторах экономики региона. Выявлена также тенденция высокой концентрации инвестиций в приоритетных сегментах производственного сектора, являющихся для региона «точками роста» экономики. Так, за 2007–2011 гг. доля инвестиций, направленных на развитие горной промышленности, составила в среднем 12% общего объема инвестиций в основной капитал, а сельское хозяйство более 30%.

Технологическая структура инвестиций в основной капитал за период 2007–2011 гг. характеризовалась тем, что темп роста затрат на выполнение строительно-монтажных работ опережал темп роста затрат на машины, оборудование, транспортные средства. Исходя из результатов исследований, проведенных Министерством экономического развития Российской Федерации, согласно которым одно вновь созданное рабочее место в строительстве мультиплицирует четыре новых рабочих места в смежных отраслях, такая тенденция может оцениваться как положительная.

За последние годы в области реализованы уникальные крупномасштабные инвестиционные проекты. Введены в эксплуатацию стан «350» и шестиручьева машина непрерывного литья заготовок в ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат», первая и вторая очереди цеха горячепрокатированного железа в ОАО «Лебединский ГОК», первая мощность четвертой секции обогатительной фабрики в

Таблица 1

Структура и специализация инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности Белгородской области в 2007–2011 гг. (в % к итогу)

Виды экономической области	Годы					Коэффициент концентрации
	2007	2008	2009	2010	2011	
Инвестиции в основной капитал – всего	100	100	100	100	100	–
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	16,6	21,5	21,4	34,6	39,6	9,21
Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–
Добыча полезных ископаемых	4,2	8,2	12,7	16,5	14,0	0,81
Обрабатывающие производства	18,5	21,3	23,2	15,6	12,1	0,77
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,5	7,7	9,2	6,4	7,5	0,86
Строительство	2,5	1,0	1,1	1,1	0,9	0,38
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,8	1,8	1,3	1,7	1,5	0,52
Гостиницы и рестораны	0,0	0,2	0,4	0,1	0,1	0,25
Транспорт и связь	22,0	11,4	7,4	4,1	4	0,16
Финансовая деятельность	2,0	0,2	0,8	0,2	0,2	0,15
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,1	7,8	5,4	5,7	7,2	0,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	2,3	2,3	3,8	3,1	4,2	2,1
Образование	4,2	2,8	3,5	4,2	2,6	1,13
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,0	7,1	4,3	3,6	3,0	1,15
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	6,3	6,7	5,5	3	3,1	1,15

Составлено по: [4].

ОАО «Стойленский ГОК». Реализуется инвестиционный проект строительства подземного Яковлевского рудника мощностью 3 млн. тонн богатой железной руды в год. В агропромышленном комплексе сдан в эксплуатацию целый ряд объектов, которые возведены в рамках выполнения областных целевых программ развития птицеводства, свиноводства и молочного животноводства и реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Введены новые мощности в топливно-энергетическом комплексе: на базе Белгородской ТЭЦ осуществлен ввод в действие двух современных газотурбинных энергоблоков, а также первая очередь подстанции «Фрунзенская» и подстанция «Донец», что имеет важное стратегическое значение для повышения надежности электро- и теплоснабжения

функционирования экономики и социальной сферы.

Вместе с тем существует ряд факторов, замедляющих позитивные процессы, происходящие в области. Так, например, степень износа основных средств в крупных и средних коммерческих организациях в 2011 г. была достаточно велика – 35,4%, в некоммерческих организациях – 37,9%. Коэффициенты обновления за этот же период составили 21,2% и 7,1% соответственно. Наличие физически и морально устаревших основных средств во многих случаях ведет к невозможности выпуска конкурентоспособной и тем более инновационной продукции с высокой степенью добавленной стоимости, к отставанию производительности труда.

Нельзя не отметить необходимость инвестиций для повышения научно-техниче-

ского потенциала. Если в 2007 г. доля совокупных средств бюджета с учетом средств организаций государственного сектора в общем объеме затрат на исследования и разработки составляла 37,4%, то в 2011 г. она снизилась до 20,1%. При этом основным источником финансирования в последние годы стали средства предпринимательского сектора и собственные средства научных организаций, которые в 2011 г. составили 78,4 % от всех затрат.

Объем отгруженной инновационной продукции организаций добывающих и обрабатывающих производств в 2011 г. составил 12 692 млн. рублей, что в 7,7 раза больше выпуска предыдущего года. Основную долю в 2011 г. составляет вновь внедренная или подвергшаяся значительным технологическим изменениям продукция (68,6%).

Затраты на технологические инновации в промышленном производстве в 2011 г. составили 747,3 млн. рублей, что больше на 13,1 млн. руб., чем в 2010 г. В 2011 г. основные инновации были сосредоточены в организациях добывающих производств (45,8%), в производстве пищевых продуктов (17,4%), в металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий (14,6%). Значительную долю занимает химическое производство (7%) и производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (6,1%) [4].

На основе проведенного исследования можно сделать краткие выводы об оценке инвестиционной привлекательности области.

Сочетание выгодного географического положения, высокого ресурсного, научно-технического и технологического потенциалов, наличие развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, активная позиция правительства области в вопросах развития хозяйственного комплекса, организационной поддержки и сопровождения реализации перспективных проектов делают Белгородскую область инвестиционно привлекательной и определяют ее как оптимальное место для организации производства с любым отраслевым профилем.

В области удаётся сохранить сложившуюся тенденцию экономического роста. Увеличение производства товаров и услуг, реформирование агропромышленного комплекса, строительство жилья, увеличение реальных доходов населения, меры по акти-

визации инвестиционной деятельности являются важнейшими характеристиками социально-экономической ситуации. Однако ряд факторов общероссийского масштаба, таких как высокая стоимость кредитов, наличие на предприятиях устаревших основных фондов, низкий мировой инвестиционный и экономический рейтинг России, оказывает сдерживающее воздействие на активность инвестиционных процессов.

В целях повышения инвестиционной открытости и качества инвестиционного климата, поддержания имиджа региона в российском и мировом инвестиционных сообществах, увеличения притока инвестиций по приоритетным направлениям развития инноваций и модернизации экономики области разработана и реализуется целевая программа «Улучшение инвестиционного климата для привлечения инвестиций в экономику Белгородской области в 2011–2015 гг.».

Приоритетами инвестиционной политики в области являются модернизация производства и повышение конкурентоспособности обрабатывающего и машиностроительного комплекса, развитие секторов новой экономики, прежде всего, высокотехнологичных отраслей промышленности. Стратегические направления развития области основываются на обеспечении конкурентоспособности экономики региона за счет перехода к инновационному социально ориентированному типу развития в условиях глобализации российской экономики. Последовательно проводится инвестиционная политика, направленная на создание необходимых условий для расширения производства, повышения его прибыльности и на этой основе накопление внутренних источников финансирования для инвестиционной деятельности.

Белгородская область имеет достаточно высокий уровень инвестиционной привлекательности, что неоднократно подтверждалось независимыми рейтинговыми агентствами. Можно предположить, что при сохранении нынешней динамики социально-экономического развития, создании условий для соблюдения прав собственников и гарантий инвесторам Белгородская область сохранит статус стабильно-развивающегося региона с потенциальными возможностями для привлечения инвестиционного капитала, как отечественного, так и зарубежного.

Библиографический список

1. Кузьбожев Э.Н., Козьева И.А. Экономическая география и регионалистика. – Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2003.
2. Литвинова В.В. Теоретические и методологические аспекты оценки инвестиционного климата региона // Молодой ученый. – 2011. – № 4. – Т.1. – С. 161–169.
3. Попов М.Н. Основные подходы к оценке инвестиционной привлекательности российских регионов: преимущества и недостатки // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). Т. II. – М.: РИОР, 2011. – С. 170–172.
4. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2011 : стат. сб. / Росстат, Белгородстат. – Офиц. изд. – Белгород : [б. и.], 2011.
5. Фильченков В.А. Организация государственно-частного партнерства в социальной сфере региона // Российское предпринимательство. – 2008. – № 4 Вып. 1 (108). – С. 19–23. – <http://www.creativesopomy.ru/articles/4361>.
6. Шеховцов Н.Н. Совершенствование методов оценки инвестиционной привлекательности региона // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – №77(03).

Дегтева Ж.Ф. (Якутск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Degteva J.F.

THE TRANSFORMATION OF THE ETHNIC STRUCTURE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Аннотация. В статье освещаются этнические процессы, происходящие в Республике Саха (Якутия). Рассматривается динамика заселения и формирование современной этнической структуры. Анализируется динамика численности населения по данным переписей 1939–2010 гг.

Abstract. The paper highlights the ethnic processes in the Republic of Sakha (Yakutia). The dynamics of settlement and the formation of the modern ethnic structure. The dynamics of the population according to Census 1939–2010 years.

Ключевые слова: этногенез, этническая структура, коренные малочисленные народы Севера, метисация, демографические процессы, этнодемографическая устойчивость, комплементарность.

Keywords: ethnogenesis, ethnic structure, indigenous peoples of the North, cross-breeding, demographics, ethno-demographic stability, complementarity.

В современном обществе происходит всплеск осознания своей этнической идентификации – принадлежности к определенному этносу. Расслоение общества на группы всё в большей степени совершается по этническим основаниям, что приводит к небывалой миграции народов, к их ассимиляции, смешению и столкновению. Всякий спонтанно возникающий процесс в обществе, особенно этнического характера нуждается в определенном регулировании со стороны государства.

Вопрос о возможности отказа при административно-территориальном делении России по национальному принципу буквально взорвал общественность, особенно в национальных регионах. Изучение этнической структуры общества и её трансформации представляет огромный интерес для выяв-

ления аспектов экономического, социально-культурного и политического развития страны и отдельных её регионов.

Изучение пространственного развития этнических процессов – исключительно важная задача для обеспечения целостности российского государства.

Прежде чем рассматривать этнические процессы в республике Саха (Якутия), хотелось бы отметить, что в теории этнологии встречаются разночтения базовых категорий, есть понятия, не имеющие четкого определения. Существующие подходы изучаемой проблемы далеки от согласованности, расхождения по основной проблеме: этнос – биологическое или социальное явление по своей сущности. Серия статей, опубликованных Л.Н. Гумилевым в конце 1960-х – начале 1970-х гг., вызвала полемику. Она показа-

ла значительное расхождение точек зрения Л.Н. Гумилева и его оппонентов. В те же и последующие годы теория этноса получила значительное развитие в трудах Ю.В. Бромлея и некоторых других авторов. Главные различия во взглядах Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева заключаются в понимании глубинной сути этноса. Их точки зрения в данном отношении отличаются кардинальным образом. Довольно интересно и основательно, на мой взгляд, раскрыта сущность этноса у Гумилева Л.Н. Изучение этнических явлений Лев Николаевич помещает на стыке трех наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики). Этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и ландшафтного факторов. Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности. Зависимость человека от окружающей его природы, точнее – от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась различными учеными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населяющих и населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий [2].

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам – этносам [4].

Республика Саха (Якутия) – огромная территория на северо-востоке Азии, едва ли не сороковая часть всей суши планеты. Омывается Северным Ледовитым океаном. Якутия расположена в зоне многолетней мерзлоты. Свыше 40% территории находится за Полярным кругом. Климат резко континентальный. В западной равнинной Якутии с севера на юг последовательно сменяются ландшафты: арктическая пустыня, тундра, лесотундра и тайга. В восточной и южной Якутии, кроме незначительных равнинных участков действует закон высотной поясности.

В республике живут представители около 160 этносов. Формирование такого этнического состава имеет длительную историю и весьма разнообразную географию.

Формирование якутского этноса происходило в степных районах Средней Сибири. Они были вытеснены пришедшими более сильными киргизскими племенами. С верховьев Енисея якуты откочевали на северо-восток, в бассейн Лены, и закрепились в Вилной котловине в XIII–XIV вв. «Отброшенные на отдаленный восток Азиатского материка, оторванные от главной массы тюркского народа... якуты сохранили много черт первоначальной тюркской культуры...», – резюмировал Н. Венловский. В свою очередь они переняли ряд обычаев и приемов ведения хозяйства от местных жителей. На протяжении длительного времени на территории Средней Лены формировалась древняя якутская этнокультурная общность. Характерными признаками её были: северный тип скотоводства и коневодства (длительная оседлая зимовка и сезонные перекочевки в период весна-лето-осень), сочетавшиеся с охотой и рыболовством [5]. Табунное коневодство является основой традиционного уклада жизни якутского этноса. Уникальные качества якутской лошади определяются тем, что она круглый год находится под открытым небом в экстремальных условиях севера. Скотоводство вообще, предполагает экстенсивный характер хозяйствования, но у предков саха к этому добавился фактор, связанный с особым ландшафтом, характерным больше для центральной части Якутии: бесчисленное множество зачастую изолированных аласов и равнинных мест в долинах рек. Все это и определило разбросанность, широкую географию расселения и небольшие размеры поселений древних саха [7].

На карте, составленной видными фольклористами и этнографами С.И. Боло и И.Д. Новгородовым, видно, что якутские племена в начале XVII в. проживали повсеместно на современной территории Якутии, за исключением крайнего северо-запада и крайнего северо-востока.

Традиционная культура якутов с ее чертами характерными для населения степного края юга Сибири, антропологические и языковые данные, этногенетические предания говорят о сложном и гетерогенном происхождении якутов. (В якутском языке 25%

слов монгольского происхождения, 4% тунгусо-маньчжурского, вместе с тем, язык относится к числу древних тюркских языков, возможно с этим связано наличие в его словарном составе около 10 % слов неизвестного происхождения).

Как показывают легенды и археологические находки, на территории Якутии до прихода якутов проживали юкагиры, эвены и эвенки. Археологи едины в том, что юкагиры – древнейшие из ныне живущих на территории Якутии этносов, что они обжили её от 3 до 6 тыс. лет назад. Основные традиционные виды хозяйственной деятельности сформировались под действием местных ландшафтов. Тундровые юкагиры вели полукочевую охоту на дикого оленя, охотились на песца, у них имелись собачьи нарты. Таежные юкагиры охотились на лося, оленя, горного барана, зимой промышленяли соболя, у них было развито озерное и речное рыболовство. Юкагиры, ныне проживающие, в основном в бассейне Колымы, по преданиям были весьма широко распространены по всей территории. Присваивающее хозяйство юкагиров стало одной из причин их поражения при натиске чужих племен.

Эвенки расселены небольшими группами по всей Восточной Сибири, Дальнему Востоку, северу Китая и Монголии. Эвенки Якутии – охотники и оленеводы. Живя, обособленно друг от друга, эвенки создали соответствующую своему образу жизни и климатическим условиям обитания специфическую материальную культуру. Природа возведена эвенками в ранг верховного божества, ибо только она является лоном и основой жизни, матерью всего живого на земле. В мировоззрении этноса сложился устойчивый тип экологического мышления и поведения [10].

Эвены (ламуты) – один из малочисленных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эвены представляют восточную ветвь тунгусов. В XVII в. большинство эвенов было сосредоточено на Охотском побережье. К началу XX столетия расселение эвенов по обширной территории Сибири завершилось. В западной части этнического ареала они заняли ту территорию между Леной и Колымой, которую в XVII в. занимали юкагиры. Разнообразие ландшафтов Якутии оказало влияние на формирование трех субэтносов эвенов. В горно-таежной зоне Якутии и горных районах севера кочевали оленеводы (дэндэмил). На Алдане сформировались

полуоседлые скотоводы (дельяны), оседлые рыболовы (пешие тунгусы) – на побережьях.

В образовании населения Якутии важной вехой становится появление русских. Итоги хождения русских путешественников XVII в. имеют разностороннее значение. В Якутии строятся города. Крестьяне, которые пришли несколько позже казаков, распространяют новую отрасль хозяйства – земледелие. Сбор ясака приводит к катастрофическому сокращению количества пушных зверей. Начинается поиск и освоение полезных ископаемых. Происходит изменение природных комплексов, меняются ландшафты.

Отряды, закладывавшие в разных местах Сибири опорные пункты, – острожки, зимовья и т.п., – имели очень смешанный состав. Необходимо было покорить страну, для этого назначались ратные люди; нужно было упрочить завоевания – с этой целью основывались остроги; требовалось обеспечить отряды продовольствием – в этих видах селили опорных пунктов крестьян, которые занимались земледелием для себя и «пахали государеву пашню»; постоянное движение отрядов вперед и сношения центрального правительства с вновь основанными сибирскими городами вызвали необходимость в постоянном содержании лошадей для разъездов – и эта потребность удовлетворялась путем основания при острогах ямских слобод. Вследствие таких разносторонних требований, в состав отрядов входили казаки, стрельцы и пушкари, служилые люди для управления и приказных дел, посадские для торговли, «пашенные» крестьяне, ямщики, духовенство и пр. [...] [10].

К концу XVII – началу XVIII в. на территории Якутии возникли два района компактного проживания русских. Первый – южный. Население его увеличивалось в основном за счет механического прироста, естественный играл второстепенную роль. Второй – северный. Особенностью северного района является то, что ключевая роль в формировании и росте русского населения перешла к естественному приросту, что способствовало высокой степени метисации малочисленного русского этноса, вплоть до утраты антропологического типа, а иногда и этнического самосознания. Трехвековой процесс адаптации старожильческой части русского населения Якутии прошел настолько успешно, что по всем объективным показателям этот субэтнос вполне соответствует статусу коренного населения республики.

Каждый этнос имеет свою территорию, т.е. район или районы, где сосредоточена основная его часть, или где данный этнос составляет большинство населения. Согласно Конституции Российской Федерации в России с учетом национального состава выделены некоторые субъекты, один из них – Республика Саха (Якутия). Доля титульной нации в Якутии составляет более 50%.

Население Якутии относится к четырем языковым семьям. Самой многочисленной из них на сегодняшний момент является алтайская семья (525964 чел.). Основная часть народов алтайской семьи, населяющих РС (Я) относится к восточной ветви тюркской языковой группы. Представителями её являются якуты, татары, киргизы, узбеки, долганы. К Алтайской языковой семье относятся также народы монгольской языковой группы, представленные сегодня в Якутии бурятами и калмыками. Особую группу алтайских народов составляют эвены и эвенки, которых относят к тунгусо-маньчжурской языковой группе. Численность их незначительна и не превышает на территории Якутии 36100 чел. (по состоянию на 2010 г.).

Вторая по численности в Якутии *индоевропейская языковая семья* (380377 чел.). Она представлена славянской, армянской (армяне) и западно-иранской (таджики) языковыми группами. Многочисленна языковая группа в индоевропейской семье, объединяющая восточных славян (русских, украинцев, белорусов).

Малочисленны в Якутии *уральско-юкагирская языковая семья*, представителями её являются юкагиры и *чукотско-камчатская языковая семья*, представлена чукчами.

Размещено население по территории РС (Я) неравномерно. Степень комфортности природных условий для жизни населения стало основой различной плотности населения республики – почти половина его проживает в центральной Якутии.

Проанализировав данные переписей населения с 1989 по 2010 г., можно отметить, что этнический состав Республики Саха (Якутия) трансформируется. Что стоит во главе трансформации? Смена идентичности, естественное движение, миграция?

Численность населения Якутии по состоянию на 1 января 2011 г. с учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. составляет 958 021 чел. Самые

многочисленные – якуты (465720) и русские (345765). В Республике Саха (Якутия) насчитывается около 40 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Количество эвенков – 20969, эвенов – 15047, долганов – 1904, юкагиров 1274, чукчей – 670. Следует иметь в виду, что на численность отдельных этносов могло повлиять и то, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации, национальная принадлежность в ходе опроса населения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась строго со слов опрашиваемых. «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности», ст. 26, «Конституция Российской Федерации».

Для большинства жителей Якутии, независимо от этнической принадлежности, идеалом является двухдетная семья. Даже если встречается многодетная семья, это не дает оснований предполагать «вспышек рождаемости», нарушающих тот или иной ход демографических процессов данного этноса. Но хочется отметить, что самым многочисленным этносом в репродуктивном возрасте являются якуты, что, безусловно, влияет на этнические пропорции новорожденных.

Третьей наиболее влиятельной причиной, определившей изменение этнических пропорций в Якутии, является миграция. Миграционные процессы в Якутии традиционно играли большую роль при формировании этнической структуры населения. Это связано с историей освоения её территории. Анализируя данные переписей населения по РС (Я) с 1939 по 2010 г., несложно сделать вывод, что выросла доля титульного этноса. Сейчас положительный естественный прирост якутского этноса продолжает сочетаться с оттоком представителей русского этноса.

Миграционная убыль в 2011 г. составила 9,8 тыс. чел. против 7,1 тыс. в 2010 г. [6]. Даже положительное сальдо естественного прироста населения республики не компенсирует миграционную убыль. Внешнюю для республики миграцию составляют три основных потока: первый, самый масштабный (91,7%) между РС (Я) и другими субъектами РФ, второй между РС (Я) и странами СНГ и третий между РС (Я) и другими зарубежными странами. Причины эмиграции связаны с целым рядом факторов, одним из которых является

проявление в латентной форме межэтнических отношений.

На смену покинувших центральную Якутию представителей «некоренного» населения приезжают жители сельских районов республики. Основной внутренний миграционный поток составляют якуты. За счет внутриреспубликанских перемещений в только в 2011 г. городское население увеличилось на 6,5 тыс. чел. и соответственно уменьшилось сельское.

Растет тенденция изменения этнического состава и перераспределения его в пределах республики. На территорию республики прибывают узбеки, киргизы, таджики, армяне (их численность на 2010 г. составляет 3332 чел., 5022, 2696, 3691 чел. соответственно). Главным образом, столица республики испытывает сильнейшее давление миграции, растущего культурного разнообразия, этнической перемешанности и социальной разнородности населения. Наиболее значимой становится проблема становления позитивного отношения к иной культуре, к межкультурным различиям и формирование кросскультурной грамотности. Проблема установления взаимопонимания становится все более насущной как в глобальных масштабах мировой политики, так и в микроскопических, личных, при встречах с людьми.

Количественные и качественные изменения в этнической структуре Якутии, в том числе и каждом её улусе, обусловлены целым рядом причин природного, социально-экономического, политического и культурного характера. На каждом историческом этапе тот или иной фактор становится определяющим для дальнейшего развития этноса.

С начала 1990-х гг. произошли значительные изменения в миграционной ситуации в промышленных районах Южной Якутии, бывшей зоне широкого хозяйственного действия. Со снижением производства пришел бурный отток русских, украинцев, белорусов, молдаван. В районах промышленного освоения доля представителей народа саха в общей численности населения всегда оставалась незначительной, и сегодня составляет: Ленский – 11%, Мирнинский – 11%, Алданский – 4%, Нерюнгринский – 3%, Усть-Майский – 9%. Традиционными территориями обитания представителей народа саха остаются сельские улусы Центральной Якутии, лишь небольшая часть якутов проживает в северных

районах республики. В улусах сельскохозяйственного направления доля представителей якутского этноса увеличилась и составляет на сегодняшний день: Чурапчинский – 99%, Усть-Алданский – 99%, Таттинский – 98%, Намский – 95%, Сунтарский – 98%, Верхневелойский – 98%, Горный – 97%, Нюрбинский – 96%.

Суровые природно-климатические условия и особенности культурно-исторического освоения территории региона предопределили развитие особых промыслов: оленеводство, рыболовство, заготовка пушнины. Традиционно этим занимаются эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи. Ресурсно-индустриальное освоение территорий, нарушение процессов естественного демографического воспроизводства и культурной преемственности у большинства коренных народов Севера отразилось на этнодемографической и хозяйственной устойчивости северных этносов, привело к ухудшению традиционной среды обитания, а в ряде регионов подорвало существующую систему традиционного природопользования, снизило уровень жизни северного населения [9].

Однако, по данным переписи населения по РС(Я) 2010 г., количество представителей КМНС за последние восемь лет возросло на 634 долганов, 3414 эвенов, 2776 эвенков, 184 юкагиров, 68 чукчей. Объяснить, с чем связан прирост представителей КМНС сложно.

С одной стороны, политика государства по реализации федерально-целевых программ по «Экономическому и социальному развитию КМНС России», «О дополнительных мерах государственной поддержки северного оленеводства в 2000–2005 гг.». Решить проблемы, порожденные как историческим прошлым, так и возникающими трудностями адаптации малочисленных народов Севера и исчезающих этносов в условиях рыночных преобразований помогают: Конституция РФ, статье 69, 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». С другой стороны этому способствовали недемографические факторы: изменение самосознания принадлежности к определенному этносу. Прирост общей чис-

ленности северных этносов во многом обусловлен восстановлением национальной принадлежности в ходе Всесоюзной переписи населения. Считать ли это восстановлением этноса? Вопрос остается открытым. Начиная с нового тысячелетия, коэффициент естественного прироста малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) неизменно ниже средне республиканских показателей.

Распоряжением РФ утвержден перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, в силу этого, можно предположить незначительную вовлеченность КНМС в трансформацию этнической структуры. Но статистические данные говорят о том, что в сельской местности проживает меньше половины представителей малочисленных народов и наблюдается их перемещение в города.

Рассмотрев данные Всероссийской переписи населения 2010 года по количеству лиц той или иной национальности, представленной в РС (Я), и этих же национальностей за пределами республики, можно сделать следующие выводы. Якуты проживают компактно. Из всех якутов, проживающих в Российской Федерации, всего лишь 2% – за пределами данного субъекта РФ. Часть русских,

представленных в Якутии, по сравнению с РФ незначительна (не более 1%). Из коренных малочисленных народов севера особый интерес представляют юкагиры, 80% этой национальности проживают в Якутии, при этом численность представителей данной национальности по всей Российской Федерации всего лишь 1603 чел.

Причины трансформации этнического состава Якутии, для каждой определенной территории и для каждого определенного этноса, индивидуальны.

С 1939 г. по настоящее время в этнической структуре населения Якутии наблюдается две тенденции: на начальном этапе «славянизация», а на современном этапе – усиление черт титульного этноса.

В пространстве единого субъекта РФ определяются этнические предпочтения определенных ландшафтов. При наличии свободы выбора территории, этнос стремится попасть туда, где он сформировался или в идентичные условия природной среды.

Проведенные исследования позволили увидеть усиление полиэтничности в столице республики и установить формирование моноэтнических районов Центральной Якутии за счет эмиграции «не титульных» этносов.

Библиографический список

1. Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия): 70–90 гг. XX в. – Новосибирск: Наука, 2005. – 208 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 560 с.
3. Игнатъева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). – Якутск, 1994. – 144 с.
4. Калесник С.В. Основы общего земледелия. – М., 1955. – С. 412–416.
5. Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование / науч. ред. к.г.н. М.Ю. Присяжный. – Якутск: Бичик, 2003. – 168 с.
6. Миграция населения РС (Я). – 2011. Т. 1. – Якутск, 2012.
7. Народ саха от века к веку: Очерки истории / Е.П. Антонов, А.А. Борисов, С.И. Боякова и др.; отв. ред. В.И. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 327 с.
8. Федорова Е.Н., Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство Якутии: прошлое и настоящее. – Новосибирск: Наука, 2011. – 147 с.
9. Хрущев С.А. Географическое исследование устойчивости этноценозов коренных народов Севера: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – СПб., 2007
10. Этнография // Якутия: Историко-культурный атлас. – М.: Феория, 2007.

Еремин А.А. (Барнаул)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Eremin A.A.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE ALTAI TERRITORY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье представлены результаты проведения комплексного исследования региональной демографической ситуации на современном этапе, включающего как количественную характеристику воспроизводства населения, так и его качественную оценку. Рассмотрены изменения численности и половозрастной структуры населения Алтайского края, рождаемость, брачность, смертность, естественное воспроизводство населения и миграции за последние двадцать лет. Исследование выполнено с учетом некоторых новейших данных Всероссийской переписи населения 2010 года.

Abstract. The article presents the results of comprehensive research of regional demographic situation at the present stage, including both quantitative characteristics and qualitative assessment of reproduction of population. The changes of population size and structure, fertility, nuptiality, mortality, population replacement and migration in the Altai Territory during the last twenty years are examined in the paper. The study is done with the use of some latest data of the All-Russia population census of 2010.

Ключевые слова: демографическая ситуация, Алтайский край, численность населения, половозрастная структура, демографические процессы.

Key words: demographic situation, Altai Territory, population size, age-sex structure, demographic processes.

Введение. Российская Федерация уже около полувека пребывает в состоянии демографического неблагополучия. Несмотря на некоторое улучшение отдельных параметров демографического развития, наблюдающееся в России в 2000-е гг., ближайшие десятилетия станут серьезным испытанием для демографической безопасности (устойчивости) нашей страны. Вместе с тем Россия отличается большим территориальным разнообразием демографической ситуации, в связи с чем актуализируются региональные исследования воспроизводства населения.

Целью данной статьи является комплексная количественная характеристика и качественная оценка демографической ситуации в Алтайском крае на современном этапе (с 1990 г. до настоящего времени). Исследование выполнено с использованием официальной статистики Росстата и его территориального органа по Алтайскому краю [1; 8]. В работе представлены некоторые новейшие данные о населении Алтайского края, основанные на публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) [4; 5; 7].

Численность населения и компоненты демографической динамики. На начало 1990 г. общая численность населения Алтай-

ского края несколько превышала 2640 тыс. чел., что составляло 12,51% от населения всех территорий Сибирского федерального округа и 1,79% населения Российской Федерации (5 место в рейтинге субъектов СФО и 19 – в РФ). В первой половине десятилетия население региона росло, и к 1995 г. оно достигло максимальной величины за всю историю Алтайского края, немного не дотянув до символической границы в 2,7 млн. чел.. В это же время было зафиксировано наивысшее значение удельного веса населения региона в населении страны. Однако в середине десятилетия происходит смена восходящей демографической динамики на нисходящую, с тех пор и до настоящего времени население региона перманентно сокращается: почти за два десятилетия численность населения края снизилась на 287,1 тыс. чел., или 10,7% (среднегодовое значение 0,6%). В результате на 1 января 2012 г. она составила около 2407,2 тыс. чел., что соответствует 12,50% населения и 5 место в СФО, 1,68% и 22 место в РФ.

Сокращение численности населения Алтайского края в конце XX – начале XXI в. происходило, в основном, из-за естественной убыли населения, которая была обусловлена режимом воспроизводства, сложившимся к

* Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2012.312.2.29).

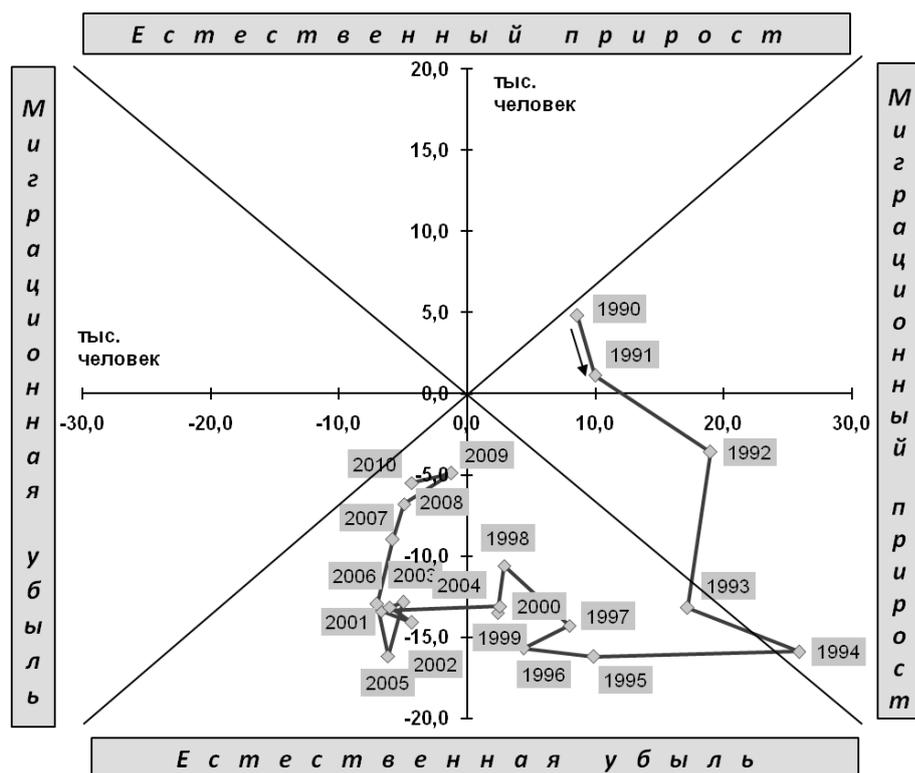

Рис. 1. Модель демографической динамики Алтайского края на современном этапе

Источник: создано автором по [1; 4].

1970-м гг. Однако в то же время именно естественный прирост вплоть до 1990-х гг. обеспечивал увеличение численности населения края. Начиная с 1989 г., когда миграционный отток сменился притоком, численность населения края росла как за счет естественного, так и миграционного прироста. С 1992 г. на фоне естественной убыли населения миграция стала единственным источником восполнения потерь в численности населения Алтайского края. Снижение общей численности населения началось с 1995 г., когда миграционный прирост уже не мог в полной мере компенсировать естественную убыль населения. А в начале XXI века убыль населения края происходит под двойным давлением – свой «вклад» вносит и естественное движение, и миграционное (рис. 1).

Стоит отметить, что важной особенностью региона, оказывающей воздействие на все стороны жизни его населения (в том числе и на демографические характеристики), является то, что Алтайский край характеризуется существенно меньшей степенью урбанизированности в сравнении и с

общероссийским показателем, и со средним значением по СФО. Так, на начало 2012 г. в городских населенных пунктах Алтайского края проживало 1327,6 тыс. чел., а в сельской местности – 1079,6 тыс. чел. Таким образом, доля городского населения в регионе составляет 55,2%, в то время как в России – 73,9%, а в СФО – 72,2%.

Половозрастная структура населения и демографическое старение. Демографические структуры населения представляют собой важнейший эндогенный фактор демографической ситуации и во многом определяют динамику численности его населения.

При рассмотрении современной **половой структуры** населения невозможно обойти стороной тему катастрофических событий первой половины XX века, оставивших глубочайший отпечаток на населении нашей страны. Их следствием стали колоссальные деформации в соотношении мужчин и женщин, от которых страна не избавилась до сих пор.

На 1 января 1993 г., когда была зафиксирована наименьшая величина диспропорции полов, в крае проживали 1265,9 тыс.

мужчин и 1414,4 тыс. женщин (превышение на 148,5 тыс.). Начиная с 1996 г. и до настоящего времени наблюдается перманентное увеличение полового дисбаланса.

В результате на начало 2012 г. в Алтайском крае женщин проживало на 183 тыс. больше, чем мужчин (1295,2 тыс. и 1112,0 тыс. соответственно). Таким образом, доля мужчин в населении региона составляет 46,2%, причем в сельской местности соотношение полов несколько лучше, чем в городской: доля мужского населения равна 47,2% и 45,4%, соответственно. Рост диспропорции полов на современном этапе протекает на фоне и во многом благодаря неблагоприятным с этой точки зрения текущим сдвигам в возрастной структуре населения края. Значительный вклад в негативную динамику вносит огромная мужская сверхсмертность, особенно в наиболее активных рабочих возрастах.

Проблемы половых диспропорций тесно переплетаются с характеристиками **возрастной структуры населения**. На современном этапе в Алтайском крае произошли значительные изменения половозрастной структуры населения (рис. 2). Конфигурация изменений указывает на ухудшение режима воспроизводства населения региона, на высокую степень истощения положительного потенциала возрастной структуры населения, на долговременный характер наступившего депопуляционного этапа демографического развития. Уникальные очертания пирамиды, выражающиеся в колоссальных перепадах численности отдельных возрастных групп населения, детерминируют большие колебания абсолютных значений демографических событий от года к году.

Генеральной тенденцией трансформации возрастной структуры населения края явля-

ется его *демографическое старение*, проявляющееся в росте доли пожилых и снижении доли молодых людей, а также в увеличении среднего возраста живущих. В среднесрочной и долгосрочной перспективе этот феномен будет представлять один из серьезных вызовов социально-экономической устойчивости региона и государства в целом.

Количественные данные, характеризующие основные изменения возрастной структуры населения Алтайского края, представлены в табл. 1.

Эти цифры наглядно демонстрируют, что основной тенденцией для детского и молодежного контингента стало сокращение их численности (более чем на 40%) и удельного веса во всем населении (почти на 10 п.п.), а для населения в рабочих и пенсионных возрастах – увеличение численности и доли. Результатом подобной динамики стало снижение (почти на 30%) *коэффициента общей демографической нагрузки* до беспрецедентно низких значений: с 802 в 1990 г. до 567 – к моменту наименьшего значения в 2006 г.. Однако во второй половине 2000-х гг. наступил период истощения «демографического дивиденда», что знаменует начало нового витка демографического развития края, на котором трудоспособное население снова будет стареть, а общая нагрузка быстро расти.

Средний возраст населения Алтайского края на протяжении всего исследуемого периода времени практически линейно возрастал. Это подтверждает факт непрерывного старения населения региона, несмотря на извлечение «демографического дивиденда» и огромные колебания численности населения различных возрастов. Увеличение среднего возраста населения региона с 34,4 до 39,4 лет в 1990–2010 гг. происходило вследствие

Таблица 1
Динамика трех основных возрастных групп в населении Алтайского края

	На начало 1990 г.		На 14 октября 2010 г.	
	Численность населения, тыс. человек	Доля во всем населении, %	Численность населения, тыс. человек	Доля во всем населении, %
Население дотрудоспособного возраста (0–15 лет)	683,0	25,9	398,7	16,4
Население трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 лет)	1464,9	55,5	1470,1	60,8
Население послетрудоспособного возраста	492,5	18,6	550,8	22,8

Источник: рассчитано автором по [7; 8].

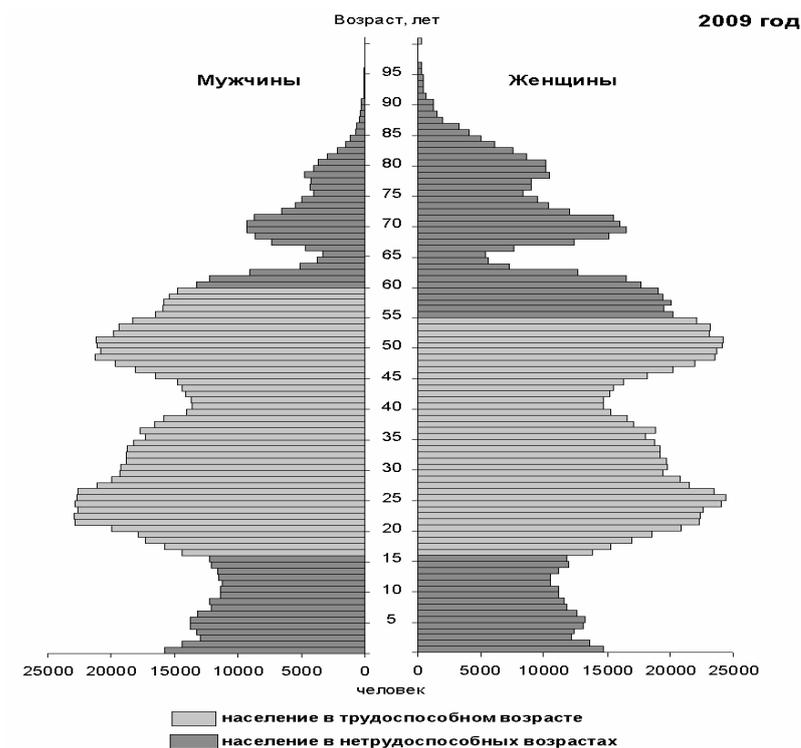
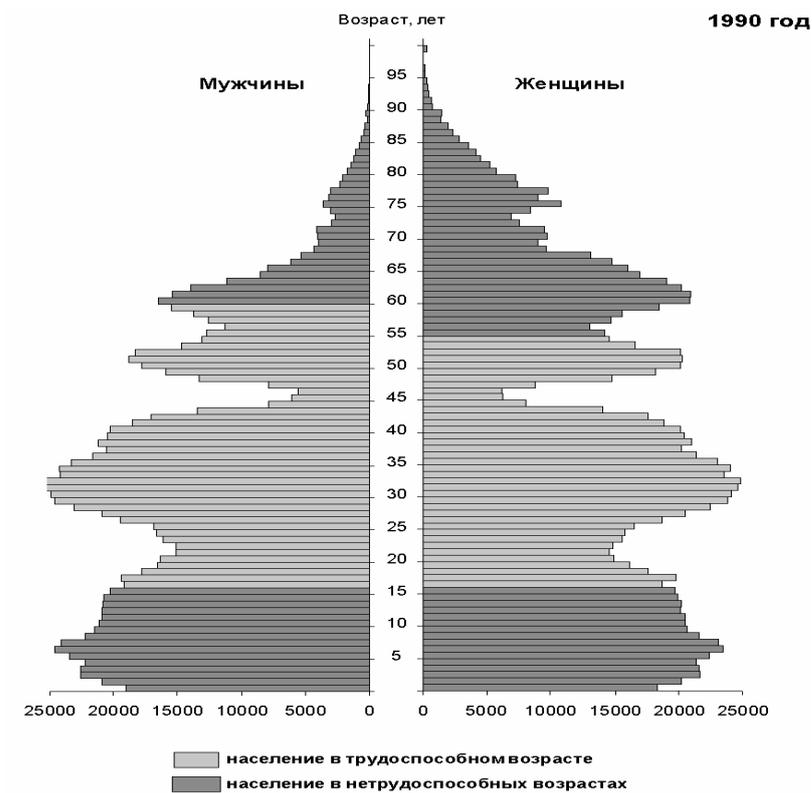

Рис. 2. Половозрастная структура населения Алтайского края на начало 1990 г. и 2009 г.

Источник: создано автором по [8]

не только изменений пропорций детского и пенсионного контингентов, но и старения самого населения в рабочем возрасте.

Еще важно отметить, что на протяжении большей части современного этапа, особенно в начале XXI века, структурная динамика контингента *женщин детородного возраста* носила исключительно благоприятный характер с точки зрения абсолютных чисел рождений и общего коэффициента рождаемости.

Демографические процессы. Генеральной тенденцией рождаемости – ключевого демографического процесса – стало значительное ее снижение, однако траектория ее динамики не была однонаправленной, а отличалась большими колебаниями и сменой трендов. В 1990 г. в крае родилось более 34 тыс. детей, общий коэффициент рождаемости (ОКР) тогда составил 12,9‰. Последнее десятилетие XX века характеризовалось обвальным падением количества рожденных, беспрецедентным в отсутствии военных действий. В 1997 г. было зафиксировано наименьшее количество рожденных детей в крае за всю его историю – 22,5 тыс. (ОКР 8,4‰), а падение за период 1990–1997 гг. составило более 34%. Затем произошла смена тренда, и, начиная с 2000 г., ежегодные числа новорожденных в регионе стали расти. В течение нескольких лет они увеличивались

и в 2003 г. превысили 28 тыс. (ОКР 10,8‰). Позже на протяжении трех лет в крае отмечалось сокращение количества родившихся умеренными темпами до уровня ниже 26 тысяч (ОКР 10,1‰).

Начиная с 2007 г., фиксируется существенный рост показателя, сравнимый по своим темпам с падением в начале 1990-х гг. Число новорожденных в 2007 г. превысило максимум 2003 г., а показатель 2009 г., составивший более 30,9 тыс. (ОКР 12,4‰), стал наибольшим с 1991 г. Не вызывает сомнений, что подобная динамика абсолютных показателей рождаемости, начиная с 2007 г., явилась ответом населения региона на активизацию государственной демографической политики. Однако известно, что подобная политика может дать лишь краткосрочный скачок числа рождений, а затем эффект мероприятий, как правило, сходит на нет. И действительно, результаты 2010 и 2011 гг. уже продемонстрировали некоторое снижение числа новорожденных в крае. По результатам 2011 г. Алтайский край находился на 40 месте в рейтинге субъектов РФ по показателю ОКР.

Одним из лучших показателей рождаемости (для условного поколения) является суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Его динамика в Алтайском крае на современном этапе представлена на графике (рис. 3).

Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Алтайском крае на современном этапе

Источник: создано автором по [8].

После кратковременного подъема рождаемости в 1980-х гг., обусловленного сочетанием демографической политики государства, социального оптимизма «перестроечного» времени и воздействия антиалкогольной кампании, в самом конце десятилетия ее уровень начал резко падать. СКР снизился с 1,88 ребенка на одну женщину за весь детородный период в 1990 г. до 1,16 к 1997 г. (на 38%). Затем начался постепенный рост показателя до 2003 г., когда он достиг 1,36 и вновь стал снижаться. В 2006 г. СКР был равен 1,21 ребенка. Результаты 2007–2011 гг. демонстрируют ощутимый подъем коэффициента (до уровня чуть выше 1,6), вызванный активизацией демографической политики.

Наряду с количественными изменениями рождаемости в последнее десятилетие происходит качественная *трансформация возрастной модели рождаемости*. Она выражается в значительном сокращении возрастных коэффициентов рождаемости у матерей самых молодых возрастов (до 20 лет) и устойчивом росте рождаемости у женщин старше 25 лет, за счет которых и происходило увеличение показателей в 2000-е гг. Все это ведет к неуклонному росту среднего возраста матери при рождении ребенка (с 24 до 26,5 лет за последние полтора десятилетия). Это объективный процесс, связанный с модернизацией репродуктивного поведения и ориентаций населения, все более эффективным применением современных методов внутрисемейного планирования числа детей и сроков их появления. Такие трансформационные сдвиги исследователи связывают с движением российского населения по пути «второго демографического перехода».

Другим элементом указанного перехода служат изменения в **брачно-семейных ориентациях и поведении населения**. На современном этапе происходило заметное снижение интенсивности заключения браков в целом, при устойчивом росте брачности у мужчин и женщин в возрастах 25 лет и старше и резком падении частоты образования брачных союзов у самых молодых людей до 18 лет. Причинами описанного «постарения» брачности являются продолжающееся повышение образовательного уровня населения, в первую очередь женщин, увеличение длительности получения профессионального образования, а также быстрое распространение сожителств, которые в последние

десятилетия серьезно потеснили традиционный зарегистрированный брак в качестве преимущественной формы начала семейной жизни. Расширение практики отказа от регистрации брака в молодых и средних возрастах репродуктивного контингента привело к значительному росту удельного веса детей, рождающихся вне брака (с 16,0% в начале этапа до 29,5% к середине 2000-х гг.). Однако в последние несколько лет этот рост приостановился, и даже произошло некоторое снижение показателя.

Динамика **смертности** населения Алтайского края последние 20 лет отличалась крайней неустойчивостью и не имела выраженного тренда. В 1990 г. в регионе умерло 29,3 тыс. чел., что соответствовало общему коэффициенту смертности (ОКС) 11,1‰. За несколько лет среднегодовое число умерших выросло на 38% и в 1994 г. превысило 40,5 тыс. (ОКС 15,1‰). Затем в течение пятилетия наблюдается постепенное снижение смертности, однако, достигнув в 1998 г. минимума на уровне 34,1 тыс. чел. (ОКС 12,8‰), количество умерших вновь начинает устойчиво расти. Негативная динамика продолжается в начале нового века, и в 2005 г. в крае зафиксировано рекордное число смертей – 42,6 тыс. (ОКС 16,7‰).

С тех пор наблюдается некоторое улучшение ситуации со смертностью: абсолютные числа ежегодно умирающих стали снижаться, к 2011 г. в сравнении с максимумом 2005 г. этот показатель уменьшился на 18% и составил 35,1 тыс. чел. (ОКС 14,4‰). Тем не менее современная величина общего коэффициента смертности, так же как и ежегодное количество смертей, находятся на более высоком уровне, чем в начале исследуемого этапа. Кроме того, тенденцию снижения смертности никак не удается закрепить. По результатам 2011 г. Алтайский край находился на 53 месте в рейтинге субъектов РФ по величине ОКС.

Российский кризис смертности затронул все возрастные группы, однако далеко не в равной мере. Как в резком повышении показателей смертности начала 1990-х гг., так и в значительном сокращении ее в последние несколько лет определяющую роль играли флуктуации интенсивностей *смертности населения трудоспособного возраста*.

Генеральная тенденция изменения *младенческой смертности* второй половины XX в. и

Рис. 4. Динамика средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Алтайском крае

Источник: создано автором по [8].

в стране, и в регионе – фундаментальное снижение, однако в начале современного этапа этот процесс был прерван. В первой половине 1990-х гг. был зафиксирован скачок КМС, но уже во второй половине десятилетия тренд на снижение КМС был восстановлен. К 2011 г. в сравнении с 1995 г. данный показатель уменьшился в 2,7 раза. Таким образом, показатель младенческой смертности выступает одним из немногих демографических индикаторов, имеющих в Алтайском крае устойчивую позитивную динамику. В 2011 г. регион занимал 56 место среди субъектов РФ по данному показателю.

Важным обобщающим показателем смертности населения является средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). С точки зрения этого показателя Россия негативно выделяется на фоне стран с сопоставимым и даже более низким уровнем развития. Последние 20 лет характеризуются волнообразной динамикой показателя ОПЖ с частой сменой направленности движения (рис. 4).

В 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Алтайского края составляла 68,9 года. Ее катастрофическое падение в первые годы десятилетия было беспрецедентным – на 5 лет. С 1995 г. по 1998 г. ситуация заметно улучшилась: ОПЖ для всего населения выросла на 3,8 года. В конце десятилетия опять последовала смена тренда, и в

новое столетие регион вступил с нисходящей динамикой продолжительности жизни своего населения. Падение продолжалось до 2005 г. и по своей глубине немного не дотянуло до критического значения 1994 г. Впоследствии, начиная с 2006 г., в крае фиксируется рост продолжительности жизни населения. Таким образом, за период 2005–2011 гг. ОПЖ населения края выросла на 4,4 года и приблизилась к 69 годам (44 место в РФ за 2011 г.). Тем не менее, текущее значение показателя по-прежнему уступает показателю 1990 г., хотя и является наилучшим за последние почти два десятилетия. В то же время делать выводы о том, насколько устойчивой будет позитивная динамика и удастся ли закрепить достигнутый результат в ближайшие годы, пока очень сложно. Достигнутые результаты пока еще ни в коей мере не позволяют констатировать преодоление долговременного кризиса смертности, одним из важнейших аспектов которого является огромная разница в показателях продолжительности жизни между полами. Феномен *сверхсмертности* мужского населения наблюдается практически во всех возрастных группах, но максимальные значения индекса (4 и даже более) сконцентрированы в важнейшей и с демографической, и с социально-экономической точки зрения возрастной группе 20–39 лет.

Динамика **естественного воспроизводства** населения края складывалась в результате

взаимодействия рождаемости и смертности. С 1988 г. в Алтайском крае происходило быстрое сокращение естественного прироста населения, однако в 1990 и 1991 гг. он был еще положительным. 1992 г. стал переломным: число смертей в регионе впервые в послевоенное время превысило число рождений (на 3,6 тыс. чел.). В этом отношении край в точности следовал общероссийской тенденции. С тех пор и до середины десятилетия абсолютная естественная убыль нарастала и в 1995 г. достигла максимального значения за весь исследуемый отрезок времени, превысив 16,2 тыс. чел. К 1998 г. естественная убыль несколько снизилась, но уже в следующем году ее рост возобновился.

В период 1999–2004 гг. в регионе ежегодно умирало примерно на 13 тыс. чел. больше, чем рождалось. 2005 г. выделился очень высокой величиной естественной убыли, лишь немного не дотянув до показателя 1995 г. С 2006 г. ситуация стала заметно меняться к лучшему, и к 2009 г. естественная убыль снизилась в 3,3 раза – с 16,2 тыс. до 4,9 тыс. чел. Вместе с тем даже минимальная убыль в 2009 г. заметно превышала значение 1992 г. По результатам же 2010 и 2011 гг. она вновь стала нарастать.

Стоит подчеркнуть, что наблюдавшуюся положительную динамику не стоит переоценивать, поскольку воспроизводство населения в Алтайском крае уже давно происходит на суженной основе, и эта долгосрочная тен-

денция не может быть переломлена в краткой и среднесрочной перспективе. Совокупная естественная убыль населения региона за период 1992–2011 гг. составила более 230 тыс. человек (что превышает численность населения второго по величине города в крае – г. Бийска), а средняя ежегодная величина – 11,5 тыс. человек.

Миграционное движение населения в качестве компонента региональной демографической динамики на протяжении всей истории Алтайского края играло существенную роль в формировании и перераспределении населения региона [2; 3; 6]. В начале современного этапа в связи с радикальным социально-экономическим и общественно-политическим реформированием всего советского (СССР), а затем постсоветского пространства миграционные потоки количественно и качественно изменились.

С точки зрения масштабов и направленности изменений региональной *нетто-миграции* населения края выделяются три периода ее динамики (рис. 5). 1990–1994 гг.: число прибывающих в регион значительно превышает число выбывающих, а величина чистой миграции нарастает; среднее значение сальдо миграции за период составило более 16 тыс. чел. 1995–2000 гг.: миграционный прирост еще остается положительным, но уже существенно снизился; среднее значение сальдо миграции составило 5 тыс. чел.

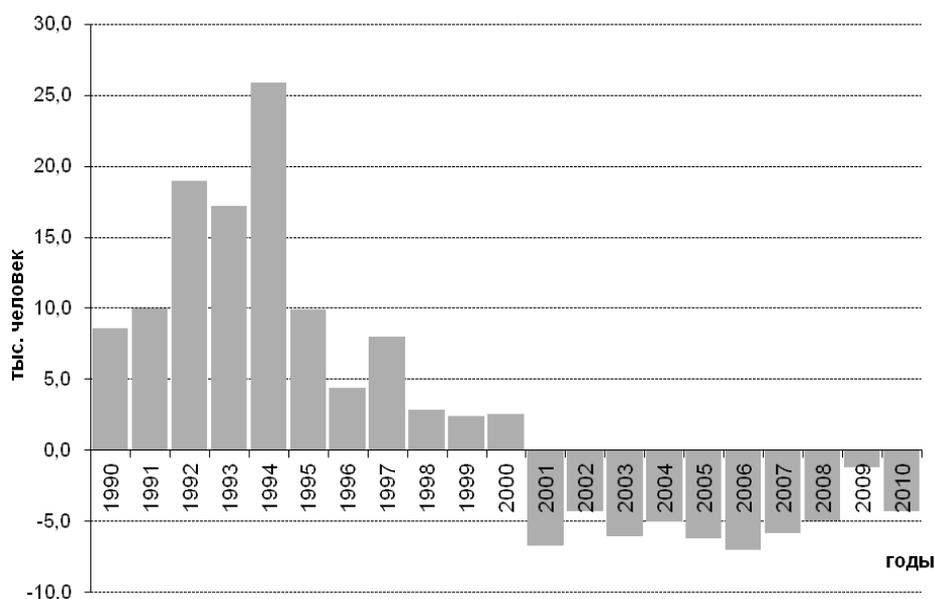

Рис. 5. Динамика нетто-миграции в Алтайском крае на современном этапе

Источник: создано автором по [1; 4].

2001 – настоящее время: в крае наблюдается устойчивая миграционная убыль; среднее значение сальдо миграции составило –5,1 тыс. чел.

Достаточно высокая и устойчивая механическая убыль населения региона на протяжении уже почти десятилетия, очевидно, является доказательством того факта, что Алтайский край не является привлекательной территорией для потенциальных мигрантов, что обусловлено в первую очередь низким уровнем жизни населения. За весь этот период число выбывших превысило число прибывших более чем на 50 тыс. человек, а по абсолютным показателям ежегодных миграционных потерь в рейтинге российских регионов Алтайский край неизменно входит в число лидеров: в 2004 и 2007 гг. он занимал 1 место, а в 2001, 2003, 2005 и 2006 гг. – 2 место. Таким образом, современные миграционные процессы в Алтайском крае ощутимо усугубляют нисходящую демографическую динамику.

Заключение. Демографическая история региона, наполненная в первой поло-

вине XX в. катастрофическими событиями, предопределила огромные перепады числа людей разных возрастов в населении Алтайского края. Эти диспропорции в значительной мере сказываются на нестабильности масштабов основных демографических процессов в регионе до сих пор. В то же время на эволюционные тренды демографической динамики края на рубеже XX–XXI вв. накладывались последствия социально-экономических потрясений и кризисов. Все это приводило к усложнению, запутыванию демографической ситуации, обуславливая появление новых и обострение старых проблем воспроизводства населения.

Фундаментальными характеристиками демографических процессов в Алтайском крае на современном этапе могут быть названы: модернизация возрастной модели рождаемости, существенные сдвиги в репродуктивном и брачном поведении населения, незавершенность эпидемиологического перехода, долгосрочная депопуляция, а также негативная динамика региональной миграционной ситуации.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник Алтайского края: Стат.сб. – Барнаул, 2009. – 152 с.
2. Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.). – Барнаул: Азбука, 2011. – 272 с.
3. Мочалов В.М., Давыдова А.И., Шадрин Н.Ф. Население Алтайского края и перспективы экономического развития территории: ретроспектива, состояние, тенденции. – Барнаул: «Алтайский Дом печати», 2007. – 316 с.
4. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – URL: <http://ak.gks.ru/default.aspx>
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
6. Тарасова Е.В., Гончарова Н.П., Кротова Т.П. Демографическое развитие Алтайского края на рубеже XX–XXI веков. – Барнаул: Концепт, 2009. – 163 с.
7. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
8. Центральная база статистических данных Росстата [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

Завьялова О.Г., Менщикова Л.В. (Курган)

СФЕРА ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ (на примере Курганской области)

Zavyalova O.G., Menshchikova L.V.

SCOPE OF SERVICE AS AN INDICATOR OF THE QUALITY OF LIFE (for example Kurgan region)

Аннотация. В статье рассматривается территориальная организация сферы обслуживания в советское и постсоветское время. Проведена оценка качества жизни сельского населения на основе различных методов исследования населения, в т.ч. и социологических опросов сельского населения в 1989 и 2011 г.

Abstract. The article deals with the territorial organization of the service sector in Soviet and post-Soviet era. The evaluation of the quality of life of the rural population through various methods, including public opinion polls of the rural population in 1989 and 2011.

Ключевые слова: сельское население, территориальная организация сферы обслуживания, качество жизни, социологический опрос, бюджет времени, Курганская область.

Key words: rural population, territorial organization of the service sector, quality of life, poll, time budget, Kurgan region.

Переходное состояние российского общества в 90-е годы XX в. породило множество социально-экономических проблем, которые особенно затронули сельскую местность. Снижение государственной поддержки агропромышленного комплекса, усиление экономического дисбаланса между городом и деревней привели к спаду в развитии социальной инфраструктуры села, что отрицательным образом сказалось на качестве жизни населения.

Кризисное состояние социальной инфраструктуры, материальная и моральная неудовлетворенность условиями и результатами своего труда, ухудшившиеся социальные и бытовые условия жизни, отсутствие перспективы расширения или приобретения благоустроенного жилья детерминировали отток из села наиболее работоспособной и квалифицированной части сельского населения. В социальной структуре села произошли значительные изменения, связанные с углублением социальной дифференциации и расслоением сельского общества.

Переход в современной географической науке от традиционного понимания социального развития как следствия экономического роста к осознанию понятия «расширению возможностей человека» [4], обусловил в последнее десятилетие пристальное внимание отечественных исследователей к изучению качества жизни (КЖ) населения. Однако степень разработанности теоретико-методологической базы этого научного направления остаётся до сих пор недостаточной. В дальнейшем уточнении нуждается сам термин

«качество жизни» и определение его места в системе социально-географических понятий, системный анализ КЖ и др.

Качество жизни – интегральная категория, отражающая единство субъективной и объективной оценок различных условий жизнедеятельности населения и его качественных характеристик в конкретном культурно-историческом, территориальном и ресурсном контексте [2].

Накопленный опыт изучения КЖ предлагает выделять в его структуре три основных блока: качество населения, качество среды жизни и качество деятельности [2, 3, 12].

В современных российских исследованиях используется три основных методических подхода к измерению качества жизни: объективный, субъективный и интегральный; их применению посвящены многие работы [4, 9].

В данной статье мы опираемся на субъективный метод, базирующийся на сопоставлении данных социологического опроса населения за относительно продолжительный промежуток времени – 20 лет.

В 1988–1989 гг. и 2010–2011 гг. было проведено анкетирование сельских жителей Курганской области. Этот 20-летний исторический период очень интересен с точки зрения пространственно-временного анализа качества жизни сельского населения. За это время в стране произошли серьёзные исторические изменения: смена политического курса, создание новой экономики, финансовые кризисы и другие трансформации, которые оказали значительное влияние на людей.

Соотношение опросных листов и структурных блоков КЖ

Опросный лист	Структурные блоки КЖ
№1	Качество населения
№2	Качество деятельности (труд, быт, отдых, свободное время)
№3	Качество среды жизни (территориальная организация СО)
№4	Уровень жизни населения (материальное благосостояние)

В соответствии с темой нашего исследования, анкеты были соотнесены со структурными блоками КЖ (табл. 1).

Основной целью нашего исследования ставилась проблема оптимизации территориальной организации сферы обслуживания (СО) сельского населения Курганской области для увеличения свободного времени людей. Характерной особенностью постиндустриального типа хозяйства является развитие третичного сектора экономики – сферы услуг. Интенсивное развитие СО возможно только при наличии достаточно высокой концентрации населения. В свою очередь, уровень развития СО и особенности ее организации играют важную роль в процессах миграции населения. Основными причинами оттока населения из сельской местности являются: высокий уровень безработицы, сравнительно низкий уровень доходов населения, тяжелые условия работы в сельском хозяйстве, значительное отставание в количестве и качестве сервисных услуг. Одной из составляющих решения проблемы «утечки» рабочей силы из сёл является приближение обслуживания сельского населения к городскому уровню. Для этого необходимо разрабатывать меры по выводу социальной инфраструктуры села из кризиса [1].

Опрос проводился в 4 районах Курганской области: Варгашином, Кетовском, Куртамышском, Мокроусовском. Эти районы были выбраны как наиболее типичные для условий сельского расселения Курганской области. Их типичность определялась сравнительным анализом расселения и транспортной сети. Область в целом имеет относительно густую сеть сельских НП, равномерно рассредоточенных по территории, но можно выделить, несколько типов географических районов, отличающихся характеристиками сельского расселения (рис. 1).

Обследованные нами районы относятся к следующим географическим ареалам расселения. Кетовский район входит в группу

Центр и Притоболье, является характерным как пригородный, в зоне социально-культурного потенциала большого города. Этот район интересен и с точки зрения наиболее благоприятных условий для развития СО, в частности, благодаря более высокому уровню экономического развития. Куртамышский район относится к группе Юг – Юго-Запад. Он отличается высоким уровнем развития СО. Два других района Варгашинский и Мокроусовский входят в группу Восток. Варгашинский район имеет интересное географическое положение. Он значительно «вытянут» с севера на юг. Его южная часть граничит с пригородным Кетовским районом, тяготеет к областному центру, а северная удалена и от областного и от районного центра. В целом район типичный для Курганской области по своему экономическому состоянию и уровню развития СО. Мокроусовский район один из наиболее отсталых районов по уровню экономического развития хозяйств и отдаленный, с плохими транспортными условиями.

Основной единицей наблюдения выбрана семья в целом, а не отдельный индивид, т.к. семья выравнивает потребление благ и социальное положение своих членов, основные виды услуг потребляются семьей в целом [7, 8].

Вся совокупность семей была разбита на 4 типа:

I) семьи, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста (мужчины старше 59 лет, женщины – 54 лет), а также одиночки в этом же возрасте;

II) семьи с детьми и без детей, состоящие из лиц среднего возраста (мужчины 35–59 лет, женщины 35–54 года), а также одиночки в этом возрасте;

III) молодые семьи с детьми (возраст супругов 18–35 лет);

IV) молодые брачные пары без детей (возраст супругов 18–35 лет), а также одиночки в этом же возрасте.

Отнесение брачной пары к тому или иному типу осуществлялось по супругу, имеющему

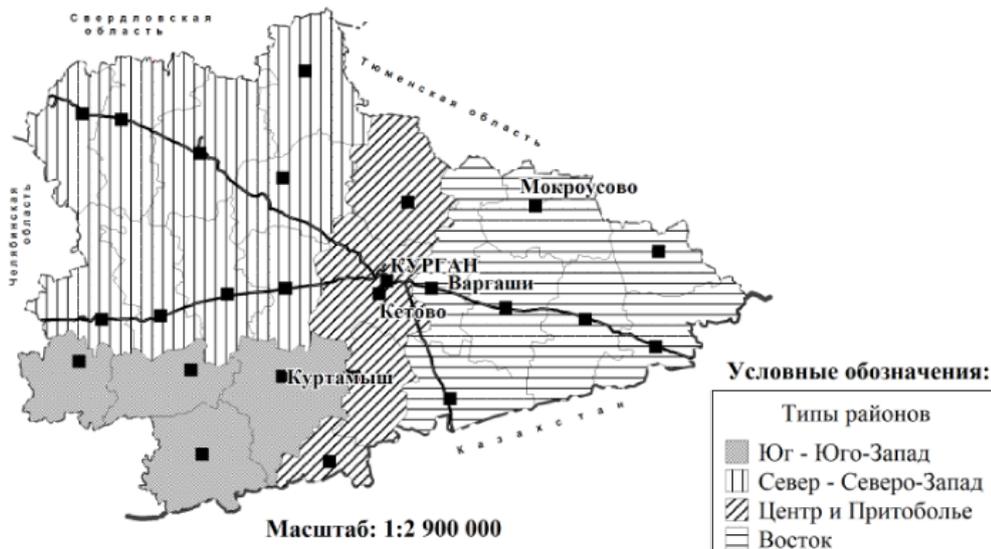

Рис. 1. Географические районы сельского расселения Курганской области

меньший возраст. В 1989 г. возрастные рамки групп молодых семей были равны 18–29 лет, сейчас мы их продлили до 35 лет, это связано с тенденцией более позднего вступления в брак. Всего было опрошено 840 семей в 1989 г. и 800 семей в 2011. Удельный вес в общей структуре опрошенных семей в среднем составляет в 1989 г.: первого типа – 25%; 2) 52%; 3) 13%; 4) 10%. Примерно такого соотношения семей мы старались придерживаться и в 2011 г., удельный вес типов семей составил: 1) 14%; 2) 61%; 3) 16%; 4) 9%.

Говоря о некоторых аспектах качества населения по данным соцопроса 2011г. можно указать, что высшее образование имеют около 60% респондентов, среднее специальное (25%), среднее (10%), основное (5%). Высшее образование имеют люди в основном старших (47–60 лет) и молодых возрастов (23–30 лет). Такие возрастные рамки можно объяснить тем, что люди, получавшие образование в 70–80 гг. XX в. распределялись после окончания вузов (чаще педагогических и сельскохозяйственных) в сёла, обзаводились семьями и оседали в них. Многие молодые люди, заканчивавшие вузы после распада СССР – в начале 1990-х гг., не находя работы в селе уезжали из него. Также можно отметить, что в так называемые «лихие 90-е», престиж высшего образования упал ввиду безработицы, невыплаты зарплат. Часть сельской молодежи даже и не пробовала по-

ступать в вузы. Ныне многие родители стараются дать своим детям высшее образование. Возможно, этому способствует и «мода» на него в силу быстро меняющегося в экономико-техническом отношении мира.

В своём поселении работают 65% опрошенных, в райцентре – 10%, в других населённых пунктах – 25%, например, некоторые жители Кетовского и Варгашинского районов из-за близкого расположения г. Кургана, ездят туда каждый день на работу. Во всех опрошенных НП есть мужчины, работающие вахтовым методом (в основном на Тюменском Севере). Привозимая ими зарплата, позволяет жить семье достойно, и жёны готовы мириться с этим, несмотря на то, что заботы о хозяйстве и детях ложатся на их плечи. В то же время, в семьях 8% опрошенных работает только жена, а муж безработный. Это тоже тенденция, возникшая в постперестроечное время, ранее на селе неработающие мужчины не вызывали одобрения.

Традиционная занятость населения в сельском хозяйстве (22%), уже не популярна и уступает занятости в других сферах (68%), процент безработных составляет 10%. Примерно треть опрошенных семей не держит в своих дворах домашний скот и птицу. Подобную ситуацию сложно было даже представить себе 20 лет назад, когда хозяйство не держали только немощные старики и пьяницы. Сейчас сельские объясняют отсутствие

скота дорогими кормами (низкие доходы), местом своей работы в других поселениях (нехваткой времени и т.п.).

Одним из важнейших обобщающих характеристик условий для развития человека и удовлетворения его потребностей выступает бюджет времени населения. Определение бюджета времени населения использовалось нами для оценки качества деятельности. Бюджет времени населения представляет собой распределение фонда времени (чаще суточного) всего населения или отдельных его социально-демографических групп по направлениям его использования. Он позволяет определить, каковы затраты времени на осуществление различных видов деятельности человека (семьи) и может быть представлен в абсолютных и относительных величинах.

Фонд времени распределялся по 17 видам занятий. Столь дробное членение деятельности людей даёт возможность выявить объём затрат времени на отдельные виды домашнего труда, а также определить роль предприятий СО в экономии времени на подобные затраты времени. Структура использования фонда времени зависит от времени года, т.к. затраты времени в сельской местности значительно отличаются по периодам года (особенно лето и зима). Поэтому в анкете год был разделён на зимний период и летний. Для анализа данных мы выбрали средние показатели затрат времени по различным типам семей в 1989 г. и 2011 г. Затраты на рабочее время мы взяли равные восьми часам в обоих рассматриваемых периодах. В целом, затраты времени по видам занятий за 20 лет изменились не значительно. В обоих случаях, «бросается в глаза» разница в затратах времени между уходом за детьми и личным подсобным хозяйством. Получается, что сельчане на ведение хозяйства тратят больше времени, чем на воспитание детей. Отчасти, эту ситуацию можно объяснить тем, в селе дети помогают родителям по хозяйству, это так называемое трудовое воспитание. Семьи IV типа (без детей) в наше время в большинстве не держат подсобное хозяйство, освободившееся время тратят на сон и развлечения. Некоторое снижение затрат времени на приготовление пищи, уборку, стирку, починку вещей можно объяснить современными благами цивилизации: полуфабрикаты, ассортимент средств бытовой химии, бытовая техника и т.п.

Несомненный интерес вызывает и сопоставление частоты посещения предприятий

сферы услуг и затрат времени на покупки и получение услуг.

Неудовлетворённость территориальной организацией СО зависит от величины затрат времени необходимого для перемещения потребителей к центрам обслуживания (ЦО). Эти затраты, в свою очередь, определяют ту частоту посещений ЦО, которая возможна в рамках определенного бюджета времени сельских семей. В конечном счёте, частота посещений учреждений обслуживания характеризует территориальный дискомфорт жителей в системе обслуживания.

Увеличение затрат времени на перемещение к ЦО приводит к уменьшению частоты его посещений. Частота посещения предприятий СО жителями разных СНП также мало изменяется в силу того, что повседневные потребности (особенно посещение магазинов) сельские жители Курганской области могут удовлетворять практически в своем НП (т.к. показатели обеспеченности торговой сетью в области высокие). Особенность поведения потребителей услуг в разных районах области определяется лишь тем – центр, какого ранга наиболее доступен жителям данного района (областной центр, райцентр, или центр еще более низкого ранга). Так, по данным 1989 г., жители Кетовского района довольно часто – в среднем 2 раза в месяц ездят в Курган за покупками, несколько реже – мокроусовцы (один раз). Наибольший удельный вес в частоте посещения предприятий услуг приходился на магазины, далее шли столовые, отделения связи, и для семей IV типа – клубы. Крайне редко сельские жители пользовались услугами химчистки, спортивных сооружений. Невысоким был удельный вес комплексных приёмных пунктов и библиотек. Как видно из этих данных, наибольшие различия в частоте посещения наблюдались среди разных типов семей, что касается типов поселений, то различия здесь небольшие.

Говоря о нашем времени (2011 г.), при сопоставлении частоты посещения предприятий сферы услуг и затрат времени на покупки и получение услуг можно отметить, что основные тенденции остались прежними. Наибольший удельный вес в частоте посещения приходится на магазины, отделения связи. Магазины есть в каждом НП с численностью населения от 300 чел., причем, сейчас это магазины смешанного типа, где можно купить и продукты питания и промтовары. Отделения связи постигла та же участь, что и

сельские школы. Из-за уменьшения численности населения, низкой его активности, они реорганизовываются. Остаются только в крупных НП, а в остальных закрываются, или обращение корреспонденции осуществляется только в определённое время.

В связи с реформами, начавшимися после распада СССР, сёла потеряли столовые, бани, пункты бытового обслуживания населения. Сейчас эти услуги в сельской местности предоставляют только частные предприниматели в крупных сёлах, райцентрах. Изменился и график автобусных перевозок. В большинстве СНП имеется один маршрут в день (туда-обратно) до райцентра или областного центра, некоторые НП не имеют прямого автобусного сообщения с областным центром. Высокие цены на билеты, в сравнении с доходами селян, не позволяют жителям отдалённых НП часто посещать учреждения СО в более крупных НП. Владельцы личных автомобилей при поездке в город берут с собой односельчан или выполняют их поручения (например, купить что-либо). Наиболее выгодное положение у жителей Кетовского района, НП которого располагаются около города Кургана и основных междугородних маршрутов, соответственно, частота посещения учреждений СО областного центра у них значительно выше, чем у других.

Последний опросный лист нашего исследования был посвящён определению материального благосостояния сельского населения.

Уровень жизни характеризует состояние системы человеческих потребностей, обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей. Слабо развитые потребности могут быть удовлетворены достаточно легко и просто, но уровень жизни при этом останется низким [5, 12]. Основная часть доходов сельских жителей преимущественно состоит из зарплат (70%) и пенсий (27%), также небольшой вклад вносят стипендии, пособия, помощь родственников. Обследованные районы, по среднемесячной заработной плате в расчёте на одного работника, распределяются следующим образом: Варгашинский (14467,5 руб.),

Кетовский (12792,9 руб.), Куртамышский (9802,6 руб.), Мокроусовский (8983,5 руб.) районы [6]. Чтобы сравнить собранные данные мы разбили доходы сельского населения на 3 группы: 1) до 6000 руб.; 2) 6000–14000 руб.; 3) более 14000 руб.

Во всех четырёх районах доля семей, имеющих доходы первой группы равна 9–11% (Кетовский, Варгашинский, Куртамышский, Мокроусовский районы), больший процент семей, располагающих доходами второй группы в Куртамышском и Мокроусовском районах (47%); доходы более 14000 руб. имеют 49–51% семей в сельской местности Варгашинского и Кетовского районов.

Большинство респондентов отметило, что их расходы превышают общий семейный доход. Основные пункты расходов – покупка товаров, причём в первую очередь продовольственных, оплата услуг. Исследователи других регионов тоже отмечают этот факт [8]. Сбережения имеют не более 5% общей выборки, спонсорскую помощь оказывают не более 1%, чаще это предприниматели, которые финансируют праздники.

Опыт развитых стран показывает, что выбор инновационного пути развития повышает качество жизни населения. России также необходим переход от сырьевой модели к инновационной экономике. Успешное становление инновационной модели развития региона зависит от системной модернизации всех элементов региональной системы. Л.С. Шеховцевой разработаны стратегические цели развития региона [11]. Для того, чтобы обеспечить устойчивость и развитие региона необходимо в числе других целей и повышение уровня удовлетворения потребностей населения и обеспечение развития инфраструктуры. Сельское население в постиндустриальном мире тоже претендует на полный спектр услуг, их доступность и возможность использования в том же объёме, что и городским населением.

Таким образом, необходима тщательная работа по определению путей дальнейшего развития села, разработки и реализации федеральных и региональных программ, направленных на устойчивое развитие сельских территорий, поддержку экономической активности населения.

Библиографический список

1. Васильева, О.Е. Развитие сферы услуг как фактор миграции населения (на примере Республики Башкортостан) // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 32–35.

2. Гаврилова, Т.В. Территориальная дифференциация качества жизни населения Ставропольского края: дис. ... канд. геогр. наук. – Ставрополь, 2005. – 135 с.
3. Жулина, М.А. Качество населения регионов Приволжского федерального округа: особенности пространственной дифференциации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Воронеж, 2003. – 16 с.
4. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
5. Казначеев, В.П., Поляков, Я.В., Акулов, А.И., Мингазов, И.Ф. Проблемы «Сфинкса XXI века». Выживание населения России. – Новосибирск: Наука, 2000. – 232 с.
6. Основные социально-экономические показатели по районам Курганской области за январь-декабрь 2011 г. (№ 21): Стат. сб. / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Курганской области. – Курган, 2011. – 30 с.
7. Пациорковский, В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – 390 с.
8. Савоскул, М.С. Женщины сельской местности России: пути адаптации к новым социально-экономическим условиям // Региональные исследования. – 2006. – № 4. – С. 86–97.
9. Тодоров, А.С. Качество жизни. Критический анализ буржуазных концепций. Пер с болг. / Под ред. С.И. Попова. – М.: Прогресс, 1980. – 224 с.
10. Туркина, Н.Г. Территориальные различия качества жизни сельского населения Иркутской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Иркутск, 2008. – 24 с.
11. Шеховцева, Л.С. Системный подход к модернизации и инновационному развитию региона: стратегические цели // Балтийский регион. – 2011. – № 3. – С. 98–107.
12. Щитова, Н.А. География образа жизни: основные понятия и стратегии исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5. География. – 2005. – № 5. – С. 12–18.

Корнев И.Н. (Екатеринбург)
Абросимова И.В. (Курган)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Kornev I.N., Abrosimova I.V.

DIFFERENTIATION OF THE ETHNORELIGIOUS SPACE KURGAN REGION

***Аннотация.** Этноконфессиональное пространство характеризуется сегментированностью, что проявляется дифференциацией ЭКП на подсистемы различного иерархического уровня. В данной статье предпринята попытка рассмотреть дифференциацию ЭКП Курганской области, выявить этнокультурные местности и показать их специфику, которая, безусловно, должна учитываться при прогнозировании устойчивого развития ЭКП региона в целом.*

***Abstract.** The space is characterized by ethnic religious segmentation, which is manifested EPC differentiation into subsystems of different hierarchical level. This article attempts to consider the differentiation of EPC Kurgan region, ethnic and cultural identification of areas and show their nature, which, of course, must be considered when predicting the sustainable development of the region as a whole EPC.*

***Ключевые слова:** этноконфессиональный район, этноконфессиональная местность.*
***Keywords:** ethno-religious area, ethnoconfessional area.*

Активные преобразования, происходящие в последние годы в этнической и религиозной подсистемах российского общества, определяют потребность в использовании методологического и методического аппарата социально-экономической географии для их изучения. Географический (пространственный) подход состоит в изучении таких аспектов этнорелигиозной сферы, как: размещение и распространение этносов и религиозных верований на различных территориальных уровнях; зависимость территориальной дифференциации этнической и религиозной жизни от природных, демографических и социальных особенностей территории и в свя-

зи с этим процесс формирования и развития этнокультурного пространства (ЭКП) как системного образования; процесс формирования и развития территориальных «фокусов» («ядер»), ареалов, районов концентрации этносов различной конфессиональной ориентированности и дифференциацию ЭКП на подсистемы различного иерархического уровня.

Следовательно, социально-экономическая география вносит существенный вклад в комплексное изучение этноконфессиональной трансформации общества и способствует решению многих социальных и экономических проблем на региональном уровне и, прежде всего, укреплению отношений между пред-

ставителями различных этносов и конфессий, населяющих тот или иной регион.

Объектом исследования является Курганская область, в пределах которой исторически сформировалось ЭКП, обладающее, согласно схеме районирования предложенной А.В.Лысенко [5] для культурных ландшафтов Северного Кавказа, свойствами этнокультурного района. А.В.Лысенко предложил следующую иерархическую схему дифференциации культурного ландшафта: «мир» – «страна» – «край» – «провинция» – «область» – «этнокультурный район» – этнокультурная местность. Применительно к Курганской области эта схема выглядит, на наш взгляд, следующим образом: «мир» – Русский мир; «страна» – Россия; «край» – Уральский; «провинция» – Зауральская; «область» – Южное Зауралье; «этнокультурный район» – Курганская область; этнокультурная местность. Для ЭКП Курганской области, как этнокультурного района, характерна этноконфессиональная целостность, имеющая свои историко-генетические корни. Он (район) характеризовался и характеризуется достаточно однородной природной основой – участок западносибирской лесостепи, ограниченный с запада зауральским предгорьем, с юга – степью (причем, как в географическом, так и этнокультурном смысле), с востока – Тоболо-Ишимской равниной. Здесь происходило взаимодействие этнографических групп: сначала – угро-самодийских и тюрко-угорских, а затем – тюрков и славян, т.е. происходило пересечение и кооперация оседлой и кочевой культур, ислама и христианства (православия). Современное единство ЭКП Курганской области как района проявляется в общей моноэтничности (К этн. мозаичн – 0,12), преобладании русского большинства (91,4% – 2010 г.), моноязычности (К яз. мозаичн. – 0,09), наличие православного большинства (более 61% от числа верующих).

Несмотря на моноэтничность, моноконфессиональность ЭКП Курганской области, выраженных в соответствующих коэффициентах, на ее территории проживают 109 народностей и насчитывается 11 конфессий. Они имеют разную численность и демографическое развитие, по-разному адаптированы к окружающей среде и локализованы в ЭКП региона и на протяжении длительного времени сохраняют устойчивость в развитии. Именно это определило исследовательскую проблему, направленную на изучение

дифференциации ЭКП региона, выявление этнокультурных местностей и показ их специфики, которая, безусловно, должна учитываться при прогнозировании устойчивого развития ЭКП региона в целом.

Данное исследование в качестве теоретической основы опирается на положения концепции геокультурного пространства (ГКП), активно разрабатываемой в современной отечественной гуманитарной географии (Д.Н. Замятин, Н.В. Каледин, А.Г. Мананов, И.Н. Корнев и др.) и концепции культурно-ландшафтного районирования [2], в рамках которого имеет место и этнологическо-географический подход (В.Н. Калущков, А.А. Иванова, Ю.А. Веденин, Т.И. Герасименко, А.В. Лысенко).

ЭКП мы рассматриваем как пространственно-временное явление, сформировавшееся исторически в пределах конкретного ГКП и представляющее собой полиструктурное динамическое образование. Как важнейший элемент ГКП, ЭКП обладает теми же свойствами: системность, динамичность, структурность, информативность (Корнев, 2008). В основе формирования ЭКП лежат геопространственные отношения, которые Н.В.Каледин относит к новому классу пространственных отношений, называя их геоадаптационными отношениями (Каледин, 2011).

Геоадаптационные отношения создают предпосылки для дифференциации ЭКП. Дифференциация ЭКП на всех иерархических уровнях предполагает, по нашему мнению, выделение более мелких единиц в пределах ЭКП региона, которое осуществляется через определение территорий, отличающихся уникальным сочетанием этноконфессиональных элементов и географической основы. Задача географического исследования состоит в том, чтобы на основе показателей, характеризующих те или иные этноконфессиональные признаки, выявить специфические геопространственные формы, в данном случае, следуя схемам А.В. Лысенко [5] и Ю.П. Матвеевой [7], этноконфессиональные местности в пределах этноконфессионального района (Курганской области).

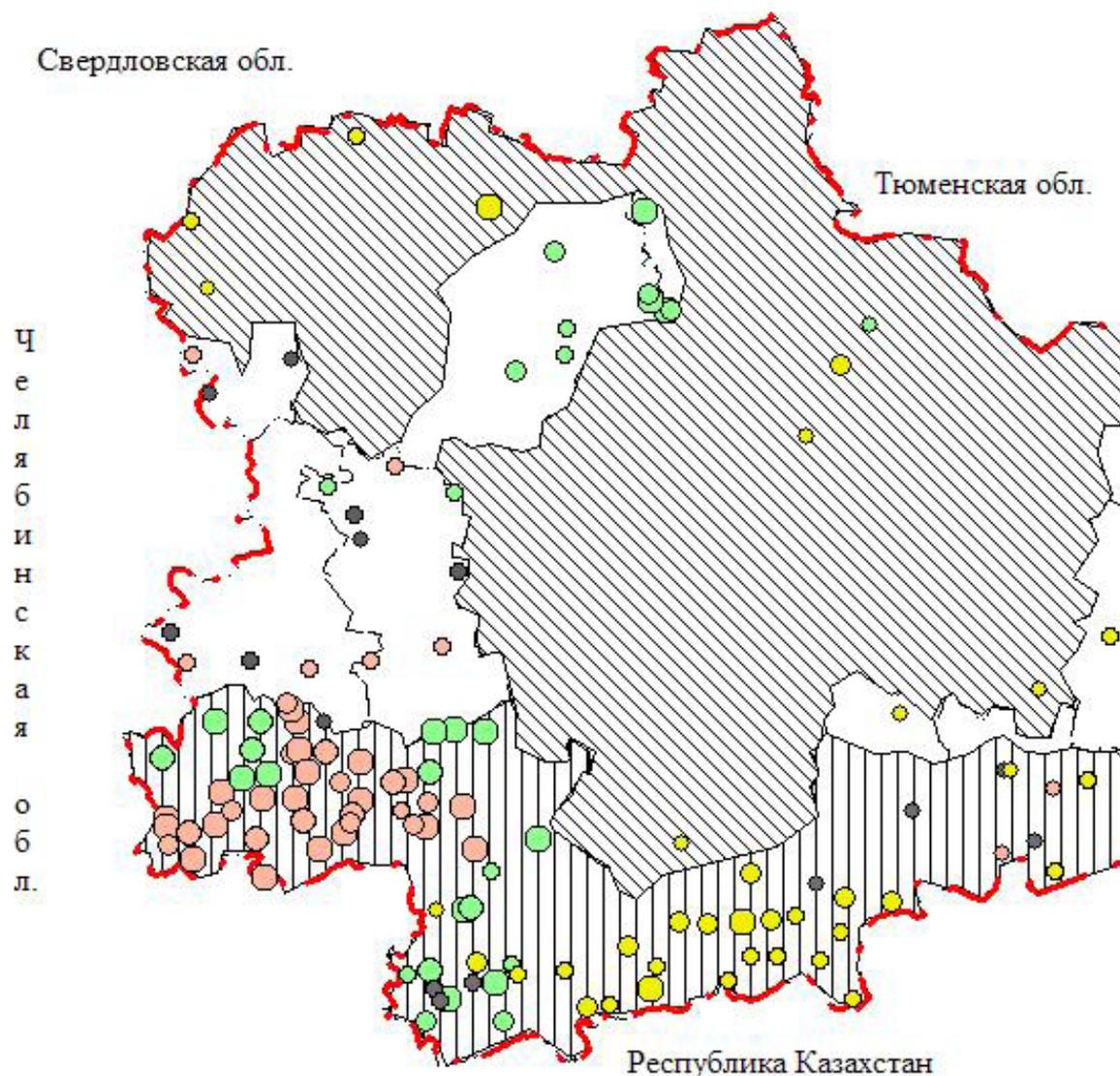
Для этой цели были использованы следующие признаки: этническое и конфессиональное самоопределение (показатели – численность этноса/конфессии, коэффициенты языковой и этнической мозаичности), лингвистический и обрядово-праздничный признаки (показатели – результаты социологиче-

ского опроса населения, отчеты учреждений культуры), расселенческая структура (показатели – людность населенных пунктов, наличие поселений разного функционального типа), а также территориальная локализация этноконфессиональных артефактов (показатели – число школ с этническим элементом, число этнических объединений, локализация и число храмов, монастырей, мечетей и пр.). Каждый из этих признаков в отдельности позволяет осуществить частное районирование, а использование метода наложения – провести интегральное этноконфессиональное районирование региона.

Результатом интегрального районирования стало выделение трех этноконфессиональных местностей (рис. 1). Границы выделенных местностей не являются «жесткими»,

они носят достаточно условный характер и могут меняться во времени, как под влиянием этнодемографических процессов, так под влиянием процессов языковой и культурной ассимиляции и интеграции и межконфессионального взаимодействия.

Преимущественно славяно-православная этноконфессиональная местность (СПМ) является своеобразным «ядром» русской этничности и православия. Первое проявляется: в значительном преобладании славянских, в первую очередь русского, народов (доля русских, проживающих в данной местности, 75% от общей численности русских по области, что составляет более 92,5% от численности населения ЭК местности), следовательно, характерна высокая степень моноэтничности – К эт. моз. равен 0,087;

здесь представлены разнообразные историко-этнографические группы русского этноса («сибиряки», «рассейцы», «двоедане», казаки); в этнокультурном компоненте местность характеризуется наиболее низкими показателями языковой мозаичности (К яз. моз. 0,065 – 0,09), отсутствием школ с этноязыковым компонентом, в сфере традиционной культуры, находящей свое выражение через праздничный компонент, отмечено преобладание славянского цикла праздников. Роль СПМ как «ядра» православия в ЭКП области связана: с преобладанием РПЦ (65% числа всех приходов РПЦ в области и 73% от общего числа религиозных организаций СПМ); отмечается повышенная доля двоедан (старообрядцев), основавших ряд населенных пунктов (в.ч. вдоль р. Ирюм), ставшие в XVI–XVII вв.

одним из центров урало-сибирского старообрядчества; формированием «духовных» центров конфессии – монастырей (Далматовский Свято-Успенский, Свято-Введенский, Похвалы Божией Матери, Свято-Казанский Чимеевский), а также, с тем, что в приходах данной местности находятся основные «святыни» православия Курганской области.

Этноконфессиональная местность с повышенной и ведущей долей тюркско-исламской (мусульманской) составляющей (ТИМ). Ее формирование связано с колонизацией Южного Зауралья русскими, когда основная часть татарского и башкирского население (проживавшие в бассейне р. Миасс и Исеть) была отгеснена в более южные районы, а также, с созданием Пресногорьковской оборонительной линии.

Условные знаки:

- преимущественно славяно-православная местность (СПМ)
- местности с повышенной и ведущей долей тюркско-исламской (мусульманской) составляющей (ТИМ)
- "смешанные" местности (СМ)

Характеристики населенных пунктов:

- казахское население
- татарское население
- башкирское население
- смешанное тюркское население

Доля тюркского населения

- от 5 до 10%
- от 11 до 30 %
- от 31 до 50%
- от 51 до 70 %
- более 70%

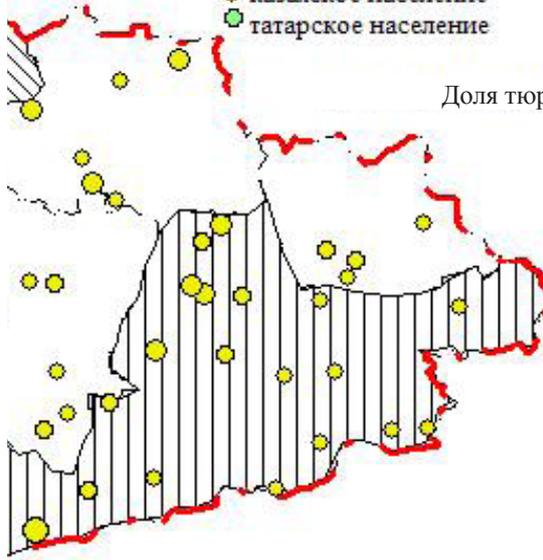

Рис. 1. Этноконфессиональные местности Курганской области

На долю ТИМ приходится 68,9% татарского, 77,9% башкирского и 52,9% казахского населения Курганской области. Суммарная доля тюркских народов в численности населения местности составляет 21,6%. Доля русского населения колеблется от 40 до 90%. Коэффициент этнической мозаичности (по Б. Эккелю) равен 0,48 – мезоэтническая местность. Для местности характерны максимальные для ЭКП показатели языковой мозаичности – 0,23, что меньше К эт. моз. практически в два раза, это свидетельствует о процессах языковой ассимиляции, несмотря на наличие школ с национальным компонентом (из 24 школ 23 находятся в данной местности). В сфере традиционной культуры, находящей свое выражение через праздничный компонент, наблюдается сочетание тюркских и славянских праздничных циклов. Отражением традиционной культуры тюркских народов является и обустройство населенных пунктов. На основе посещения «тюркских» сел, мы можем выделить ряд отличительных черт. Эти селения, возникшие к концу XIX в., долгое время имели своеобразный вид: «кривые улочки, разбегавшиеся от центра и оканчивающиеся тупиками; хаотичная постройка домов с высокими заборами; бессистемная застройка дворов» [6].

В настоящее время они приобрели регулярный вид, но ряд специфических черт сохраняются – большие расстояния между домами и уличными рядами, сами улицы часто лишены растительности, в результате они кажутся просторными и пустынными, небольшая застройка дворов, орнаментированные наличники, карнизы построек, но зооморфные и антропоморфные фигуры в декоре жилищ весьма редки, что связано с мусульманством. В конфессиональной составляющей ТИМ характеризуется сосредоточением мусульманских организаций (37 из 46 мусульманских организаций области), в с. Субботино находится Региональное духовное управление мусульман Курганской области – руководящий орган мусульман области. РПЦ представлена 14 приходами, иные конфессии (протестанты, католики, и др) представлены незначительно, что связано, как с фактором периферийности территорий, так и с более высокой степенью традиционной религиозности тюркских народов.

«Смешанная» этноконфессиональная местность (СМ), в которой мы различаем западные и восточные территории. В этниче-

ском компоненте СМ характеризуются показателями доли русского населения близкими к среднеобластной (92,5%) – 90,2% (западная) и 90,7% (восточная) и повышенными, долями тюркских народов: татары – 16,7% – в западной и 0,8% – в восточной частях, 9,6% и 0,4% – башкир, 6,9% и 13,4% представителей казахского народа. Таким образом, в этническом составе в западной части СМ среди тюркского компонента преобладают представители татарской и башкирской этнокультурных групп, а в восточной – казахской. «Смешанный» характер местностей проявляется и в конфессиональной составляющей. А именно: количество мусульманских приходов – 9 (23%) – 7 и 2 соответственно, 25 (60%) – РПЦ, прочие конфессии представлены в данной местности слабо – 7 религиозных объединений, что составляет 17% от общего числа и приурочены в размещении к районным центрам. Значимость СМ в конфессиональном отношении заключается и в том, что в с. Юлдус Шадринского района находится один из современных духовных центров мусульманских народов области – Соборная мечеть.) Для этнокультурного компонента СМ мы можем отметить: лингвистической составляющей местность относится к моноязычным территориям (Кяз.моз. – 0,11), что связано на наш взгляд с недостаточным изучением национальных языков – в с. Юлдус Шадринского района имеется единственная для СМ школа с национальным (татарским) компонентом, и в р.п. Лебяжье – воскресная школа по изучению казахского языка. В праздничном компоненте наблюдается явное преобладание славянских праздников. Основные мусульманские праздники отмечаются в селах на местном уровне, но в то же время с. Юлдус Шадринского р-на, является своеобразным культурным центром тюркского населения местности и области. Именно в с. Юлдус на протяжении 2000-х гг. проходит областной праздник Сабантуй, Курбан-байрам, проводятся этапы областного фестиваля тюркских культур.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что: 1) изучение ЭКП региона методами географии на стыке политологии, этнографии, демографии, религиоведения, социологии и социальной лингвистики позволяет осуществлять комплексный подход и получать уникальный материал для анализа сущности происходящих процессов в этой сфере; 2) в целом ЭКП Курганской области отличается моноэтничностью и моноконфессиональностью, но

в его структуре выявлены территориально локализованные, устойчиво развивающиеся этноконфессиональные общности, которые имеют стремление к этноконфессиональному «возрождению». Этот процесс должен проходить на основе взаимной толерантности; 3) управление этноконфессиональными процессами на региональном уровне должно основываться на эффективном использовании в этих целях возможностей, которыми обладают средства массовой информации, система

образования, учреждения культуры и институты гражданского общества, в особенности такие, как национально-культурные общества и объединения, политические партии и движения, молодёжные организации; 4) практическое значение дифференциации ЭКП Курганской области определяется возможностью учета выявленных внутренних различий в модернизации региона при разработке вопросов региональной политики в национальной и религиозной сфере.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Веденин Ю.А. Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия // Региональные исследования. – 2008. – № 4(19). – С. 3–10.
3. Джеймс П. Все возможные миры: история географ. идей / П. Джеймс, Д. Мартин ; пер. с англ. Л.Н. Кудряшевой, предисл. и ред. А.Г. Исаченко. – М.: Прогресс, 1988. – 672 с.
4. Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства // Региональные исследования. – 2008. – № 1 (16). – С. 3–9.
5. Лысенко А.В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития: автореферат дис. на соискание уч. ст. доктора географических наук – Ставрополь, 2009. – 42 с. – Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-geografiyal>.
6. Мазур Л.Н. Этнокультурное развитие сельской местности Свердловской области в XX веке: статистический анализ по материалам базы данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. – М.-Барнаул, 2003. – С. 409–433.
7. Матвеева Ю.П. Дифференциация геокультурного пространства Урала: методология и методика исследования: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Пермь: 2006. – 20 с.

Королёва Е.Ю. (Смоленск)

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ЦЕПОЧКИ «ПРОИЗВОДИТЕЛЬ КОММУНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ – ДОМОХОЗЯЙСТВА» В ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ И ПОСЕЛЕНИЯХ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Korolyeva E.Y.

ESPECIALLY THE INTERACTION MECHANISM OF THE CHAIN «MANUFACTURER OF UTILITY RESOURCES, HOUSEHOLDS» IN URBAN DISTRICTS AND SETTLEMENTS OF SMOLENSK REGION

Аннотация. Региональная специфика осуществления реформы в сфере ЖКХ Смоленской области привела к возникновению новых способов управления жилищным фондом. В городских поселениях и округах Смоленской области сложились различные модели взаимодействия между ресурсоснабжающими, обслуживающими организациями, домохозяйствами и управляющими компаниями (организациями).

Abstract. Regional specificity of reforms in the sphere of housing and communal services of the Smolensk region has led to the emergence of new ways of management of the housing stock. In town setting and town districts of Smolensk region have developed different models of interaction of the resources supply organizations, service providers, households and management companies (organizations).

Ключевые слова: Смоленская область, городское поселение, городской округ, управление жилищным фондом, способы поставки, коммунальные ресурсы.

Key words: Smolensk region; town setting; town districts; management of the housing stock; model of delivery; housing municipal utilities.

Функционирование сферы ЖКХ оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие, как регионов, так и

страны в целом. В настоящее время в России осуществляется процесс рыночно ориентированного реформирования сферы ЖКХ.

Наиболее значимые изменения при этом происходят в организационно-экономическом механизме взаимодействия участников в процессе оказания жилищно-коммунальных услуг домохозяйствам. Формируются новые коммерческие организации, призванные «занять место» государственных и муниципальных унитарных предприятий, учреждений: управляющие компании (организации) – УК, товарищества собственников жилья – ТСЖ. Следует отметить, что особенности развития муниципалитетов в прошлом и настоящем, обусловленные географическими, экономическими, социальными, демографическими, политическими и иными факторами, оказывают влияние на процесс и результаты проводимых реформ. Например, в городе Москва государственные предприятия по-прежнему занимают лидирующие позиции в управлении сферой ЖКХ наряду с вновь созданными УК и ТСЖ [7]. Территориальные особенности в экономике, менеджменте и политике, применительно к теме нашего исследования, предметно отражены в ряде работ. Так, А.В. Гладкий [1] изложил основные аспекты регионального менеджмента и региональной политики. В работе А.Н. Пилясова и Н.Ю. Замятиной [5] раскрыто значение сравнительного институционального анализа в оценке развития различных территорий и регионов. Г.К. Куликов [4] обосновывает возможность сохранения государственных предприятий в сфере ЖКХ региона с учетом финансового положения муниципальных образований. Статья Н.В. Зубаревич [2] посвящена детальному исследованию и анализу причин социально-экономического неравенства регионов. При этом существенное внимание уделяется человеческому капиталу, развитие которого напрямую зависит и от условий жизнеобеспечения. Влияние региональных особенностей на процесс осуществления реформы ЖКХ наиболее полно отражено в исследовании М.Н. Кондратьевой на примере Ульяновской области [3].

В условиях осуществления реформы эффективность функционирования сферы ЖКХ (поставка домохозяйствам коммунальных ресурсов и обслуживание жилых домов) зависит от способа взаимодействия между управляющими компаниями (и/или ТСЖ), домохозяйствами, ресурсоснабжающими и обслуживающими организациями. В отдельных городских поселениях и округах Смоленской

области сложились различные модели взаимодействия между участниками процесса коммунального обслуживания жилых домов.

Всю совокупность услуг, предоставляемых сегментом обслуживания сферы ЖКХ, можно разделить на две группы:

- 1) производство коммунальных ресурсов и их доставка (теплоэнергия, электроэнергия, газ, вода) домохозяйствам;
- 2) обслуживание жилищного фонда (содержание придомовой территории, вывоз твердых бытовых отходов, текущий ремонт, аварийно-диспетчерское обслуживание и др.)

Стоимость коммунальных ресурсов и затраты по их доставке до домохозяйств составляют значительную долю в размере оплаты населения за коммунальные услуги (КУ). Объем КУ, оказанных населению Смоленской области в действующих ценах в течение 2007–2010 гг. увеличивается и имеет неравномерную динамику по отдельным районам. Так в Вяземском, Сафоновском и Ярцевском районах данный показатель растет относительно равномерно. В Смоленском районе значение исследуемого показателя возрастает в 4 раза в 2009 г., а потом падает на 35% в 2010 г. [6].

Объем задолженности населения за коммунальные услуги имеет повышательную динамику и возрос в 2,6 раза в течение 2007–2010 гг. При этом самый высокий показатель в Вяземском районе, где его величина к 2010 г. выросла в 9 раз. Низкий показатель задолженности в 2007 г. наблюдался в Дорогобужском и Смоленском районах. В течение 2007–2010 гг. наименьший прирост данного показателя отмечен в Сафоновском районе, который составил 4% [6]. Представленные показатели имеют повышательную динамику по всем районам, что свидетельствует об опережающем росте тарифов на услуги по сравнению с ростом доходов населения. Проблема обоснованности роста тарифов на коммунальные услуги по-прежнему остается важнейшей в функционировании сферы ЖКХ Смоленской области.

Основными участниками «цепочки» поставки коммунальных услуг потребителям в городских поселениях и округах Смоленской области являются:

- ресурсоснабжающие организации (производители коммунальных ресурсов);
- централизованные сети инженерно-технического обеспечения (предна-

значены для доставки коммунальных ресурсов к внутридомовым инженерным системам);

- организации, осуществляющие обслуживание жилищного фонда;
- управляющая компания (организация) и/или товарищество собственников жилья (осуществляет управление жилищным фондом и организует его обслуживание);
- домохозяйства – потребители жилищно-коммунальных услуг (собственники, наниматели и арендаторы жилых помещений);
- муниципальные органы, регулирующие функционирование ЖКХ (оказывают регулирующее воздействие на деятельность всех организаций, а также осуществляют управление муниципальным жилищным фондом).

Взаимодействие участников «цепочки», направленное на обеспечение домохозяйств коммунальными услугами, можно рассматривать как систему, в которой каждый из элементов выполняет определенные взаимосвязанные функции, а за счет согласованности действий участников становится возможным достижение общей цели функционирования системы. Принципиальную схему взаимодействия участников цепочки «поставщик коммунальных ресурсов – домохозяйства» отражает рис. 1.

На современном этапе функционирования ЖКХ можно назвать следующие причины неудовлетворенности состоянием коммунального обслуживания со стороны домохозяйств: высокие тарифы на услуги, низкое качество обслуживания, отсутствие достоверной и достаточной информации о расходовании денежных средств со стороны

Рис. 1. Схема взаимодействия участников цепочки «поставщики коммунальных ресурсов – домохозяйства»

управляющей компании или ТСЖ, отсутствие должного контроля деятельности управляющих компаний или ТСЖ со стороны органов местного самоуправления. В то же время и сами собственники жилых помещений ответственны за неудовлетворительное функционирование ЖКХ, так как проявляют пассивность в формировании ТСЖ. Например, в Смоленской области только 5,6% собственников жилых помещений в многоквартирных домах управляют ими через ТСЖ [8].

Коммунальные ресурсы возможно поставлять в жилые дома непосредственно их производителям, либо с участием в данном процессе управляющих компаний. Очевидно, что от выбранного способа поставки коммунального ресурса будет зависеть и его стоимость. Рассмотрим выявленные нами в ходе исследования способы осуществления поставки коммунальных ресурсов в многоквартирные дома в городских поселениях и округах Смоленской области. В городском округе «город Смоленск» способ поставки коммунальных

ресурсов потребителям зависит от выбранной формы управления многоквартирным домом. Так УК ОАО «Жилищник», будучи основной ресурсоснабжающей организацией в городе, оказывает потребителям услуги через сеть подчиненных ему «ЖЭУ». Являясь структурными подразделениями ОАО «Жилищник», последние организуют заключение договоров на поставку коммунальных ресурсов домохозяйствам многоквартирных домов, где не созданы ТСЖ. При этом оплата таких ресурсов осуществляется домохозяйствами не ресурсоснабжающей организации, а через специальный расчетный центр СМУП «Вычислительный центр ЖКХ (ВЦ ЖКХ)», который затем перечисляет соответствующие денежные средства поставщикам коммунальных ресурсов. Поставка электроэнергии и сетевого газа осуществляется домохозяйствам непосредственно, без участия управляющей компании. Оплата данного вида ресурсов производится потребителями (домохозяйствами) непосредственно поставщику.

По-другому складывается ситуация в способах поставки коммунальных ресурсов в жилые дома в Сафоновском городском поселении. Большую часть жилищного фонда обслуживают частные управляющие компании, однако, степень их участия в процессе поставки коммунальных ресурсов в многоквартирные дома не слишком существенна. По результатам нашего исследования установлено, что они выступают посредником лишь при поставке тепла и горячей воды. При обслуживании жилищного фонда, наряду с управляющими компаниями, принимают участие и другие организации. Так управление жилищно-коммунального хозяйства (УЖКХ) осуществляет содержание и ремонт мест общего пользования и обслуживание домофонов, ООО «Гранит» занимается вывозом ТБО с территории всех объектов жилищного фонда города. ООО «Сафоноволифт» производит ремонт и содержание лифтов в жилых домах. Получается, что многоквартирный дом г. Сафопова находится в обслуживании сразу нескольких организаций, выполняющих однородные функции. Данный факт требует более подробного изучения и уточнения относительно эффективности такой модели взаимодействия участников.

В Ярцевском городском поселении часть жилых домов обслуживает муниципальный

орган управления, а другую часть – управляющие компании и ТСЖ. В Рославльском городском поселении заказ на поставку коммунальных ресурсов в многоквартирные дома формирует одна организация – ООО «Управляющая компания». Она же осуществляет сбор платежей с потребителей за поставленные ресурсы. При этом величина тарифа не изменяется в сторону увеличения.

В Дорогобужском и Гагаринском городских поселениях и в муниципальном образовании «город Десногорск» поставка в многоквартирные дома всех видов коммунальных ресурсов осуществляется при посредничестве муниципальных предприятий сферы ЖКХ, которые формируют заказ на коммунальные услуги для обслуживаемых домохозяйств и выставляют счета на оплату потребленных услуг.

В Вяземском городском поселении управляющие компании осуществляют содержание имущества многоквартирного дома, уборку территории, аварийно-диспетчерское обслуживание, капитальный ремонт. Кроме того, управляющая компания заключает с ресурсоснабжающими организациями договоры на поставку коммунальных ресурсов потребителям. При этом поставка коммунальных ресурсов (теплоэнергия, газ, вода, электроэнергия) происходит непосредственно домохозяйствам, точнее – в многоквартирный дом, с последующей оплатой счетов ресурсоснабжающих организаций каждым потребителем. Представляется, что на данном этапе реформирования ЖКХ эта модель взаимодействия участников «цепочки» является наиболее рациональной.

Таким образом, на основе проведенного исследования выясняется, что в различных городских поселениях и округах Смоленской области существуют разные способы поставки коммунальных ресурсов в жилые дома, которые сформировались на современном этапе реформирования системы обслуживания сферы ЖКХ с учетом специфики взаимодействия участников в процессе предоставления коммунальных услуг. Услуги по содержанию и обслуживанию многоквартирных домов в основном оказывают управляющие компании и/или ТСЖ либо своими силами, либо заключая договоры с подрядными фирмами. В данном случае управляющая компания выступает посредником и учитывает степень своего участия в величине та-

рифа на обслуживание жилищного фонда. Следует отметить, что предоставление некоторых услуг могут осуществлять и независимые от управляющей компании и/или ТСЖ специальные обслуживающие фирмы, которые, действуя в условиях конкуренции, будут способствовать снижению стоимости услуг и повышению их качества.

Библиографический список

1. Гладкий А.В. Современные научные концепции регионального менеджмента и региональной политики // Региональные исследования. – 2012. – № 1(35). – С. 19–26.
2. Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). – 2008. – № 9. – С. 7.
3. Кондратьева М.Н. Региональные проблемы Реформирования ЖКХ. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. – 72 с.
4. Куликов Г.К. Финансовое положение муниципальных образований России: факторы и региональные особенности // Региональные исследования. – 2011. – № 2(32). – С. 84–93.
5. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. – 2012. – № 1(35). – С. 34–66.
6. Статистический ежегодник Смоленской области 2011, статистический сборник// Федеральная служба государственной статистики, территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Смоленской области. – Смоленск, 2011: электронный ресурс - http://smi.gks.ru/public/DocLib/SBR_SM.pdf – [12.03.12.].
7. Государственное учреждение города Москвы «Центр информационного обеспечения и содействия реформе в жилищно-коммунальном хозяйстве города Москвы»: электронный ресурс - <http://www.center-kgh.ru/?razvitie-konkurentnoi-sredi> – [14.02.11.].
8. Главное управление государственная жилищная инспекция Смоленской области - <http://admin.smolensk.ru/~uggi/dejatelnost.htm> – [16.02.13.].

Михайлов К.Л., Михайлова Г.В. (Архангельск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ ШТОКМАНОВСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ И ОЦЕНКА РИСКОВ В ВОСПРИЯТИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Mikhailov K.L., Mikhailova G.V.

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL ISSUES SHTOKMAN AND RISK ASSESSMENT IN THE PERCEPTION OF THE LOCAL POPULATION

Аннотация. В статье представлены результаты экспедиционного исследования в районе планируемого размещения береговых объектов на Кольском полуострове при разработке Штокмановского месторождения углеводородного сырья. Предметом исследования стали формируемые отличия в социальном самочувствии местных жителей, в их восприятии происходящих изменений, представлениях и ожиданиях по поводу предполагаемого строительства газоконденсатного завода.

Abstract. The paper presents results of research expeditions in the planned deployment of onshore facilities on the Kola Peninsula in the development of the Shtokman field of hydrocarbons. The subject of the study were generated by differences in the social well-being of local residents, in their perception of the changes, and expectations regarding the proposed construction of the plant condensate.

Ключевые слова: Штокмановское месторождение, социально-экологические риски, местное население.
Key words: Shtokman field, social and environmental risks, local population.

Интеграция российской экономики в мировую хозяйственную систему предполагает повышенную социальную и экологическую ответственность компаний при осуществлении экономической деятельности. Новыми принципами ведения бизнеса становятся учет региональных особенностей развития, готовность способствовать решению акту-

альных проблем территории, обеспечение местному сообществу возможности участия в реализации экономических проектов. Возрастает значимость научных исследований, способных спрогнозировать социальные последствия реализации бизнес-проектов и наметить пути установления конструктивного диалога с местным сообществом.

Открытое в 1988 г., Штокмановское газоконденсатное месторождение расположено в центральной части российского сектора Баренцева моря приблизительно в 500 км от г. Мурманска и в 600 км от Кольского полуострова. Это одно из крупнейших открытых морских газовых месторождений в мире. Месторождение площадью 1400 км² имеет 4 продуктивных пласта, залегающих на глубине до 2300 м. Глубины моря в районе месторождения достигают 350 м. Запасы Штокманского месторождения по категории C₁+C₂ оцениваются 3,8 трлн. м³ газа и 37 млн. тонн газового конденсата. Срок эксплуатации прогнозируется в 50 лет при поддержании расчетных уровней добычи. Освоение Штокмановского месторождения углеводородного сырья в Баренцевом море имеет геополитическое значение и является важнейшим шагом в диверсификацию поставок природного газа на мировые рынки, в том числе на рынки Атлантического бассейна. Самым значимым береговым объектом проекта является портовый транспортно-технологический комплекс, включающий завод по сжижению природного газа, специализированный порт и установку по подготовке газа к транспортировке наземным трубопроводом. На первом этапе завод будет выпускать 7,5 млн тонн сжиженного газа в год, в дальнейшем его мощность увеличится в четыре раза. Персонал завода составит 350–400 чел., а с началом работы специализированного порта появится еще около 600 рабочих мест.

Для размещения портового транспортно-технологического комплекса выбрана площадка на Кольском полуострове в 200 км от г. Мурманска. Планируемый проект затрагивает территории двух муниципальных образований – Териберское (население 1500 чел.) и Туманное (около 1000 чел.) [4]. Поселения различаются по уровню и качеству жизни людей, составу населения, его потребностям и интересам. Формируемые отличия в социальном самочувствии жителей, в их восприятии происходящих изменений, представлениях и ожиданиях по поводу планируемого строительства завода стали предметом исследований осенью 2008 г. Изучение актуальных проблем местных сообществ и общественного мнения было инициировано компанией-разработчиком Штокмановского проекта.

Населенные пункты п. Териберка и п.г.т. Туманный формировались в разные истори-

ческие периоды исходя из потребностей хозяйственного освоения Севера. Териберка известна с XVI в. как становище поморов-промышленников. Экономическое благополучие поселения обеспечивалось добычей биоресурсов, судоремонтом, ведением мясомолочного животноводства. Поселок Туманный создавался в 1980-е гг. в период масштабного освоения гидроресурсов Кольского полуострова. Основным предприятием до сих пор является крупный объект электроэнергетики – ОАО «Каскад Серебрянский ГЭС».

Современное социально-экономическое положение рассматриваемых поселений характеризуется отсутствием вакантных рабочих мест, транспортной изолированностью вследствие плохого качества дорог, ограниченными возможностями предоставления медицинских услуг, высокими ценами на продукты питания, свалками бытовых отходов. В фокусе интересов и потребностей населения Териберки доминирует обеспечение необходимыми условиями жизни, в первую очередь предоставление работы. В пгт Туманном, где население имеет более высокие доходы, актуально повышение качества жизни.

Занятость населения поселков обеспечивают бюджетные организации – образовательные и медицинские учреждения, Дом культуры, библиотека, почта, администрации муниципальных образований, муниципальные жилищно-коммунальные предприятия. Наиболее крупное и стабильно работающее предприятие Каскад Серебрянских ГЭС предоставляет 200 рабочих мест, как для жителей пгт Туманного (занято 160 чел.), так и с.п. Териберки (40 чел.). Расположенные в Териберке судоремонтные мастерские, сельскохозяйственный производственный кооператив, рыбообрабатывающее предприятие не смогли адаптироваться к рыночным условиям и испытывают сложности с загрузкой мощностей. Предпринимательство развито слабо, представлено преимущественно торгово-закупочной деятельностью.

Доступность социальных услуг остается не высокой. Здравоохранение в поселках характеризуется малым количеством больничных коек, недостаточной обеспеченностью врачами и средним медицинским персоналом, отсутствием возможности получения высокотехнологичной медицинской помощи. С началом реализации приоритетных национальных проектов больницам поселков

поставлены машины скорой помощи, но из-за плохих дорог своевременность медицинской помощи не всегда может быть обеспечена. Для транспортировки тяжелых больных в городские лечебные заведения используется санитарная авиация, финансируемая из областного бюджета.

Жилищными и бытовыми условиями обеспечено население в с.п. Териберка, где жилой фонд значительно изношен – домам по 40–70 лет. Несмотря на это, половина жилья приватизирована. Жилой фонд пгт Туманный состоит из пяти стоквартирных домов, но здесь приватизированы две квартиры. Около 50 квартир пустуют, счета на оплату услуг по их содержанию предъявляются администрации муниципального образования. В поселках требуется строительство и ремонт автомобильных дорог, отопительной системы, стабильное электрообеспечение, обновление социальных объектов, оборудование детские игровых площадок.

Планируемый инвестиционный проект освоения Штокмановского месторождения углеводородов предполагает обустройство территории, введение в эксплуатацию жилищных и социально-бытовых объектов. Будут возведены 29 четырехэтажных жилых домов, детские сады, школы, спортивно-оздоровительный комплекс, клуб, универсам, кафе, мини-завод по переработке морепродуктов, современные котельные, больница, поликлиника. В сферу обслуживания завода и порта предполагается привлечь около 200 местных жителей. Таким образом, намерения компании согласовываются с актуальными проблемами жизнеобеспечения местного сообщества и повышения качества жизни.

С другой стороны, появление завода приведет к трансформации направленности экономической деятельности территории, повлияет на развитие работающих здесь предприятий, повысит потребность в обслуживающих производствах, преобразует социально-экономическую структуру региона. В частности, будет востребована сельскохозяйственная продукция, расширится гарантированный рынок сбыта молочной и мясной продукции. С учетом перспектив развития территории сельскохозяйственный производственный кооператив в Териберке планирует наращивание объемов производства, увеличение поголовья стада коров с 20 до 100 голов.

На рынке труда рассматриваемых муниципальных образований очевидно возникновение ситуации конкуренции за специалистов различной квалификации между вновь создаваемыми предприятиями и существующими хозяйствующими субъектами, организациями, предпринимательскими структурами, ориентированными на сезонные виды деятельности. В средствах массовой информации областного уровня отражается обеспокоенность вероятным обострением проблемы кадрового обеспечения: «крупные инвестиционные проекты типа Штокмановского могут оставить ряд производственных секторов Мурманской области вообще без квалифицированной рабочей силы» [8]. Руководителями действующих предприятий осознается возможность неблагоприятного для них развития ситуации на рынке труда и потери части работников. Уже сегодня предпринимаются превентивные меры для укрепления собственных позиций. На предприятии Каскада Серебрянских ГЭС считают, что в случае строительства в районе Териберки завода по сжижению газа со Штокмановского месторождения часть квалифицированных специалистов, вероятно, захочет уйти туда. Компанией КС ГЭС прорабатывается масштабная автоматизация технологического процесса, обсуждается возможность перехода на вахтовый метод обслуживания производства. Данные опасения подтверждаются результатами проведенного опроса, поскольку нефтегазовая отрасль указывается наиболее привлекательной с позиции трудоустройства для половины респондентов в пгт Туманном и третьей части опрошенных в с.п. Териберке. Кроме того, значительная часть респондентов, работающих на КС ГЭС, также не исключают возможность быть трудоустроенными на заводе, «чтобы зарабатывать больше».

Обеспеченность трудовыми ресурсами связана с экологическим благополучием территории. Привлекательность места жительства людей определяется не только достойной оплатой их профессиональных качеств и бытовым комфортом, но и экологически приемлемыми условиями жизни. Экологическая составляющая становится все более значимой в жизни людей, выступая основой формирования долгосрочного отношения людей к местам своего проживания и условием бережного отношения населения к своей среде обитания. Териберка находится в «райском уголке нашего Мурмана», – такое впечат-

ление осталось у писателя и путешественника В.И. Немировича-Данченко, после ее посещения в 1874 г. с группой художников, писателей, других представителей культуры [3]. До сих пор от местных жителей можно услышать, что место, где они живут – «рай на земле». При этом люди вспоминают, что в 80-х годах XX века при строительстве Каскада Серебрянских ГЭС было уничтожено семужье стадо, из-за хищнической охоты нет уже лет двадцать дикого оленя на Кольском полуострове, исчезли глухариные токовища.

Ретроспективный анализ освоения месторождений на северных территориях свидетельствует о заметном возрастании антропогенной нагрузки на природную среду, являющуюся материальной основой традиционных отраслей хозяйствования, что ограничивает возможности развития оленеводства, рыбного и охотничьего промыслов [1, 5]. Сохранение природной среды, разнообразие и богатство биологических ресурсов, возможность природопользования остаются важными условиями самообеспечения жителей поселков, расположенных вблизи будущего строительства. Ведущими видами традиционного природопользования в с.п. Териберке являются сбор дикоросов и рыбная ловля, от которой зависит почти половина населения. Сезоны добычи мойвы, семги, трески, камбалы, других биологических ресурсов последовательно сменяются с апреля по ноябрь. Жители пгт Туманного, в прошлом мигранты из других районов России и ближнего зарубежья, занимаются сбором дикоросов, есть любители рыбной ловли и охоты.

Оленеводство в зоне планируемого строительства завода не ведется с 2000 г. Проживающие в с.п. Териберке саамы (28 чел.) ассимилировались, традиционный образ жизни не поддерживают, выпасом оленей не занимаются. Оленеводство развивается на территории соседнего Ловозерского района, где численность саамов составляет свыше 900 чел. (это 60% саамов Мурманской области) [2]. Для защиты интересов кольских саамов в условиях промышленно-транспортного освоения предлагается создать особо охраняемую природную территорию.

Наиболее важными проблемами состояния окружающей среды жители Териберки считают загрязнение, замусоривание территории поселка и его окрестностей, а также уменьшение запасов рыбы, промысловых животных, дичи. По мнению жителей

пгт Туманного, самой значимой проблемой является неуважительное отношение к природе у местного населения.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о преимущественно одобрительном отношении к предстоящему строительству завода: 80% респондентов выказали положительное отношение; более 70% хотели бы принять участие в строительстве и работе завода. К числу сторонников строительства завода относятся и члены общины саамов п. Териберки. От реализации Штокмановского проекта население ожидает решения насущных проблем трудоустройства и повышения заработной платы; надеется на экономическое развитие поселений, улучшение условий проживания, организацию стабильного функционирования социальных объектов, строительство и предоставление нового жилья.

Опасений в связи со строительством завода больше у жителей с.п. Териберки. Основное беспокойство связано с экологическими рисками: опасаются возможности ухудшения состояния окружающей природной среды – 58% опрошенных, уменьшения запасов рыбы, промысловых животных, дичи – 46%. Такими социально-экономическими рисками, как сложности при трудоустройстве на завод, рост цен на продукты питания и коммунальные услуги обеспокоено более 40% респондентов. Техногенные риски, связанные с возможными авариями, катастрофами, чрезвычайными ситуациями, вызывают опасения у 28% опрошенного населения. Риски повышения уровня преступности из-за прибытия на стройку завода «чужаков», людей с криминальным прошлым отмечены у 22% респондентов. Не высказали опасения 7% опрошенных жителей п. Териберки.

Население пгт Туманного также обеспокоено тем, как строительство отразится на состоянии природы (43%). Рисками для себя они считают рост цен (40%) и появление техногенных чрезвычайных ситуаций (31%). Их меньше беспокоят сложности при трудоустройстве на завод (27%) и уменьшение запасов рыбы, промысловых животных (23%). Действительно, население пгт Туманного отличается более высоким уровнем образования, квалификации, меньше обеспокоено тем, что окажется невостребованным при реализации проекта. Они меньше опасаются и влияния проекта на снижение численности промысловых видов деятельности, поскольку их жизнеобеспечение не обусловлено только наличием природных,

биологических ресурсов. Опасений нет у 29% опрошенных данного поселения.

Возможные риски в связи с началом освоения Штокмановского месторождения оцениваются местным населением во многом исходя из собственного жизненного опыта, слухов, предположений. Жители пгт Туманного представили следующие ответы на вопрос об информированности по предстоящему проекту строительства – мало информирован (42%), ничего не знаю об этом (29%), достаточно и хорошо информирован (27%). В с.п. Териберке ответы распределились так: информирован хорошо и достаточно – 9%, мало – 66%, ничего не знаю – 23%. Нехватка информации создает условия для возникновения неверных представлений и необоснованных ожиданий, связанных со строительством газоконденсатного завода. К примеру, в беседах жителями неоднократно высказывалось мнение, что газ будет предоставляться населению для бытовых нужд и отопления бесплатно или почти бесплатно.

В заключение отметим следующее. Эксплуатация природных ресурсов, добыча полезных ископаемых в местах традиционного проживания северных народов представляется неизбежным процессом. В этих условиях появляется настоятельная необходимость в разработке и реализации экологически безопасных бизнес-проектов, имеющих не только экономическую выгоду, но и социальную ценность для северных территорий. Выступая на IV Северном социально-экологическом конгрессе, акад. В.А. Черешнев отметил: «...глобальные проблемы по своей сути связаны с «поломками» в функциониро-

вании социоприродных систем, что требует сегодня введения научно обоснованных и универсальных экологических ограничений, распространяющихся на всех без исключения членов мирового сообщества» [6, с. 37].

Начало реализации Штокмановского проекта становится реальным шансом для развития местных сообществ и социального устройства территории. Требуется программа комплексного социально-экономического развития, включающая поддержку традиционных существующих видов хозяйственной деятельности, придание нового импульса рыбодобыче, углубленной переработки рыбы и морепродуктов, мясомолочному животноводству. На региональные власти ложится ответственность за защиту интересов местного населения и получение максимально возможного эффекта для территории за счет привлекаемых средств.

Различные адаптивные особенности жителей северных поселений, среди которых представители коренных малочисленных народов Севера, коренное поморское население, мигранты, должны учитываться компаниями при проведении социально-экономической корпоративной политики. Для вовлечения населения в наступающий этап промышленного использования ресурсов требуется решение вопроса о подготовке и переподготовке специалистов для будущего производства из числа местных жителей, создание устойчивого информационного канала с обратной связью, обеспечивающего в режиме диалога с населением распространение достоверной информации, формирование адекватных представлений о будущем строительстве и функционировании завода.

Библиографический список

1. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. – 311 с.
2. Народы Севера и северные поселенцы: ассимиляция и этническая самобытность: [текст] все-росс. науч.-практич. конф., Мурманск, 9–10 июня 2008 г.: сб. статей / Под общ. ред. Ю.В. Кузнецова, М.Д. Розбицкой. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2008. – 248 с.
3. Покровская Л. Райский уголок нашего Мурмана. Издание «Кольское слово». – Вып. № 30 от 3 августа 2007: [электронный ресурс] <http://www.b-port.com/info/smi/ks/?issue=2992&article=56951>
4. Правительство Мурманской области. Официальный портал органов исполнительной власти: [электронный ресурс] <http://mun.gov-murmansk.ru>.
5. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения // Тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, 12–14 апреля 2012 г. – Апатиты: изд. Кольского научного центра, 2012. – 312 с.
6. Северное измерение глобальных проблем: первые итоги Международного полярного года. – М.: Наука, 2009. – 278 с.
7. Шварц Е.А. Экологическая политика и международная конкурентоспособность российской экономики // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 58–70.
8. Штокман ставит Мурманск перед угрозой кадрового голода: [электронный ресурс] http://www.hibiny.ru/news/ru/murmansk_region/economy/2008/3/14/9344.

Урманов Д.В. (Кропоткин)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИИ

Urmanov D.V.

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MECHANISMS FOR INTER-MUNICIPAL COOPERATION IN RUSSIA

Аннотация. Современные проблемы межмуниципального сотрудничества остаются нерешенными до сих пор. Важным условием здесь выступают институциональные ограничения, которые связаны с формированием и реализацией экономической политики на местах по принципу «сверху-вниз», осуществление местными органами власти своих полномочий в рамках границ муниципального образования без учета и возможностей взаимодействия конкурентных преимуществ с соседними административными образованиями, а также несовершенство законодательной базы в этой сфере.

Abstract. Modern problems of inter-municipal cooperation remain to this day. The important condition here are the institutional constraints that are associated with the formation and implementation of economic policy in the field on a “top-down”, the local authorities of their powers under the municipal boundaries without and interoperability of the competitive advantages with neighboring regions, and imperfection of the legal framework in this field.

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество, институциональные ограничения.

Key words: inter-municipal cooperation, the institutional constraints.

Основой развития муниципальных образований выступают возможности и механизмы формирования собственных финансовых источников для реализации направлений социально-экономического развития территорий. При этом в регионах современной России остаются многие нерешенные проблемы, связанные в первую очередь с обеспечением качественных условий жизнедеятельности населения. Одним из краеугольных камней в данном контексте выступает политика региональных и местных властей, которая преимущественно формируется и реализуется в системе вертикальных механизмов принятия решений по принципу «сверху-вниз».

По этому поводу в научной литературе утвердились достаточно точные представления о системе и возможностях социально-экономического развития муниципальных образований России. Например, по мнению С.Г. Кордонского, современные процессы реформирования жизнедеятельности в стране привели к повсеместной зависимости местного самоуправления (что, по сути, превратило его в муниципальное управление на местах) от государственных уровней власти, где концентрируются огромные финансовые ресурсы, распределяющиеся по всей терри-

тории страны и регионов. В частности, автор отмечает: «Муниципальное управление функционирует в основном на базе ресурсов, распределяемых «старшими» уровнями административно-территориального устройства... Органы местного самоуправления... не являются органами государственной власти»¹.

По мнению О.Э. Бессоновой, к развитию социально-экономических систем необходимо подходить с точки зрения теории институциональных трансформаций. Данный автор выделяет два основных типа экономик – рыночный и раздаточный, причем экономику России относит к последнему.

При этом данные типы содержат в себе формы и механизмы эффективного самоуправления и самоорганизации, а также институты, которые приводят к кризисам и распаду. В частности, О.Э. Бессонова пишет: «В ареале российского государства для обеспечения единства локальных сред сформировалось институциональное ядро с доминированием раздаточных институтов. Это означает, что выживание суперэтноса... обеспечивается базовыми институтами раздаточного типа, а рыночные институты являются лишь вспомогательными компенсаторными, проявляющими себя доми-

¹ Кордонский С.Г. Административно-территориальная структура и ее ресурсно-сословная природа // Мир России. – 2009. – №3. – С. 24.

нантными только в период институциональных трансформаций»². При этом в рамках регионального пространства России отчетливо прослеживается закономерность развития их территориальных систем, факторами которой преимущественно выступают агломерационные условия, обеспеченность сырьевыми ресурсами и выгодным экономико-географическим местоположением локальных образований³. Однако, барьеры во внутрирегиональном контексте развития не исчерпываются данными положениями.

В частности, также важным моментом с точки зрения институциональных условий является политика развития регионов в современной России, в которой, по мнению В.Н. Лексина, С.С. Сулакшина и др., наиболее распространен отбор региональных проблем (ситуаций) для государственной поддержки по критерию политической целесообразности⁴. Данное положение дел не теряет актуальности и сегодня, особенно в посткризисный этап новых векторов развития.

Предварительно следует отметить, что в современных условиях формы и возможности внутрирегионального сотрудничества локальных социально-экономических систем в большинстве случаев носят, явно, формальный характер. С одной стороны, это связано с тем, что органы местного самоуправления включены в мощный перераспределительный государственный механизм финансовых ресурсов, большая часть которых концентрируется на федеральном и региональном уровнях. С другой стороны, административно-территориальное деление государства, унаследованное от СССР, имеет ярко выраженный национально-территориальный характер с жесткими условиями функционирования и реализации социально-экономической политики в их границах и др.

В настоящее время не существует и единого термина, отражающего подобный тип отношений, хотя понятийный аппарат выступает одним из базовых начал лю-

бого правового явления. Наиболее часто встречающимися вариантами обозначения межмуниципальных отношений в науке являются «взаимодействие муниципальных образований», «сотрудничество», «объединение», «партнерство» и «кооперация муниципальных образований для решения хозяйственных задач».

В законодательстве в области местного самоуправления прописаны направления и организационно-экономические формы взаимодействия между муниципальными образованиями. В главе 9 действующего Закона 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 131-ФЗ) определяются возможности межмуниципального сотрудничества⁵. Однако в данном законе нет четкой формулировки данного понятия.

В целом под межмуниципальным сотрудничеством понимают формы объединения и согласования интересов, координации действий муниципальных образований и (или) их органов в целях обеспечения представительства интересов муниципальных образований на всех уровнях государственной власти Российской Федерации, в международных органах и организациях, а также в целях повышения эффективности и результативности решения вопросов местного значения⁶.

В российском законодательстве определены 3 основные формы межмуниципального сотрудничества, которые представлены ниже на рис. 1.

В частности, говоря о межмуниципальной хозяйственной кооперации, на практике мы видим, что примеров сотрудничества муниципальных образований в этой сфере очень мало. Направления межмуниципального хозяйственного сотрудничества в России могут реализовываться в трех основных сферах:

- заключение соглашений о реализации совместных программ и привлечений инвестиций для решений вопросов транспортного сообщения, газифика-

² Бессонова О.Э. Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // Экономическая наука современной России. – 2008. – № 4(43). – С. 30.

³ Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 2. / Под ред. В.Л. Ингоземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – С. 186.

⁴ Сулакшин С.С. и др. Региональное измерение государственной экономической политики России / Под общей редакцией А.С. Малчинова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 47.

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. – М.: Институт экономики города, 2009.

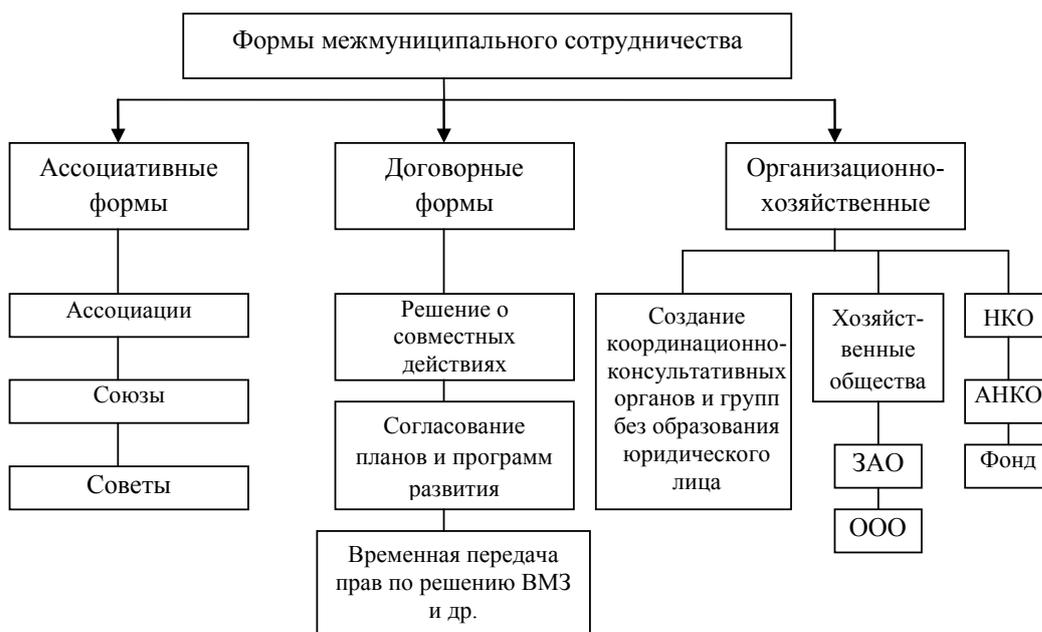

Рис. 1. Типы форм межмуниципального сотрудничества в РФ

ции, ремонта дорог, благоустройства населенных пунктов, содержания зон отдыха, охраны лесов и др. (к 2009 г. реализовано только в области транспортного обслуживания г. Твери и прилегающих районов);

- совместная работа аварийных служб, служб скорой помощи, пожарных команд и др. (пока на уровне декларируемой возможности)⁷;
- организация совместных действий муниципальных образований по обеспечению населения продовольственными и промышленными товарами (примеров не обнаружено, пока это потенциальная возможность)⁸.

Межмуниципальное сотрудничество в организационно-хозяйственных формах в соответствии со ст. 68–69 Закона №131-ФЗ и ст. 124–125 ГК РФ ограничены четырьмя организационно-правовыми формами: ЗАО, ООО, АНО, фонды. Причем в области функционирования данных организаций действуют нормы

гражданского законодательства. По результатам исследований Института экономики города можно заключить, что наиболее проблематичны организационно-хозяйственные формы в реализации межмуниципальной кооперации. Так в специальном законодательстве об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью существуют определенные ограничения на участие в них органов государственной власти и органов местного самоуправления. Одной из проблем создания межмуниципальных хозяйственных обществ является неопределенность с их организационно-правовыми формами и учредительством⁹.

Так, в ч. 4 ст. 66 ГК РФ указано, что органы местного самоуправления не вправе выступать участниками хозяйственных обществ, если иное не установлено законом. Эта норма далее была закреплена в специальном законодательстве¹⁰.

Здесь и возникает определенная неточность в федеральном законодательстве в организации межмуниципальных организаций,

⁷ См., например: Совет муниципальных образований Московской области. Об организации деятельности аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований на территории муниципального образования // Городское управление. – 2008. – № 10. – С. 9–13.

⁸ Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. – М.: Институт экономики города, 2009.

⁹ Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. – М.: Институт экономики города, 2009.

¹⁰ Государственные органы и органы местного самоуправления не могут выступать учредителями (участниками) общества, если иное не установлено федеральными законами (ч.1 ст.10 ФЗ «Об акционерных обществах» и ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

так как учредителями межмуниципальных хозяйственных обществ (ЗАО, ООО) должны быть муниципальные образования, от имени которых выступают органы местного самоуправления¹¹.

Однако в ч. 4 ст. 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» установлено, что муниципальные образования могут быть учредителями только открытых акционерных обществ. Кроме того, в Законе №131-ФЗ правосубъектность муниципальных образований в вопросах формирования межмуниципальных хозяйственных обществ прямо не установлена, поэтому указанная неопределенность, по мнению отдельных экспертов, сохраняется и требует разрешения в законодательном порядке.

С точки зрения концентрации финансовых средств в местных бюджетах двухуровневой системы местного самоуправления России мы видим, что первичные элементы этой системы (городские и сельские поселения) зависят от районных властей, которые так или иначе (в идеале равномерно) распределяют финансовые ресурсы между поселениями. Причем городские округа находятся в более выгодном финансовом положении, так как налоги поступают в городской бюджет с территории и вопросы местного значения не разграничены, как между муниципальными районами и поселениями. Таким образом, городские округа становятся фокусами роста региона, и концентрируют важные ресурсы развития, которые в современных условиях динамично перемещаются от периферии к центру. В этом плане показательны статистические данные Росстата, которые отражают сложившийся уровень концентрации местных финансов по соответствующим типам муниципальных образований.

В качестве объекта исследования взяты 7 субъектов РФ, которые имеют как бы «среднестатистическое» положение среди регионов России и отражают общероссийские тенденции в этой области. Среди этих регионов: Тамбовская область (ЦФО), Псковская область (СЗФО), Краснодарский край (ЮФО), Республика Башкортостан (ПФО), Курганская область (УФО), Кемеровская область

(СФО) и Приморский край (ДФО). Здесь не учитывается Северо-Кавказский федеральный округ, который был образован в 2010 г. В нижеприведенной табл. 1 приведены эти данные по выбранным в качестве объекта исследования семи субъектам РФ¹².

Следует отметить, что первичная информация имеет определенные погрешности (отсутствие данных за некоторые годы по муниципальным образованиям, а также несоответствия электронных баз данных официальным печатным источникам), однако, по нашему мнению, основные тенденции в ходе мониторинга отражены корректно и не искажают сути происходящих процессов. Таким образом, из табл. 1 видно, что существующая система формирования и распределения местных финансов позволяет муниципальным районам и городским округам, в отличие от поселений, концентрировать большую часть финансовых ресурсов в своих бюджетах.

Причем средняя доля местных финансов, сконцентрированных по городским и сельским поселениям, составляет 7,3%. При соотношении удельного веса населения и концентрации местных финансов по типам муниципальных образований мы видим, что здесь прямой связи нет. Например, от 40 до 77% всех местных финансов сосредоточено в бюджетах городских округов, где в среднем проживает от 38 до 77% населения соответствующих субъектов РФ. Однако, на сельские поселения приведенных субъектов РФ приходится в среднем 5,1% местных финансов.

Одной из причин формирования наибольшей части финансовых ресурсов в бюджетах муниципальных районов является временная передача на этот уровень решения вопросов местного значения некоторых поселений. Но от этого ситуация практически не меняется, что ставит под вопрос организацию системы местного самоуправления на первичном уровне – в городских и сельских поселениях.

В целом органы местного самоуправления, в первую очередь городских и сельских поселений, в большинстве своем не способны полностью решать социальные проблемы местных граждан, так как это связано со сложившейся

¹¹ Методические рекомендации по образованию межмуниципальных организаций // Минрегион России. 2009. URL: <http://www.minregion.ru> (дата обращения: 23.10.2009).

¹² Приведенные и последующие данные, характеризующие муниципальные образования, были рассчитаны автором, используя электронную статистическую базу данных Росстата «Показатели муниципальных образований». См.: Показатели муниципальных образований 2006–2009 гг. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 1999. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2012).

Таблица 1

*Структура местных финансов по бюджетам типов муниципальных образований
в субъектах РФ на 2009 г.*

Субъект РФ	Типы муниципальных образований	Доходы, %	Расходы, %	Количество МО	Численность нас., %
Тамбовская область	Муниципальный район	43,2	42,5	23	–
	Городской округ	49,6	50,5	7	48,4
	Городское поселение	1,6	1,5	13	9,6
	Сельское поселение	5,6	5,5	309	42,0
	В целом по области	100	100	352	100
Псковская область	Муниципальный район	51,7	51,7	24	–
	Городской округ	46,1	46,1	2	42,0
	Городское поселение	2,8	2,7	26	25,9
	Сельское поселение	3,8	3,8	192	32,1
	В целом по области	100	100	244	100
Краснодарский край	Муниципальный район	38,1	38,5	37	–
	Городской округ	52,1	50,9	7	38,2
	Городское поселение	3,5	3,9	30	21,4
	Сельское поселение	6,2	6,6	352	40,3
	В целом по краю	100	100	426	100
Республика Башкортостан	Муниципальный район	44,4	44,5	54	–
	Городской округ	47,1	47,1	9	45,8
	Городское поселение	3,3	3,3	14	14,5
	Сельское поселение	5,2	5,1	942	39,7
	В целом по республике	100	100	1019	100
Курганская область	Муниципальный район	46,9	47,0	24	–
	Городской округ	40,8	40,9	2	41,7
	Городское поселение	1,6	1,3	13	15,0
	Сельское поселение	10,7	10,8	419	43,2
	В целом по области	100	100	458	100
Кемеровская область	Муниципальный район	20,5	20,6	18	–
	Городской округ	77,0	77,1	16	77,3
	Городское поселение	1,0	1,0	22	9,2
	Сельское поселение	2,1	1,9	167	13,5
	В целом по области	100	100	233	100
Приморский край	Муниципальный район	25,6	25,0	22	–
	Городской округ	70,9	71,5	12	70,3
	Городское поселение	1,1	1,1	28	4,5
	Сельское поселение	2,4	2,4	117	25,2
	В целом по краю	100	100	179	100

системой распределения и перераспределения доходов территорий между бюджетами и фондами соответствующего уровня управления. Данная система в меньшей степени позволяет концентрировать крупные финансовые средства в местных бюджетах поселений, которые могли быть направлены в реальный сектор местной экономики.

О сильной зависимости местных бюджетов от механизма распределения и перераспределения финансов от других уровней бюджетной системы (а также между местными бюджетами) свидетельствуют данные, приведенные в табл. 2.

К безвозмездным перечислениям в бюджеты муниципальных образований от других бюджетов бюджетной системы РФ следует относить дотации, субсидии, субвенции и другие межбюджетные трансферты, передаваемые вышестоящими и другими бюджетами бюджетной системы РФ на безвозмездной основе.

При таком соотношении данных показателей наблюдается высокая степень доли бюджетных трансфертов в общих доходах местных бюджетов. Однако по классификации доходов местных бюджетов дотации и субсидии (различной функциональной и

Таблица 2

Доля безвозмездных перечислений в бюджеты МО субъектов РФ от других бюджетов бюджетной системы РФ в среднем за 2006–2009 гг., %.

Субъект РФ	Типы муниципальных образований	2006	2007	2008	2009
Тамбовская область	Муниципальный район	71,9	46,0	76,0	82,3
	Городской округ	52,6	–	55,2	57,2
	Городское поселение	74,8	28,8	63,8	60,6
	Сельское поселение	70,9	49,2	51,8	64,7
Псковская область	Муниципальный район	70,3	66,1	64,8	71,4
	Городской округ	24,1	41,0	37,5	45,1
	Городское поселение	–	–	–	39,7
	Сельское поселение	–	–	–	64,3
Краснодарский край	Муниципальный район	66,1	68,4	70,2	55,5
	Городской округ	37,3	38,6	45,0	37,0
	Городское поселение	30,6	26,1	37,9	21,1
	Сельское поселение	22,3	32,6	45,8	33,1
Республика Башкортостан	Муниципальный район	72,6	68,1	66,3	72,0
	Городской округ	28,7	26,4	29,7	43,2
	Городское поселение	21,6	23,9	18,2	57,4
	Сельское поселение	70,4	65,4	59,1	53,9
Курганская область	Муниципальный район	87,0	83,4	84,4	83,5
	Городской округ	48,9	37,2	41,2	38,2
	Городское поселение	45,5	49,7	56,3	64,1
	Сельское поселение	78,2	77,7	78,6	76,1
Кемеровская область	Муниципальный район	66,6	68,7	75,0	77,7
	Городской округ	52,8	52,1	60,2	61,4
	Городское поселение	–	48,3	72,6	64,5
	Сельское поселение	–	76,2	77,5	42,3
Приморский край	Муниципальный район	60,1	64,7	63,0	64,6
	Городской округ	33,5	40,4	38,7	42,6
	Городское поселение	–	54,9	32,0	54,0
	Сельское поселение	–	68,8	56,6	58,2

целевой направленности) относятся к собственным доходам соответствующих бюджетов, таким образом, доля собственных доходов в общих доходах становится значительной – более 60–70%.

Из табл. 2 видно, что наиболее зависимы от средств, перечисляемых другими бюджетами бюджетной системы РФ, муниципальные районы (от 55 до 87% в зависимости региона). В пяти субъектах РФ (Псковская область, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Приморский край, Курганская область) зависимость бюджетов городских округов в среднем не превышает 40–42%; в остальных – от 50 до 60%. По городским и сельским поселениям ситуация неоднозначная. В большинстве случаев бюджеты городских поселений по данному индикатору менее зависимы, чем бюджеты сельских поселений. Но в целом данный показатель по поселениям варьируется в тех же

диапазонах, что и по районам и городским округам.

Причем из данных видно, что за период 2006–2009 гг. ситуация по распределительным доходам местных бюджетов от других бюджетов бюджетной системы кардинально не меняется. Не наблюдается четкой динамики сокращения данного индикатора и по некоторым типам муниципальных образований.

При этом доля местных налогов, установленных Законом 131-ФЗ (земельный налог и налог на имущество физических лиц), является малозначительной и не решает многих вопросов местного значения. Эти явление подтверждают данные официальных источников, которые приведены в табл. 3, где соотнесено среднее значение местных налогов к общей величине доходов (включающих безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации) муниципальных образований.

Среднее значение доли местных налогов в доходах бюджетов МО в субъектах РФ за 2006–2009 гг., %.

Субъект РФ	Типы муниципальных образований	2006	2007	2008	2009
Тамбовская область	Муниципальный район	4,5	2,6	3,2	–
	Городской округ	3,6	–	3,2	4,4
	Городское поселение	2,8	18,1	8,5	17,3
	Сельское поселение	8,8	28,0	26,0	19,3
Псковская область	Муниципальный район	1,8	1,9	1,8	0,03
	Городской округ	4,7	4,7	4,7	5,0
	Городское поселение	–	–	–	7,3
	Сельское поселение	–	–	–	7,1
Краснодарский край	Муниципальный район	1,4	–	–	–
	Городской округ	5,4	5,2	5,6	7,3
	Городское поселение	19,6	23,3	15,2	28,0
	Сельское поселение	24,5	29,9	24,2	29,4
Республика Башкортостан	Муниципальный район	0,9	1,1	1,6	–
	Городской округ	2,6	3,4	3,9	3,6
	Городское поселение	9,3	11,9	17,1	12,1
	Сельское поселение	4,3	5,8	9,3	14,3
Курганская область	Муниципальный район	–	–	–	–
	Городской округ	3,1	3,6	4,6	4,6
	Городское поселение	12,5	12,5	10,8	9,1
	Сельское поселение	3,6	4,2	5,1	7,2
Кемеровская область	Муниципальный район	0,89	0,44	0,14	–
	Городской округ	4,1	4,4	3,2	5,0
	Городское поселение	–	18,2	6,5	11,2
	Сельское поселение	–	2,3	2,3	2,7
Приморский край	Муниципальный район	1,4	0,15	0,07	0,015
	Городской округ	5,6	5,7	5,1	4,7
	Городское поселение	–	7,0	10,1	7,7
	Сельское поселение	–	4,7	6,1	6,5

Из табл. 3 видно, что доля местных налогов в общих доходах местных бюджетов не превышает 30%. Наибольшее значение (15–30% от общих доходов) отмечено в городских и сельских поселениях Тамбовской области и Краснодарского края. По муниципальным районам и городским округам данный показатель не превышает 5% и 7,3% соответственно.

Причем большая часть расходных обязательств местных властей приходится на социальный блок вопросов местного значения (образование, здравоохранение, культура и спорт, дорожное и жилищно-коммунальное хозяйство), доля которых в общих расходах варьирует в различных типах муниципальных образований от 45 до 80%. Показатели свидетельствуют о том, что за период 2006–

2009 гг. четкой динамики в повышении доли местных налогов в общих доходах местных бюджетов не наблюдалось. При этом отнесение данных налогов к местным вызывает много сомнений, которые появились еще при разработке Закона 131-ФЗ.

Данное нормативное положение не учитывает специфику и структуру экономик городов и сельских территорий, которые определены экономико-географическими факторами соответствующих регионов. На практике данные коллизии подтверждаются низкой долей, так называемых, местных налогов в общих доходах бюджетов муниципальных образований. Установленные жесткие институциональные рамки по формированию местных финансов способствуют сильной зависимости низовых бюджетов

от распределяемых финансовых источников от вышестоящих бюджетов.

В том числе, имеющиеся диспропорции в уровне социально-экономического развития между крупными, средними и малыми населенными пунктами российских регионов, порождают и закрепляют различия в уровнях их пространственного развития на условиях зависимости периферийных локалитетов от центральных. Так как последние создают наиболее благоприятные условия социально-экономического развития территории. При этом в развитии регионов недостаточно учитывается взаимосвязь влияния между центральными и периферийными элементами региона, которые с точки зрения институциональных условий их функционирования никак не влияют на выгоды друг друга (например, с точки зрения формирования муниципальных финансов).

Исходя из изложенного, можно заключить, что трудности в реализации социально-экономических целей развития локальных территорий связаны со сложившимся перераспределительным характером формирования бюджетов, в первую очередь низовых уровней управления. Доля мест-

ных налоговых поступлений недостаточна для реализации долгосрочных направлений развития, а существующие механизмы зачисления налоговых, неналоговых сборов, а также субсидий, субвенций и дотаций не создают условия для стимулирования органов местного самоуправления по повышению уровня наполняемости доходов местных бюджетов.

В целом отношения между муниципальными образованиями строятся на государственных финансовых механизмах и ресурсах, с помощью которых выстраиваются вертикальные коридоры перемещения денежных средств наверх и передачи указаний вниз. Это связано с жестким закреплением нормативных отчислений от налоговых поступлений различных уровней бюджетной системы в соответствующие бюджеты, а во-вторых, с нестимулирующим характером наполняемости региональных и местных бюджетов. Названные институциональные ограничения позволяют игнорировать органам местного самоуправления (а также органам субъектов РФ) экономико-социальные условия функционирования и развития локальных территорий.

Библиографический список

1. Бессонова О.Э. Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // *Экономическая наука современной России*. – 2008. – № 4(43).
2. Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 2.* / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.
3. Кордонский С.Г. Административно-территориальная структура и ее ресурсно-сословная природа // *Мир России*. – 2009. – № 3. – С. 24.
4. Методические рекомендации по образованию межмуниципальных организаций // *Минрегион России*. 2009. URL: <http://www.minregion.ru>. (дата обращения 23.10.2009).
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. – М.: Институт экономики города, 2009.
7. Показатели муниципальных образований 2006–2009 гг. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 1999. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2012).
8. Совет муниципальных образований Московской области. Об организации деятельности аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований на территории муниципального образования // *Городское управление*. – 2008. – № 10. – С. 9–13.
9. Сулакшин С.С. и др. Региональное измерение государственной экономической политики России / Под общ. ред. А.С. Малчинова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2007.

Шарыгин М.Д., Лучников А.С. (Пермь)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЭКОНОМИКИ (на материалах Пермского края)

Sharygin M.D., Luchnikov A.S.
REGIONAL POLICY FOR TERRITORIAL ORGANIZATION
OF SOCIOECONOMICS (on the example of Perm krai)

Аннотация. В статье раскрываются основные направления и приоритеты региональной социально-демографической, экологической и экономической политики Пермского края в условиях проявления социоэкономических тенденций, предполагающих повышение актуальности сочетания социальных, культурных, нравственных, гуманистических и экономических процессов.

Abstract. In the article major directions and main aims of regional socio-demographic, ecological and economical policy of Perm Krai under the conditions of socioeconomical trends' displaying are revealed. They suppose the rise of actuality of social, cultural, moral, humanistic and economic processes' combination.

Ключевые слова: региональная политика; территориальная организация; социоэкономика.
Key words: regional policy; territorial organization; socioeconomics.

Понятие региональной социоэкономики. Стратегические цели социально-экономического развития регионов все более актуализируются проблемой современного и будущего бытия человека, необходимостью ликвидации диспропорций между экономическими и социально-экологическими аспектами функционирования территориальных общественных систем, выступающих в качестве пространственно-временных ячеек жизнедеятельности человеческих коллективов на разных пространственных уровнях.

В связи с этим в научной литературе все чаще звучит вопрос о необходимости принятия и использования в исследовательской работе и практической деятельности *социоэкономической парадигмы*.

Последняя в свою очередь подразумевает такое развитие социально-экономических регионов, в котором взаимосвязано и взаимообусловленно совмещаются социальные, гуманитарно-нравственные, культурные ориентиры с экономическими целями. В условиях функционирования региональной социоэкономики основной целью регионального строительства и принятия управленческих решений на всех уровнях становится повышение благосостояния и качества жизни людей на основе рационального использования природно-ресурсного, человеческого и инновационного потенциалов. Наиболее подробно понятие о социоэкономике раскрыто в работах А. Этциони, Ф.М. Бородкина, М.А. Шабановой. Регио-

нальный аспект социоэкономики отражен в исследованиях Е.Г. Анимицы, В.А. Сухих, А.А. Урасовой и др. [2; 7].

Принимая во внимание необходимость развития социоэкономических тенденций на территории Российской Федерации, во многом имеющей ярко выраженный индустриальный характер развития экономики и приоритетные технико-производственные цели развития опорных регионов, мы должны обратиться к тем научным понятиям и учениям, в которых содержатся потенциальные механизмы для строительства социоэкономики.

Во-первых, новая региональная стратегия страны должна опираться на концептуальную модель *устойчивого социально-экономического развития территорий* и сохранения окружающей среды. Под устойчивым развитием понимается такое развитие, которое, не нарушая ноосферного равновесия, обеспечивает потребности современных и будущих поколений. Суть идеи заключается в поиске путей сбалансированного функционирования территориальных общностей людей, региональной социоэкономики и окружающей среды. Основной путь предлагается проложить через регулирование и нормирование количества и качества производимой продукции, объема загрязнений.

Во-вторых, перспективное региональное развитие должно формировать стимулы для безболезненного перехода в *постиндустриальную стадию обществен-*

ного развития. В этих условиях одним из показателей, отражающих стратегические цели регионов, может служить уровень интеллектуальности территориальных общностей людей. Косвенным, но достаточно репрезентативным индикатором интеллекта может стать уровень образования, который позволяет судить о благополучии и образе жизни, характере жизнедеятельности населения, соблюдении требований экологии, санитарии, гигиены и т.д.

В-третьих, стратегической целью, определяющей работу управленческих структур во всех субъектах РФ, должно стать *повышение уровня и качества жизни населения*. Под уровнем жизни мы, прежде всего, понимаем уровень материального благополучия населения. Он включает в себя величину и структуру доходов человека или домохозяйства, возможности для покупки и владения движимым и недвижимым имуществом (квартирой, автомобилем, ценными бумагами и т.д.). Под качеством жизни мы понимаем интегральный показатель, всесторонне характеризующий степень комфортности среды

жизни и деятельности человека и уровень благосостояния, социального и духовного развития личности.

В-четвертых, действенным механизмом, регулирующим ход реализации региональной стратегии развития социэкономике в нашей стране, должна стать адекватная *региональная политика*, ориентированная на удовлетворение не технико-экономических интересов хозяйствующих субъектов или личные интересы властных структур, а *интересов территории*, под которыми в самом общем виде мы понимаем наиболее явные и существенные надежды и чаяния населения, проживающего на соответствующей территории. Взаимосвязь между региональной политикой и интересами территории представлена на рис. 1.

Структура и функции современной региональной политики. В настоящее время региональная политика и как научная дисциплина, и как практическая деятельность находится в стадии становления и имеет самое разное толкование (табл. 1).

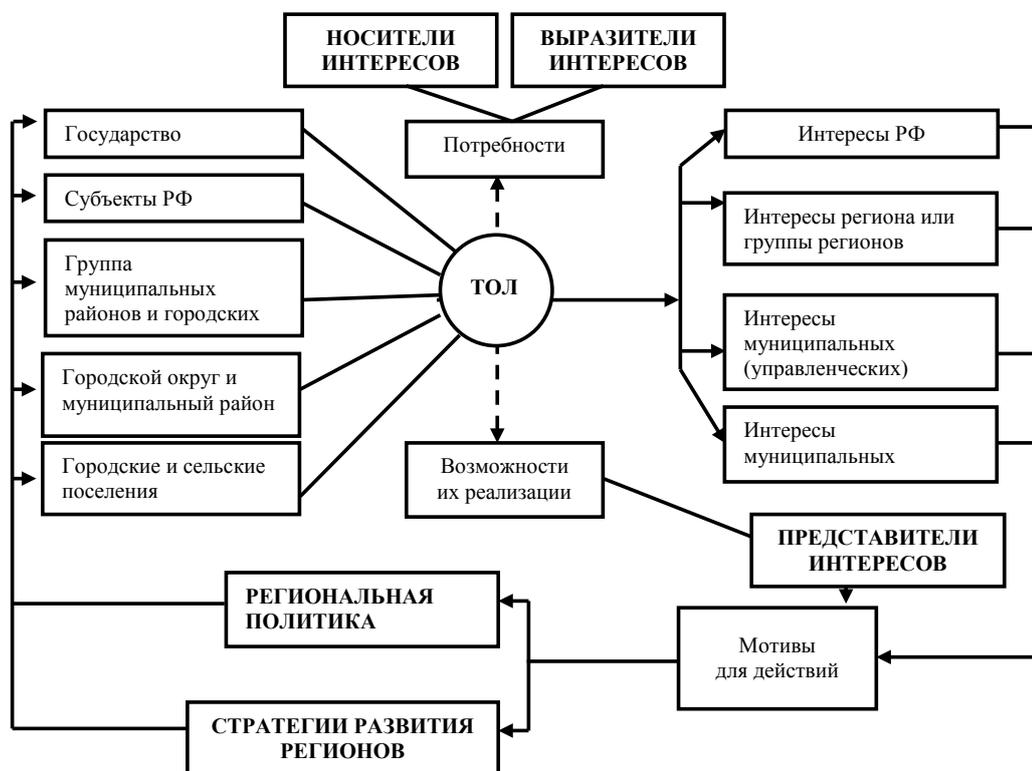

Рис. 1. Схема реализации интересов территории на основе мероприятий региональной политики (составлено авторами)

Определения региональной политики в научной и юридической литературе

Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев [4]	С.С. Артоболовский [3]	А.Т. Хрущев [8] и указ Президента РФ №803 [1]
Региональная политика государства – сфера деятельности по управлению политическим, экономическим, социальным и экологическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте, отражающая как взаимоотношения между государством и регионами, так и регионов между собой	Целенаправленная, институционально и законодательно оформленная деятельность органов государственной власти, имеющая целью достижение позитивных (с ее точки зрения) сдвигов в территориальной организации и структуре общества и/или хозяйства и осуществляемая присущими ей методами	Региональная политика в РФ представляет собой сферу деятельности органов государственной власти по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в региональном (пространственном) аспекте

На наш взгляд, под *региональной политикой* в Российской Федерации следует понимать совокупность (систему) мероприятий государственных, местных органов власти, а также иных управленческих структур по созданию условий для сбалансированного социально-экономического саморазвития регионов и достижения пространственного равновесия страны с соблюдением общенациональных, региональных и местных интересов.

Структура региональной политики как практической деятельности представлена на рис. 2.

Региональная политика осуществляется на разных территориальных уровнях. Среди них основными являются федеральный, собственно региональный и муниципальный, а дополнительными – федерально-окружной и межмуниципальный. На каждом из них формируется своя система целей и задач по управлению регионами. Так, на федеральном уровне основные цели связаны с сохранени-

Рис. 2. Структура региональной политики как практической деятельности (по М.Д. Шарыгину) [9]

ем единого экономического и политического пространства страны, государственного регулирования финансовых ресурсов, создания общих условий для саморазвития отдельных субъектов РФ, помощь депрессивным регионам, а также ликвидация последствий каких-либо экономических, политических и природных катастроф, национальная политика в области распорядительства и использования природных богатств, сохранения социальной справедливости и др. Решение этих и других задач окажет огромное влияние на устойчивое развитие как отдельных регионов, так и страны в целом.

Наиболее важным уровнем региональной политики, по нашему мнению, является уровень самих регионов-субъектов РФ. Региональное управление на данном уровне должно быть направлено, в первую очередь, на достижение социальных целей. Ведущей среди них является улучшение условий, повышение уровня и качества жизни населения. Приоритетными сферами должны стать образование, здравоохранение, культура, социальная защищенность населения, жилищно-коммунальное хозяйство.

Экономические цели ориентируются на поступательный рост темпов развития региональной экономики, повышение уровня комплексности и сбалансированности хозяйства, активизации функционирования слаборазвитых территорий, вывода из состояния депрессии муниципальных образований и городов, формирование региональных профицитных бюджетов и регулирование межбюджетных отношений, создание благоприятного инвестиционного климата, становление регионального рынка.

Экологические цели сводятся к созданию благоприятной и экологически чистой природной среды, комфортной жизни и деятельности населения.

Культурные цели заключаются в сохранении исторического наследия, уклада жизни, быта, традиций, фольклора, культуры, искусства и языка каждого этноса, создания благоприятной внутренней среды развития отдельных местностей, городов и сельских территорий.

Для достижения этих целей необходимо ориентироваться на стратегические цели социально-экономического развития страны, учитывая интересы самих регионов и их муниципальных образований.

В переходный период развития российского общества региональная политика субъектов РФ разрабатывается и реализуется по следующим направлениям:

1. Обеспечение социальной защищенности населения, повышение уровня жизни малообеспеченных слоев, снижение уровня безработицы.

2. Создание экологически благоприятной среды жизнедеятельности ТОЛ и каждого человека, повышение качества и совершенствование образа жизни людей.

3. Стимулирование процессов укрепления семьи, улучшение демографической ситуации в регионах, снижение уровня безработицы.

4. Снижение социально-экономической и политической напряженности.

5. Становление новых рыночных структур, поддержка малого бизнеса, предпринимательства, предприятий всех форм собственности, цивилизованной конкуренции региональной экономики.

6. Обеспечение эффективного функционирования социальной, производственной, рыночной и экологической инфраструктуры.

Формирование местных бюджетов и внебюджетных фондов, изыскание ресурсов пополнения финансовых доходов регионов.

Рациональное использование природных ресурсов, их воспроизводство и охрана окружающей среды.

9. Совершенствование региональных систем расселения населения, улучшение районной планировки, формирование цивилизованного облика городов и сел.

10. Обеспечение комплексного и сбалансированного социально-экономического развития муниципальных территорий путем реализации концепций, прогнозов, программ, проектов.

11. Поддержка сельскохозяйственного производства, планирование использования земель сельскохозяйственного назначения.

12. Организация транспортного обслуживания населения всеми видами транспортных средств регионального и межрегионального значения.

13. Обеспечение рационального развития образования, здравоохранения, объектов культуры и искусства регионального значения.

14. Охрана памятников природы, истории и культуры регионального значения.

15. Организация внешних связей, создание благоприятного инвестиционного климата.

Совокупность этих и иных задач является наиболее важной и универсальной для большинства регионов – субъектов РФ, в т.ч. и для Пермского края. Однако, чтобы применить адекватные и действенные механизмы регионального управления, необходимо учесть экономическую, социально-культурную, национально-этническую и экологическую специфику региона.

Пермский край – один из новых субъектов России, образованный 1 декабря 2005 г. путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Среди основных особенностей Уральского Прикамья следует отметить:

- положение внутри Евразийского материка и транзитное положение внутри России;
- малокомфортные условия для проживания населения, связанные с нахождением в относительно высоких широтах северного полушария;
- богатейший природно-ресурсный потенциал, включающий топливно-энергетические, минеральные, водные, лесные и рекреационные ресурсы;
- происходящая длительное время депопуляция, обусловленная естественной и миграционной убылью населения;
- сложная экологическая обстановка, обусловленная промышленным характером развития региона и нерациональным природопользованием;
- двойственный характер региональной экономики, связанный с активным развитием добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности;
- сырьевая ориентация региональной экономики, тесно связанная с тенденциями мировой конъюнктуры;
- сложная криминальная обстановка;
- недостаточная транспортная освоенность региона, особенно его северной и северо-западной частей;
- недоиспользование научного и интеллектуального потенциала в развитии социэкономике;
- суперконцентрация населения и производственных мощностей в Пермском узле и чрезмерно слабое развитие региональной периферии и др.

Социально-гуманистические приоритеты региональной политики Пермского

края в условиях становления социэкономике. Принимая во внимание необходимость сбалансированного развития социально-культурных, нравственно-гуманистических и экономических целей развития Пермского края в ходе реализации социэкономической парадигмы, мы определяем в качестве приоритетного ориентира региональной политики – создание условий для качественного социально-демографического развития региона. В его основе мы видим создание условий для снижения количества бедного населения, создания комфортной социально-культурной среды проживания населения в городской и сельской местности Пермского края, а также сохранение современных тенденций высокого уровня рождаемости, снижение уровня смертности и повышение среднеожидаемой продолжительности жизни. На наш взгляд, региональная социально-демографическая политика в Пермском крае должна иметь конечной целью создание благоприятной среды для самореализации и самоактуализации населения Уральского Прикамья, а следовательно повышение роли человеческого потенциала в жизни региона, в т.ч. и в его хозяйственном комплексе.

Среди основных программных мероприятий в области социально-демографического развития Пермского края выделим наиболее важные:

1) снижение общего уровня смертности населения региона и повышение среднеожидаемой продолжительности жизни.

Динамика показателя смертности населения Пермского края, представленная на рис. 3, свидетельствует о снижении данного коэффициента в последнее пятилетие. Однако в целом он остается очень высоким и не соответствует уровню 1990 г. Данный факт свидетельствует об относительно низком уровне и качестве жизни населения региона, так как именно условия проживания человека в определенной комфортной или некомфортной для него среде формируют тенденции продолжительности жизни. Наиболее высокий коэффициент смертности внутри Пермского края демонстрируют депрессивные территории севера и северо-запада региона (районы Коми-Пермяцкого округа), депрессивные города Горнозаводского Прикамья (Гремячинск, Губаха, Кизел), многие агроориентированные муниципалитеты на западе и юго-востоке региона (Сивинский,

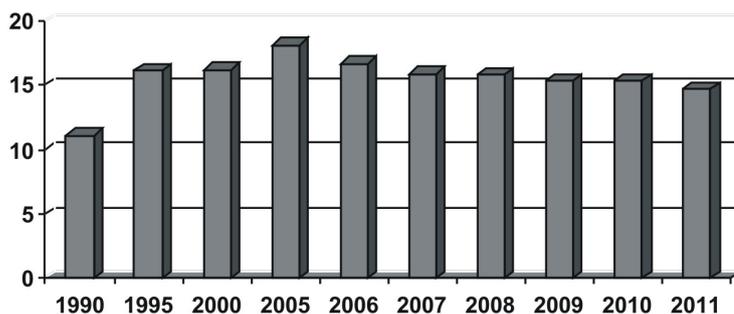

Рис. 3. Динамика общего коэффициента смертности населения Пермского края в 1990–2011 гг., % [11]

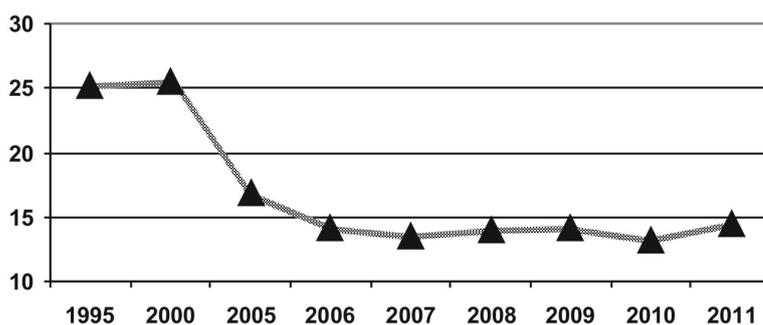

Рис. 4. Численность населения Пермского края с доходами ниже величины прожиточного минимума, % ко всему населению [11]

Карагайский, Уинский, Кишертский и др. районы). Здесь высока смертность и среди пожилого населения (в связи с резким постарением территорий в результате миграции молодежи в 1990-е и 2000-е гг.), и среди трудоспособного населения, особенно мужчин.

Для преломления данных тенденций, на наш взгляд, необходимо проведение комплексной региональной политики, включающей социально-экономические и пропагандистские меры. Среди них отметим:

а) оптимизация территориальной организации сферы здравоохранения региона и повышение ее материальной и транспортной доступности, особенно для жителей сельской местности; поиск новых моделей медицинского обслуживания населения на удаленных территориях;

б) создание условий для реструктуризации экономики указанных территорий, в том числе через развитие коллективных форм хозяйствования на селе при помощи государства и региона, модернизации имеющихся и появления новых производств на основе имеющихся ресурсов; активная поддержка частной инициативы населения;

в) профилактика негативных социальных явлений (алкоголизм, наркомания) и борьба с ними;

г) профилактика смертности мужчин, находящихся в трудоспособном возрасте;

2) осуществление мероприятий для повышения уровня жизни населения Пермского края, в т.ч. борьба с материальной бедностью, изменение структуры доходов домохозяйств и др.

Анализ рис. 4 свидетельствует о том, что на протяжении последнего десятилетия официальный показатель бедного населения Пермского края остается стабильным и держится на уровне 15%. В то же время, судя по официальным статистическим данным, ежегодно происходит повышение среднего уровня заработной платы населения региона (в настоящее время она составляет порядка 19 тыс. руб.). Соотношение этих двух тенденций означает возрастание количественной разницы между самыми богатыми и самыми бедными жителями края, снижение потенциальных возможностей для сокращения диспропорций в доходах населения региона. Можно «нарисовать» и портрет средне-

Интегральный индекс качества жизни населения муниципальных образований Пермского края (2006 г., по В.А. Сухих) [7]

Муниципальные образования	Интегральный индекс качества жизни
Городской округ Пермь	0,990
Чайковский район	0,752
Городской округ Кунгур	0,650
Ильинский район	0,220
Большесосновский район	0,219
Кудымкарский район	0,211
Кизеловский район	0,205
Чердынский район	0,190
Гремячинский район	0,070

статистического жителя Пермского края: это человек моложе или старше трудоспособного возраста, либо человек трудоспособного возраста, не занятый в экономике или занятый в отраслях, испытывающих перманентный структурный кризис (сельское и лесное хозяйство, легкая промышленность). Если количественно оценить число жителей региона, подходящих под данное описание, то получится цифра примерно в 1 млн. чел., а это больше трети населения региона. Таким образом, в потенциальной категории риска бедности находится больше людей, чем учитывается официальной статистикой.

Согласно большинству исследований, наиболее низкий уровень, и как следствие – качество жизни в Пермском крае демонстрируют муниципальные образования Коми-Пермяцкого округа, восточной части края в пределах бывшего Кизеловского угольного бассейна и аграрные районы на западе региона (табл. 2).

Для решения указанных проблем необходимо реализовать следующие группы мероприятий:

а) создать условия для развития предпринимательской активности населения, снижения административных и бюрократических барьеров для малого и среднего бизнеса во всех видах экономической деятельности. В структуре доходов населения Пермского края на 2011 г. доходы от предпринимательской деятельности занимают лишь третье место и имеют показатель в 11% от всех доходов населения. По-прежнему, велика доля заработной платы (более 32%) и социальных выплат населению со стороны государства и региона (17%) [11]. На наш взгляд, наиболее перспективными для

развития малого и среднего бизнеса в Пермском крае в настоящее время являются торговля и общественное питание, туризм и рекреация, различные отрасли промышленности, агропромышленный комплекс, бытовые и автотранспортные услуги;

б) активная политика в области занятости населения, связанная не только с учетом граждан в Центрах занятости населения и выплаты пособия по безработице, но и переквалификацией, переобучением специалистов, развитием общественных работ, финансовой поддержкой частных инициатив;

в) поддержка и возрождение сельской местности, реструктуризация промышленности в депрессивных территориях, формирование условий для закрепления молодежи на «малой родине»;

3) важным направлением в социально-демографической политике мы также считаем создание комфортной среды жизнеобитания человека. Оно проявляется в повышении внутренней и внешней attractiveness поселений региона, решении экзистических проблем, создании благоприятного мнения населения и гостей о Пермском крае и об отдельных муниципалитетах.

В настоящее время в регионе реализуется несколько важных проектов, которые могут способствовать выполнению указанных мероприятий. В частности, успешным можно признать проект краевого Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций «59 фестивалей – 59-му региону». В его рамках круглогодично Пермский край становится сценой проведения различных театральных, музыкальных, художественных фестивалей, имеющих общероссийский и мировой мас-

штаб: «Флаэртиана», «Белые ночи», «Кубок ледовой скульптуры», «Небесная ярмарка» и др. Важно отметить, что многие из них проходят не только в краевой столице, но и в городах и районах региона.

Проектом, стимулирующим реализацию человеческого потенциала в Прикамье, является и конкурс «Пермский край – территория культуры», который также ежегодно реализуется Министерством культуры. Он направлен на реализацию в Перми и территориях региона инновационных социально-культурных проектов, развитие современного менеджмента в сфере культуры, поддержку инициатив на конкурсной основе.

Другая группа мероприятий, направленных на улучшение социально-культурного климата на территории Пермского края, связана с развитием регионального въездного туризма. К сожалению, регион надо отнести к непопулярным для посещения иногородними и иностранными гостями вследствие ряда объективных и субъективных причин. Общее количество приезжающих сюда туристов можно оценить в несколько десятков тысяч человек в год, а общий доход от туристско-рекреационной деятельности в структуре валового регионального продукта составляет порядка 1%.

Несмотря на негативные тенденции, регион обладает рядом преимуществ для развития въездного туризма. К ним относятся богатый туристско-рекреационный потенциал, позволяющий развивать различные виды туризма круглогодично, а также большое стремление региональной власти и отдельных муниципалитетов к поддержке туризма. Кроме Перми, важными туристскими центрами являются города Кунгур, Чердынь, Соликамск, Пермский и Чусовской районы.

На наш взгляд, для увеличения доходности внутреннего туризма необходимо способствовать развитию транспортной инфраструктуры, а также индустрии сервиса, а также в соответствующих законодательных актах выделить приоритетные виды отдыха населения для развития в разных частях Пермского края. Так, если для г. Перми это будет огромное число всевозможных видов туризма, способствующих комплексности процесса развития, то для Коми-Пермяцкого округа приоритетным мог бы стать этнокультурный, для Березниковско-Соликамской агломерации – историко-культурный,

для Горнозаводского Прикамья – промышленный, горнолыжный, событийный, для западных муниципалитетов – активная охота и рыбалка, экологический туризм и т.д.

Повышению комфортности среды жизнеобитания человека будут способствовать также реализация разнонаправленных экологических мероприятий, озеленение территории городов и сельской местности, создание спортивных и детских площадок, создание условий для полноценной защиты жизни граждан и их имущества и др.

Если говорить о соблюдении экологических императивов как условия развития современной социэкономике, то необходимо отметить, что экологическая ситуация в Пермском крае остается достаточно острой. Для региона характерны проблемы загрязнения водных ресурсов и атмосферного воздуха, утилизации твердых бытовых и промышленных отходов, водная и ветровая эрозия почвы, связанная с неправильной распашкой территорий, недостаточное восстановление лесных запасов, снижение биоразнообразия. Особенно ярко антропогенная нагрузка на территорию региона проявляется в крупнейших городах – Перми, Березниках, Соликамске и Чайковском, а также городах горнозаводской части региона (территория бывшего Кизеловского угольного бассейна, Чусовского и Лысьвенского районов).

Решение указанных проблем должно быть системным и осуществляться в рамках региональной экологической политики, а также в ходе экологического воспитания и образования населения. Региональное управление в области экологического развития и природопользования должно быть продуманным и соответствовать степени кризисности и специфичности ситуации. Так, наиболее важным направлением экологической политики для Березниковско-Соликамской промышленной агломерации, а также Кизеловского, Гремячинского, Губахинского и Чусовского районов должна стать рекультивация земель в ходе устранения последствий подземной добычи полезных ископаемых, защиты водных ресурсов от отходов химической промышленности, очистка рек от кислых вод угольных шахт; для Коми-Пермяцкого округа – мероприятия по лесовосстановлению и защите от незаконных вырубок; для южных территорий – мероприятия по защите плодородных почв от негативных

последствий добычи нефти, неправильной обработки земли в ходе сельскохозяйственных работ и т.д.

В целом, данная большая группа направлений социально-демографического, социально-культурного и экологического развития Пермского края могла бы способствовать:

- повышению качества жизни населения, а следовательно и замедлению процессов естественной убыли населения;
- снижению миграционного оттока высококвалифицированной активной части населения из Пермского края;
- реализации творческих возможностей населения региона, частных инициатив;
- созданию благоприятного психологического климата на территории Прикамья;
- повышению производительности труда;
- привлечению дополнительных доходов в региональный бюджет;
- повышению инвестиционной привлекательности Пермского края.

Таким образом, мы можем заключить, что благоприятные социально-культурные тенденции будут способствовать сбалансированному развитию экономики, развитию социоэкономических процессов в Пермском крае, успешному осуществлению региональной экономической политики.

Цели и направления региональной экономической политики на современном этапе развития Пермского края. Управление экономикой является базисным направлением региональной политики в любом из субъектов РФ. От действенности и эффективности ее проведения зависят уровень национального богатства всей страны и каждого региона, условия и качество жизни населения. *Главной целью региональной экономической политики* является обеспечение условий для стабилизации и устойчивого развития региональных экономик, создания прочной базы жизнедеятельности людей.

Реализация управленческих решений в области развития регионального хозяйства Пермского края, так же как и России, происходит в достаточно сложных условиях. Они обусловлены: 1) историческим наследием XX столетия и 2) современными ошибками переходного периода.

Региональная экономика советского государства развивалась на основе монопольной собственности, жесткого директивного планирования и ведомственно-отраслевого диктата. В процессе функционирования в ней проявились следующие негативные тенденции:

1. Деформация структуры экономики регионов в сторону военно-промышленного и горно-добывающего комплексов. Отраслевая структура промышленности Пермского края сложилась к середине 1980-х гг. Ее основу составляли отрасли, производящие военную продукцию и продукцию для других отраслей народнохозяйственного комплекса. Гражданские технологии развивались вторично по отношению к первым.

2. Гигантизм во всех сферах экономики, сопровождавшийся чрезмерной заводской и территориальной концентрацией производства. Примером данной тенденции в Уральском Прикамье может служить г. Пермь, который и в настоящее время производит более 60% стоимости всей промышленной продукции региона. С ней связано и развитие негативной практики существования моноспециализированных поселений, достаточно широко представленных в Пермском крае (Чусовой, Александровск, Нытва, Очер, Добрянка и др.).

3. Застой в сельскохозяйственном производстве, господство колхозно-совхозной (по существу, государственной) собственности и, как результат, импорт зерна и продовольствия. Распад этой системы в 1990-х гг., переход к самостоятельности предприятий показал их несостоятельность и малую рентабельность. Как следствие, это определило деградацию сельской местности, значительный отток молодого населения в города, неперспективность многих деревень и сел на западе и юго-востоке Пермского края. Сложная ситуация сложилась в Карагайском, Сивинском, Оханском, Кишертском, Уинском районах в связи с закрытием сельскохозяйственных предприятий и широким распространением социальных болезней.

4. Чрезмерная трудозатратность, повышенная сырьевая и энергетическая емкость экономики, низкое качество продукции. Они определили более высокую себестоимость отечественных и региональных товаров и их меньшую конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках.

5. Отсутствие конкуренции между товаропроизводителями, что снижало возможности для модернизации производств, внедрения новых технологий и оборудования, расширения ассортимента выпускаемой продукции.

Перестройка общества и реформирование экономики должны были исправить сложившиеся диспропорции и обновить хозяйство. К сожалению, неопределенность целей проводимых реформ, копирование западных образцов развития региональной экономики без учета местной специфики, использование метода проб и ошибок не ликвидировали негативные тенденции прошлого. Более того, они создали дополнительные условия для углубления кризисных ситуаций, в т.ч.:

- углубился структурный кризис в экономике, увеличилась невостребованность продукции, произошел резкий спад производства;
- приватизация и акционирование предприятий, проведенные хаотично, привели к расширению монополизма, концентрации капитала на счетах отдельных лиц и группировок;
- региональные рынки не смогли взять на себя регулирующие функции;
- произошел распад хозяйственных связей;
- появились региональные сочетания спада промышленного производства и роста инфляции, наметилась «спадинфляция»;
- углубился кризис в сельской местности, «реформирование» колхозов и совхозов сопровождалось разрушением уклада жизни крестьян, фермеризация шла с отклонениями, что заметно повлияло на снижение объемов сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, в настоящее время для преодоления негативных тенденций развития региональной экономики необходима новая экономическая политика, которая будет способна оживить саморазвитие и самоорганизацию территории.

Она должна создаваться и основываться на новых принципах, в частности принципе партнерства и сотрудничества. Следует подчеркнуть, что в едином политическом пространстве России все регионы и муниципальные образования развиваются под влиянием территориального разделения и интеграции труда, услуг, культуры, информации.

Сфера сотрудничества, включая территориальное разделение труда, существенно расширяет возможности коммуникации за счет взаимодействия территориальных общностей людей, становления стройной структуры вертикальной соподчиненности органов территориального управления, формирования общественных, коммерческих и партийных организаций.

Также должны учитываться принципы:

- совершенствования пространственной структуризации региональных социоэкономик;
- сглаживания региональных экономических диспропорций и повышения сбалансированности общего экономического пространства;
- сбалансированного развития всех хозяйственных объектов в структуре территориально-производственных сочетаний;
- оптимизации производственной специализации региональной социоэкономики, функционирующей в системе единого экономического пространства страны и выступающей звеном в территориальном разделении труда;
- согласованности интересов центра и регионов, городской и сельской местности, региональных властей, местного самоуправления и субъектов хозяйствования;
- инвестиционной привлекательности территории, сочетающей региональный маркетинг и государственную поддержку.

Универсальными общероссийскими задачами управленческих органов при проведении региональной экономической политики должны стать:

- активизация роста производства и благосостояния народа;
- оптимизация структуры региональных экономик в направлении удовлетворения потребностей населения, в частности развитие сферы обслуживания и производства промышленных товаров гражданского назначения;
- способствование созданию рациональных вертикальных и горизонтальных хозяйственных связей, формированию промышленных и агрохолдингов на основе энергопроизводственных процессов;

- содействие разнообразию форм собственности, организации малого и среднего бизнеса;
- дальнейшая поддержка конверсии военно-промышленного комплекса;
- проведение системных мероприятий для вывода из кризиса депрессивных территорий. Для Пермского края такими могут считаться муниципальные образования Коми-Пермяцкого округа, горнозаводские районы на востоке региона, аграрно-индустриальные территории на западе. В настоящее время они подвержены процессам деградации промышленного комплекса, лесного и сельского хозяйства.
- содействие развитию новых модернизационных производств, основанных на интеллектуальных технологиях и автоматизации и т.д.

Особое внимание следует обратить на территориальные особенности организации социэкономике Пермского края.

1. Важным аспектом региональной экономической политики является создание активной воспроизводственной структуры регионального хозяйства. При этом нужно учитывать такие его особенности, как комплексирование, сбалансирование структурных образований и производственную специализацию. Для повышения эффективности реализации управленческих решений желательно использовать концепции энергопроизводственных циклов (ЭПЦ), региональных кластеров и межотраслевых комплексов, которые позволят регулировать воспроизводственные процессы. В структуру циклов можно удачно «вписать» холдинги, финансово-промышленные группы, территориальные союзы товаропроизводителей, союзы потребителей и т.д.

В различных частях Пермского края на основе местных ресурсов могут развиваться один или несколько промышленных ЭПЦ с формированием соответствующих промышленных кластеров. Важной особенностью современной территориальной организации социэкономике в муниципалитетах края должна стать диверсификация производства, развертывание ступеней и звеньев старых и новых ЭПЦ [5]. В том числе большее развитие должна получить группа циклов, названная еще Н. Н. Колосовским, «совокупностью циклов перерабатывающей индустрии».

В муниципальных образованиях, расположенных в пределах Пермской городской агломерации, развитие должны получить циклы перерабатывающей индустрии с ориентацией на наукоемкое производство, нефте- и газоэнергохимический, лесозэнергохимический (особенно его верхние стадии), индустриально-строительный, индустриально-аграрный циклы.

Будущее Березниковско-Соликамского промышленного узла, Чердынского и Красновишерского районов связано с дополнительным развертыванием и замыканием технологических цепочек горно-химического (с выходом на малотоннажную химию), лесозэнергохимического циклов и пирометаллургического цикла цветных металлов. В пределах городской агломерации Березников и Соликамска возможно формирование научно-производственного химического комплекса.

Прикамско-Горнозаводские территории характеризуются пирометаллургическим циклом черных металлов, газоэнергохимическим, индустриально-строительным циклами, традиционными для них. Большее развитие должен получить лесозэнергохимический цикл (начиная с нижних стадий). В дальнейшем с привлечением инвесторов и внедрением наукоемких технологий, возможно, большее развитие получат также машиностроительные производства.

Перспективы Коми-Пермяцкого округа на сегодняшний день связаны, прежде всего, с полномасштабным и разнонаправленным развитием лесозэнергохимического и индустриально-аграрного ЭПЦ.

Промышленное производство муниципальных образований на юго-востоке края (в районе Кунгурского промышленного центра) основано на развертывании индустриально-аграрного, индустриально-строительного, машиностроительного циклов. В дальнейшем роль первого и третьего цикла должны увеличиться.

Для юго-западных и западных муниципальных районов Пермского края характерна ориентация на диверсификацию производств в нефте- и газоэнергохимическом циклах (Чайковский, Осинский, Чернушинский, Куединский районы), циклах перерабатывающей индустрии (машиностроительный и текстильно-промышленный) (Верещагинский, Очерский районы), а также на углубление переработки сельскохозяйственного

сырья (индустриально-аграрный цикл). В перспективе – роль всех перечисленных циклов должна увеличиться в связи с выгодностью транспортно-географического положения указанных муниципалитетов и развитием сотрудничества с соседними регионами – субъектами РФ.

2. В региональной экономической политике необходимо учесть специфику размещения производительных сил и функционирования соответствующей инфраструктуры. Особое внимание следует уделить обеспечению сбалансированного развития региональной социэкономике и транспортной инфраструктуры, а также пропорциональности в развитии отдельных инфраструктурных субъектов.

Для Пермского края можно отметить сочетание позитивных и негативных черт в обеспеченности транспортной доступности территорий для грузов и пассажиров. С одной стороны, транспортно-географическое положение региона можно охарактеризовать как выгодное: по его территории проходят три крупные широтные магистрали, имеющие общенациональное значение: а) железная дорога Казань – Екатеринбург – Омск; б) северный ход Транссибирской дороги и 3) федеральная автомобильная трасса E22, а также несколько крупных магистральных трубопроводов и крупных ЛЭП. Все они «насквозь прошивают» регион. В этом отношении территорию Уральского Прикамья можно назвать транзитной. Благодаря существующему положению вещей край имеет возможность завозить на свою территорию недостающее сырье (например, железную руду, каменный уголь), готовые товары, а также вывозить собственную продукцию как в регионы западной, так и восточной экономических макрозон страны, полностью обеспечивать себя природным газом и нефтью, электроэнергией, диверсифицировать видовую структуру регионального хозяйства, повышать качество жизни людей и т.д. Однако, необходимо отметить один нюанс: широтные магистрали (имеющие большое значение для широтно вытянутой России) пересекают Пермский край в самой узкой ее части (расстояние от Верещагино до Кунгура по прямой не более 250 км). Таким образом, в вытянутом с севера на юг Пермском крае максимальную пользу от транзитного положения получают лишь некоторые экономические узлы и центры.

С другой стороны, в регионе практически отсутствует транзитный коридор северо-южного направления: нет надежной связи с Республикой Коми, Кировской областью, недостаточное развитие получили транспортные магистрали, идущие в Республику Башкортостан. Единственным исключением здесь является р. Кама, протекающая с севера на юго-запад Уральского Прикамья, но и она мало используется для перевозки грузов, а перевозка пассажиров с помощью внутреннего водного транспорта вообще отсутствует. Таким образом, в результате сложившейся транспортной ситуации большинство северных и многие южные муниципальные образования Пермского края имеют ограничения в своем экономическом развитии.

Для решения транспортных проблем региона в области региональной экономической политики следует осуществить ряд мероприятий по модернизации имеющихся и строительству новых транспортных магистралей.

В частности, в широтном направлении требуется модернизация федеральной трассы Казань – Ижевск – Пермь – Екатеринбург с увеличением ее пропускной способности, строительство железнодорожного обхода г. Перми для снижения нагрузки на ст. Пермь Сортировочная (проект включен в Стратегию развития железных дорог России до 2030 г.), продолжение обустройства прямой автомобильной трассы Киров – Пермь через Афанасьевский район Кировской области, строительство автодороги регионального значения Коса – Соликамск для вывоза лесной продукции на переработку в промышленные центры и узлы.

В меридиональном направлении необходимо сделать значительно больше. В частности, из реализующихся проектов можно отметить строительство федеральной трассы Пермь – Кудымкар – Сыктывкар, которая позволит создать общий лесопромышленный кластер на пограничных территориях Пермского края и Республики Коми, обустройство новой ЛЭП, идущей в том же направлении. В перспективе важное значение могут иметь строительство железнодорожной магистрали Белкомур (Соликамск – Гайны – Сыктывкар – Архангельск), формирование трубопроводной системы Пермский край – арктическое побережье Европейской части России. Стратегически важными проектами для региона остаются формирование южного коридора

Пермский край – Республика Башкортостан, а также возобновление активного судоходства по Волжско-Камской речной системе.

3. Немаловажное значение при разработке и проведении региональной экономической политики имеет рациональная территориальная организация производительных сил. Необходимо обосновать и последовательно претворять в практику концепцию опорного каркаса расселения, в которой наметить полюса и оси хозяйственного развития, поддержать развитие экономических узлов и центров с учетом экономического равновесия. В регионе должен быть создан территориальный экономический каркас во главе с городами перспективного роста.

К сожалению, исследования показывают [6], что в настоящее время в Пермском крае определяющей тенденцией пространственного развития является суперконцентрация экономики и населения в пределах муниципальных образований, входящих в Пермскую городскую агломерацию. На 12% территории края производится по совокупной стоимости более 60% промышленной продукции. Причину сложившейся ситуации необходимо искать, прежде всего, в советском индустриальном прошлом края. В настоящее время тенденция еще более усилилась, что связано с более диверсифицированной (а значит более устойчивой) отраслевой структурой, наличием видов экономической деятельности, продукция которых является конкурентоспособной и пользуется большим спросом, прежде всего, на мировом рынке, сосредоточением финансовых активов, научно-технического потенциала в краевой столице, административно-управленческим эффектом.

Рост промышленного производства здесь продолжается за счет его снижения в полупериферийной и периферийной зонах. Резкое снижение доли в постперестроечный период южно-прикамской промышленной группировки с центром в г. Чайковский и верхнекамской с центром в Березниковско-Соликамской агломерации, претендующих на роль второго и третьего промышленных ядер, связано с недостаточным развитием пропульсивных отраслей, снижением объемов нефтедобычи (Куединский, Чернушинский районы), слабой взаимозависимостью предприятий, преимущественным развитием отраслей неглубокой обработки сырья (производство минеральных удобрений, титановой губки, бумаги), боль-

шой зависимостью крупнейших предприятий от мировой конъюнктуры.

Снижение доли прикамско-горнозаводской группировки в промышленном производстве Пермского края связано с закрытием шахт Кизеловского угольного бассейна, полным распадом технолого-экономических связей между городами и поселками, проблемами монопрофильности производства, значительным устареванием оборудования и технологий и др. причинами.

Для преодоления сложившейся ситуации необходимо способствовать качественному росту Пермском городской агломерации, который будет выражаться в «разгрузке» г. Перми от непрофильных функций и росте субцентров агломерации, к которым можно отнести Верещагино, Оханск, Нытву, Краснокамск, Уральский, Добрянку, Кукуштан и др. За пределами краевого центра интенсивное развитие также могут получить транспортно-логистические услуги, туристско-рекреационное хозяйство, некоторые виды производственной и непромышленной деятельности, в частности деревообработка, пищевая промышленность и производство строительных материалов, общее машиностроение и авторемонт.

В пределах экономической полупериферии Пермского края опорными точками хозяйственного каркаса останутся Кунгур, Чайковский, Кудымкар, Губаха, Березники, Соликамск, Лысьва и Чусовой.

4. Наконец, еще одним важным направлением региональной политики в области территориальной организации социэкономии должно стать создание соответствующих организационных структур, необходимых для адекватного воплощения мероприятий региональной политики. Они связаны с созданием органов исполнительной власти в Правительстве Пермского края, а также управленческих структур на межмуниципальном уровне.

Необходимо отметить, что по примеру Российской Федерации в Пермском крае создано Министерство территориального развития, основными функциями которого являются [12]:

- реализация единой региональной политики в сфере развития территорий Пермского края;
- разработка и реализация проектов и программ в установленной сфере деятельности;

- осуществление контроля за целевым использованием субсидий, предоставленных бюджетам муниципальным образованиям на реализацию инвестиционных проектов (целевых программ), завершение строительства объектов общественной инфраструктуры муниципального значения;
- разработка и реализация краевых комплексных программ муниципального развития, в том числе антикризисных мероприятий и программ оптимизации структуры расселения в Пермском крае и др.

Кроме того, для вывода конкретных территорий региона из состояния социально-экономической депрессии в 2006 г. было создано Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, а в конце 2012 г. Министерство по развитию территорий Кизеловского угольного бассейна (КУБа). Оба министерства расположены на местах – в г. Кудымкаре и г. Кизеле – и призваны осуществлять мониторинг, анализ, планирование и прогнозирование социально-экономического развития соответствующих муниципалитетов, контролировать расходования бюджетных средств, выделяемых на реструктуризацию территорий, поддерживать проекты и инициативы

по преодолению сложившейся негативной ситуации.

Свою деятельность данные министерства осуществляют в рамках долгосрочных целевых программ. В частности, Министерство по развитию территорий Кизеловского угольного бассейна реализует «Комплексный план социально-экономического развития территорий КУБа на 2014–2016 гг.» [13]. Для того чтобы их деятельность была более эффективной, необходимо содействовать созданию партнерских отношений между органами власти, муниципалитетами, бизнес-структурами и научным сообществом. Подобное сотрудничество могло бы быть организовано на межмуниципальном уровне региональной политики в рамках работы ассоциаций экономического сотрудничества, существующих в Пермском крае.

Таким образом, реализация указанных мероприятий региональной политики в области территориальной организации социэкономике Пермского края будет способствовать достижению стратегической цели развития региона – повышению уровня и качества жизни проживающего здесь населения, возможности удовлетворения ими своих потребностей и самореализации человеческого потенциала населения.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 03 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 11 июня.
2. Анимидца Е.Г., Сухих В.А. Социэкономика: системные представления, дефиниции, предметное поле // Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / Общ. ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург, 2007. – С. 229–242.
3. Артоболевский С.С. Региональная политика: опыт развитых стран и становление в РФ // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: Эдиториал-УРСС, 2001. – С. 275–293.
4. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. – СПб., 1998. – 460 с.
5. Лучников А.С. Вопросы территориальной организации промышленного производства на внутрирегиональном уровне // Географическое изучение территориальных систем: материалы всерос. конф. студ., асп., молодых ученых. – Пермь, 2009. – С. 152–157.
6. Лучников А.С. Проблемы территориальной организации промышленного производства Пермского края // Территориальная организация общества и управление в регионах: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2009. – С. 65–70.
7. Сухих В.А. Социэкономика региона: методология исследования, тенденции развития и механизмы управления. – Пермь, 2008. – 264 с.
8. Хрущев А.Т. Географические основы государственной региональной политики в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1999. – № 4. – С. 3–10.
9. Шарыгин М.Д. Основы региональной политики: учеб. пособие. – Пермь, 2005. – 224 с.
10. Шарыгин М.Д. Региональная социэкономика: эволюция понятия и гуманизация содержания // Устойчивое развитие социэкономике регионов: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2012. – С. 3–8.
11. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: www.gks.perm.ru (дата обращения: 19 января 2013 г.)
12. Официальный сайт Правительства Пермского края. URL: <http://www.permkrai.ru> (дата обращения: 19 января 2013 г.)
13. Изотов И. В Пермском крае создано Министерство по делам угольного бассейна. URL: <http://www.kizel.ru/index.php?mod=news&id=1645> (дата обращения: 19 января 2013 г.)

ИСТОРИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Забелин П.В. (Смоленск)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Zabelin P.V.

ROLE OF A ZEMSTVO AND CITY SELF-MANAGEMENT IN THE DECISION OF A FOOD QUESTION IN PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (on materials of Smolensk province)

Аннотация. В статье рассматриваются основные мероприятия земского и городского самоуправления Смоленской губернии по решению продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны.

Abstract. In article the actions local government of Smolensk province under the decision of a food question in days of the First World War are considered.

Ключевые слова: Смоленская губерния, земство, городское самоуправление, особое совещание по продовольствию.

Keywords: Smolensk province, a zemstvo, city self-management, Special meeting on the foodstuffs.

Смоленская губерния традиционно испытывала трудности со снабжением населения продовольствием. Так, в 1907 г. было ввезено 9280 тыс. пудов зерна и муки, в 1908 г. – 12537 тыс. пудов, в 1909 г. – 12093 тыс. пудов [4, с. 107]. Из всех ввозимых в губернию хлебных продуктов три четверти составляли рожь в зерне, пшеничная и ржаная мука. По подсчётам Н.Д. Кондратьева, в Смоленской губернии в 1909–1913 гг. ощущался недостаток хлеба на душу населения 4,7 пудов [24, с. 94]. Перегрузка железных дорог и запрет вывоза продовольствия из производящих регионов в годы войны усилили дефицит. Кроме того, население губернии в 1914–1915 гг. значительно увеличилось за счёт размещённых войск и притока беженцев осенью 1915 года.

Возможность воздействовать на рынок продовольствия и обеспечивать продовольственную безопасность территории была предоставлена земствам и городским самоуправлениям задолго до начала Первой мировой войны. Согласно Положению о земских учреждениях, в круг задач земств входило «заведывание делами по обеспечению народного продовольствия, попечение об устранении недостатка продовольственных

средств и оказание пособий нуждающемуся населению разрешенными законом способами» [1, с. 495]. На земство возлагалось также «воспособление <...> местному земледелию, торговле и промышленности» [1, с. 496]. Статья III Городового положения одной из функций городского самоуправления называла «попечение об устранении недостатка продовольственных средств способами, имеющимися в распоряжении общественного управления» [2, с. 433].

В задачи городского самоуправления входило также «воспособление зависящими от общественно управления способами развитию местной торговли и промышленности, устройство рынков и базаров, надзор за правильным производством торговли» [2, с. 434]. Статья 127 Устава об обеспечении народного продовольствия предоставляла «городским общественным управлениям с разрешения губернаторов или градоначальников» право устанавливать таксы на «печёный хлеб и мясо» [3].

Население Смоленской губернии раньше других губерний стало ощущать экономические трудности, связанные с начавшейся войной. В первую очередь они отразились на городском населении. В Смоленске уже 24

июня 1914 г. было отмечено «чрезвычайное повышение цен <...> на предметы массового потребления и главным образом на хлеб» [16, л. 56]. С первого же дня мобилизации в городе наблюдалось «стремление городских жителей к приобретению запасов на будущее, обусловленное, по-видимому, боязнью остаться в недалёком будущем без продуктов». Естественной реакцией на спекулятивное повышение цен стало стремление ограничить их рост постановлениями местной администрации. Для прекращения роста цен гласные городской думы 24 июля 1914 г. предложили следующие меры: установление фиксированной цены на хлеб и другие продукты; открытие железнодорожных путей для периодического ввоза в город продуктов сельского хозяйства. Было решено также «произвести обследование главнейших хлебных складов в городе». Таким образом, в первый период войны главным методом «борьбы со спекуляцией» являлось установление местными властями предельных цен. К началу июня 1915 года из 257 городов, опрошенных Всероссийским союзом городов, 89,1 % ввели таксы на предметы первой необходимости [24, с. 236].

В начале войны меры по регулированию роста цен принимала и центральная власть. Циркуляром министерства внутренних дел от 31 июля 1914 г. губернаторам было предложено «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости и использовать всю полноту принадлежащей им власти для борьбы со спекуляцией, нередко развивающейся на почве общественных бедствий» [24, с. 235].

Смоленский губернатор в соответствии с упомянутым циркуляром предложил уездным земским собраниям в августе 1914 г. обсудить вопрос «о принятии мер к предотвращению чрезмерного повышения цен на предметы первой необходимости». В качестве главной меры большинство собраний называли «установление обязательных постановлений по нормировке цен на предметы первой необходимости» [11, л. 9]. При этом Смоленское, Рославльское, Дорогобужское земские собрания одной из главных причин повышения цен называли проблемы с поставкой товаров по железной дороге. Гласные Рославльского уезда пришли к выводу, что «при установлении цен для уезда необходимо брать городские цены и к ним прибав-

лять стоимость провоза» [7, с. 35]. Рославльское уездное земское собрание предложило установить твёрдые цены на такие продукты, как мука, соль, керосин и иные продукты широкого потребления. Кроме того, Рославльское уездное земское собрание предложило создать комиссию из земских и городских гласных и представителей различных ведомств, «которая наблюдала бы за повышением цен» [6, с. 77].

Уездные земства высказывались за то, чтобы вопрос о регулировании цен решался губернским земством. Как отмечала Дорогобужская уездная управа, «это скорее дело губернского земства. <...> если каждое из уездных земств установит свои расценки, то может получиться, что на окраинах двух уездов, граничащих друг с другом, в рядом расположенных двух деревнях будут действовать две разные таксы» [11, л. 2].

Весной 1915 года вопросами регулирования цен в губернии заинтересовалась и местная военная администрация. 16 мая 1915 г. начальник Минского военного округа генерал Рауш-фон-Траубенберг издал постановление, согласно которому «Все владельцы расположенных в городах губерний Минского военного округа, складов оптовой торговли предметами первой необходимости, как-то: зерном, мукой, крупой, мясом, маслом, солью, сахаром, чаем, рыбой, керосином, нефтью, сеном и топливом, обязаны через каждые две недели сообщать местному городскому общественному управлению точные сведения о количестве имеющихся у них запасов означенных предметов» [17, л. 31]. Этим же постановлением запрещалось вывозить предметы первой необходимости, выписанные городскими управами, в другие регионы.

Несмотря на принятые меры, за 1 год (с июня 1914 г. до июня 1915 г.) цены на ржаную муку, гречневую крупу и пшено выросли на 45–50%, на сахарный песок и соль – на 33% [18, л. 208]. Установление предельных цен нередко приводило к тому, что торговцы просто прекращали торговлю товарами, цены на которые ограничены органами городского самоуправления.

Обращения жителей Смоленска в органы власти свидетельствуют о недовольстве введением предельных цен. Среди населения становилась всё более популярной идея реквизиции и централизованного распределения товаров первой необходимости.

Один из землевладельцев Духовщинского уезда Л.Л. Ровинский в письме в военное министерство предлагал следующие «меры по борьбе с дороговизной и толковому обустройству тыла и снабжению армии: 1) введение государственной монополии на предметы первой необходимости; 2) постепенное уничтожение частной торговли и промышленности (реквизиция излишков); 3) установление минимальной и максимальной нормы потребления; 4. создание министерства общественных работ и ликвидация туеядства» [12, л. 146].

Представитель кооперативов г. Гжатска Н.Г. Чумаков летом 1915 г. заявлял, что «от несправедливости такс страдает больше всего бедное население, так как во всех таксах цены повышаются обратно пропорционально покупаемому количеству продукта: на фунт продукта цена сравнительно гораздо больше, чем на пуд». В качестве главного средства борьбы с дороговизной собрание представителей земства и кооперативов Гжатска 28 июля 1915 г. называло «организацию общественных сил», куда должны были войти представители земства, города, кооперативов [13, л. 49].

Одной из причин невысокой эффективности регулирования цен органами городского и земского самоуправления можно считать социальный состав этих структур. Дело в том, что городское и земское самоуправление по большей части состояло из представителей обеспеченных классов. В составе Смоленской городской думы в 1916 г. насчитывалось 28 дворян, 16 купцов, 6 мещан и по одному представителю духовенства и крестьянства [15, л. 1]. Как отмечал Н.Д. Кондратьев, «по самому характеру земских и городских самоуправлений и продовольственных организаций дореволюционного времени интересы широких потребительских масс в них представлены в общем слабо» [24, с. 236].

В то же время в работе этих структур прослеживалась тенденция привлечения к решению экономических вопросов широких слоев местного населения. В начале 1916 г. Смоленская городская дума постановила создать продовольственные попечительства «для содействия смоленскому городскому самоуправлению в его деятельности по борьбе с дороговизной и обеспечению населения продуктами первой необходимости» [18, л. 152]. Продовольственное попечительство должно было организовать «надзор за соблюдением такс и правил торговли, издаваемых город-

ской управой», содействовать «городскому общественному управлению в организации карточной системы». Город был разбит на 20 районов, в каждом из которых собраниями «квартирохозяев или лиц, ими уполномоченных» избирались 10 членов районных продовольственных попечительств и 5 кандидатов. В состав попечительств могли быть избраны только жители данного района. Средства для финансирования работы районных попечительств выделяла городская управа.

Решение экономических проблем региона в годы войны стало причиной активного взаимодействия местного самоуправления и кооперативов. Большую роль в решении связанных с войной продовольственных проблем должны были сыграть продовольственные общества. Этот вид кооперативов был новым для Смоленской губернии. Большинство из них было основано в период 1907–1911 гг. К 1 января 1912 г. в Смоленской губернии действовало 16 потребительских обществ [4, с. 221], они объединяли 1885 пайщиков. Паевой капитал этих обществ составлял около 32370 руб., годовой оборот – 375000 руб. [4, с. 222].

Первая мировая война подтолкнула как к образованию новых, так и к объединению действовавших ранее кооперативов. Началось создание кооперативных комитетов и союзов кооперативов. Земские деятели принимали активное участие в формировании этих организаций. В Смоленске с начала войны действовал губернский кооперативный комитет во главе со статистиком Смоленской губернской земской управы М.А. Давидовичем. В 1915 г., по мере ухудшения экономической обстановки, кооперативные комитеты возникали и в уездах.

С юридической точки зрения это были чисто общественные организации. Однако, как было отмечено в воззвании губернского кооперативного комитета в сентябре 1915 г., «... кооперативные комитеты не являются обычными объединениями кооперативов», которые возникают для решения чисто экономических задач. По мнению организаторов кооперативного комитета в Смоленске, это были «... объединения специально военного времени», «для удовлетворения разнообразных нужд (военного) времени» [22, л. 3]. К сентябрю 1915 г. в губернии были образованы четыре уездных кооперативных комитета (в Смоленском, Сычевском, Гжатском, Поречском

уездах) [22, л. 3]. Их создание намечалось в Краснинском, Бельском, Духовщинском уездах. Вопрос о создании кооперативных комитетов решался на съезде представителей всех кооперативов уезда совместно с представителями уездных земских управ. При этом в состав кооперативных комитетов могли входить члены уездных управ и другие земские работники. Например, в Поречский кооперативный комитет в сентябре 1915 г. были избраны представитель земской кассы мелкого кредита (С.Л. Глинка), представитель уездной земской управы (А.В. Маурах), 5 представителей кооперативов уезда и 1 представитель землеустроительной комиссии [22, л. 2].

Земство оказывало значительную поддержку союзам кооперативов. Так, Сычёвское товарищество кооперативов по посредничеству в августе 1916 г. получило в земской кассе мелкого кредита заём в 130920 руб. [14, л. 16], кооперативы Юхновского уезда в феврале 1916 г. получили ссуду 31000 руб. из земской кассы мелкого кредита. Обороты бюро кооперативов уезда в июле 1916 г. достигли 100000 руб. [22, л. 170].

Поддержку кооперативам оказывало и городское самоуправление. С сентября 1915 по март 1916 года Смоленская городская управа передала Смоленскому обществу потребителей товаров на сумму 23310 руб. [19, л. 32]. Управа распределяла через кооператив сахар, соль, муку, макароны. В конце 1916 г. масштабы финансовой поддержки кооперативов со стороны городского самоуправления увеличились. Смоленская городская дума 9 ноября 1916 г. постановила ассигновать Первому смоленскому городскому обществу потребителей 15000 руб., остальным кооперативам – по 4000 руб. [23, л. 25].

В конце 1915 г. в экономической политике органов местного самоуправления по обеспечению продовольственной безопасности начался новый этап. Связано это, во-первых, с появлением новых способов регулирования экономики (организация закупки продовольствия земством), во-вторых – с попыткой создания общероссийской организации для регулирования экономики (Особое совещание по продовольствию). Первые меры по закупке товаров первой необходимости были предприняты Смоленским земством ещё в декабре 1915 г., когда был заключён договор с Южно-русским солепромышленным обществом на поставку 1 400 000 пудов

соли. Губернская управа закупала соль по цене 18 коп. за пуд, тогда как твердая цена, установленная правительством, составляла 21 коп., а «вольные цены на рынке доходили до 30 коп.» [8, л. 7].

В течение 1916 г. в губернию поступило более 1,2 млн. пудов соли. Как было отмечено в докладе продовольственного отдела губернской управы, этот договор «лишил спекуляцию всякой почвы» [8, л. 7]. Закупка сахара губернской управой позволила снизить цены на этот товар по сравнению с другими губерниями. В июне 1916 г. фунт сахарного песка в Могилёвской губернии стоил 40–45 коп., а в граничащем с ней Краснинском уезде Смоленской губернии – 19–20 коп. Таким образом, губернскому земству удалось наладить снабжение региона сахаром и солью.

Однако все эти операции проводились земством самостоятельно, без контроля со стороны центральной власти. Сложнее обстояла ситуация со снабжением губернии хлебом. После создания Особого совещания по продовольствию заготовка и распределение хлеба для населения находились под контролем уполномоченных по продовольствию. Правила о местных уполномоченных председателя особого совещания по продовольственному делу от 25 октября 1915 г. ограничивали право закупок, обязывая закупать продукты для населения потребляющих губерний только через уполномоченных министерства земледелия по заготовкам для армии. Однако уже в январе 1916 г. выяснилось, что действия уполномоченных по продовольствию далеко не всегда могут быть эффективными. На губернском собрании в феврале 1916 г. было отмечено, что «ассигнование правительственных средств уполномоченному затягивается», вследствие чего невозможно было организовать закупочную операцию. Поэтому губернской земской управе пришлось взять на себя дело решения продовольственного вопроса и «ассигновать на закупочную операцию 100000 руб. из наличных средств». Осуществлением закупочной операции в производящих губерниях занимались «разъездные агенты» губернского земства, число которых к январю 1917 г. достигло 9 [8, л. 10]. Отличительной особенностью экономической политики Смоленского земства в этот период стало фактическое слияние деятельности губернского уполномоченного по продовольствию и губернской упра-

вы. В продовольственный отдел губернской управы была включена канцелярия уполномоченного председателя особого совещания по продовольственному делу [8, л. 9].

К февралю 1916 г. стало ясно, что «ведение закупочной операции исключительно через уполномоченных по заготовкам хлеба для армии, как это обнаружилось из опыта продовольственного отдела губернской земской управы, представляется невозможным». С февраля по сентябрь 1916 г. при посредничестве уполномоченных из 550 вагонов пшеничной и ржаной муки, заказанной губернским земством, удалось получить только 58 [8, л. 8]. Уполномоченные по продовольствию в производящих губерниях рассматривали в качестве приоритетных только заказы для армии. Продовольственная комиссия при Смоленской городской управе отмечала в августе 1916 г., что операции по закупке товаров первой необходимости затрудняет запрет вывоза из южных регионов: «мы получаем наряды с южных дорог, делаем закупки, а уполномоченные юга (по продовольствию) не выпускают продукт» [20, л. 7]. Был запрещен также «вывоз всякого рода хлебных продуктов из губерний, входящих в район боевых действий» [17, л. 21]. В результате Смоленская губерния лишилась возможности ввозить продовольствие из Киевской, Черниговской и других южных губерний.

Запрет вывоза продовольствия из южных губерний особенно негативно отразился на снабжении городского населения. Доставка хлеба в губернский центр затягивалась на месяц и более. Например, закупленные в июне 1916 г. Смоленской городской управой 22 вагона пшеничной муки не были получены в губернии даже в сентябре, при этом 10 вагонов из 22 были конфискованы уполномоченным по продовольствию в Таврической губернии [18, л. 26]. Не лучше обстояло дело и с доставкой товаров, выписанных губернской земской управой. На 1 сентября 1916 г. из 210 вагонов пшеничной муки, которые должен был отправить в губернию по наряду уполномоченный Войска Донского, было доставлено только 22 вагона. От уполномоченных Одесского военного округа, Тамбовской и Самарской губерний, а также от уполномоченного района Московско-Казанской железной дороги губернская управа получила отказ [8, л. 6].

Организации снабжения губернии препятствовало также отсутствие бюджетных средств. Максимальная сумма, которой мог

располагать продовольственный отдел губернской земской управы до февраля 1917 г. – не более 400 тыс. руб. [8, л. 15]. В докладе продовольственного отдела в начале 1917 г. было отмечено, что для эффективной организации снабжения губернии продовольствием месячный бюджет отдела должен составлять примерно 2,6 млн. руб.

Для решения проблемы снабжения региона земское и городское самоуправление были вынуждены обращаться за помощью к центральной власти. Всего к февралю 1917 г. органы земского и городского самоуправления получили от Особого совещания по продовольствию и министерства внутренних дел 1,6 млн. руб. При этом в феврале 1917 г. земские и городские управы Смоленской губернии ходатайствовали о получении еще 442 тыс. руб. [8, л. 17]. Особое совещание по продовольствию финансировало в основном городские управы, министерство внутренних дел – уездные. Городскими управами Смоленской губернии к февралю 1917 г. было получено 585000 рублей. Наибольшие субсидии получили управы самых крупных городов губернии – Смоленская, Вяземская, Рославльская. Меньше всего запросила Духовщинская городская управа (5000 руб.).

Финансовая помощь, полученная земскими управами Смоленской губернии от МВД «на продовольственную операцию», была почти в 2 раза больше. Самые большие субсидии от центральной власти получили Сычевская (300000 руб.) и Дорогобужская (125000 руб.) земские управы. Смоленская, Духовщинская, Рославльская и Ельнинская земские управы получили по 100000 руб. [8, л. 17]. Все уездные управы Смоленской губернии получили от МВД «на продовольственную операцию» чуть более 1 млн. руб. Однако даже при финансовой поддержке со стороны центральной власти местное самоуправление не могло преодолеть последствия продовольственного кризиса.

В докладе продовольственного отдела было отмечено, что эффективное регулирование экономики возможно только на общегосударственном уровне. Снабжение потребляющих регионов продовольствием, прежде всего хлебом, было затруднено «вследствие полного расстройств железнодорожного движения» и «невыполнения нарядов (по доставке грузов) уполномоченными по продовольствию» [8, л. 18]. С октября

1916 по февраль 1917 г. в губернию было ввезено 1500 вагонов ржи и ржаной муки, тогда как ежемесячная потребность, по подсчётам продовольственного отдела губернской управы, составляла 600 вагонов.

Трудности в снабжении армии и населения стали причиной того, что указом от 29 ноября 1916 г. правительство вынуждено было принять более жесткие меры для изъятия продовольствия и перейти к продразверстке. Первоначально продразверстка даже земством воспринималась «как мера справедливого распределения хлеба среди населения» [8, л. 19]. Как было отмечено в обращении главного комитета Всероссийского Земского союза к губернским управам, «стихийное распределение продуктов, построенное на началах свободной торговли, не может обеспечить равномерного снабжения продуктами первой необходимости всех местностей страны» [8, л. 20]. Распределение количества изымаемого хлеба между уездами возлагалось на губернскую земскую управу и уполномоченного председателя особого совещания по продовольственному делу, а так же на уполномоченных министерства земледелия. Расчет за сданное государству зерно и фураж должен был производиться по твердым ценам.

Вопрос о возможном введении продразверстки в обсуждался в Смоленске на чрезвычайном губернском земском собрании 7 декабря 1916 г. Собрание просило «исключить Смоленскую губернию из развёрстки ржи» [10, л. 39]. Основанием этой просьбы послужил «неудовлетворительный урожай» в 1916 году. Кроме того, за годы войны сокращались площади посевов вследствие недостатка рабочих рук. Площади посевов проса в 1916 г. по сравнению с 1909–1913 гг. сократились на 12,7%, посевов гречихи за тот же период – на 11,3% [8, л. 18]. По данным земской статистики, губерния нуждалась во ввозе около 7 миллионов пудов ржи и ржаной муки. Несмотря на это, председателям уездных управ под давлением губернатора пришлось разработать план по развёрстке овса. При этом основная нагрузка должна была лечь на крестьянские хозяйства. По данным земской статистики, площадь, засеянная овсом на крестьянских землях в 1916 г., составляла 192018 десятин, а частновладельческих – 17220 десятин [10, л. 58].

В первые месяцы после Февральской революции произошло расширение полномо-

чий местного самоуправления в деле регулирования экономики. Законом от 25 марта 1917 г. в стране вводилась государственная монополия на хлеб. Задача осуществления закона на местах была возложена на органы местного самоуправления. По новому закону, «всё дело организации сельскохозяйственного производства в 1917 г. должно быть сосредоточено в ведении губернских, уездных и волостных продовольственных комитетов» [9, л. 11].

Основой для создания продовольственных комитетов должны были стать земства. Однако на местах формирование продовольственных комитетов осуществлялось под контролем Советов крестьянских депутатов. Как отмечал Н.Д. Кондратьев, «медленно организующиеся, недостаточно подготовленные по своему составу, часто сменяемые населением и иногда не признающие самой монополии, эти органы были явно бессильны провести монополию в том духе, как того требовал закон» [24, с. 209].

Кроме того, осуществлению мер по борьбе с дороговизной препятствовала коррупция в переизбранных демократизированных земствах. В докладе ревизионной комиссии Ельнинскому уездному земскому собранию о деятельности продовольственного отдела в 1917 г., было отмечено, что «управой никаких книг прихода и расхода продуктов не ведётся». Земские служащие злоупотребляли служебным положением при распределении продуктов первой необходимости: «продукты отпускались по запискам лиц, служащих в канцелярии управы» [21, л. 276].

Осенью 1917 г. население отдельных уездов начало осуществлять решение продовольственного вопроса «явочным порядком», в обход созданных государством и земским самоуправлением структур. В конце 1917 – начале 1918 г. закупочные операции «явочным порядком» начали осуществлять не только уездные, но и созданные в октябре – ноябре 1917 г. волостные земства.

Последний председатель губернской земской управы А.И. Сигирский отмечал, что в начале 1918 г. для снабжения губернии доставало 10443000 пудов хлеба (без учёта потребностей Смоленска) [5, с. 44]. Наибольший дефицит отмечался в Бельском, Рославльском, Юхновском уездах. В своем докладе он говорил о необходимости ввоза в губернию 12059000 пудов хлеба. Для срав-

нения: зерна и «мучных продуктов» в 1907 г. в губернию было ввезено 9,2 млн. пудов, в 1908 – 12,5 млн. пудов, в 1909 – 12 млн. пудов [4, с.107]. Дефицит хлеба население компенсировало использованием других продуктов. А.И. Сигирский отмечал, что «в восточных уездах хлеб заменяется, главным образом, льняными жмыхами, в западных – картофелем и овсом». При этом в конце 1917 – начале 1918 гг. отмечается резкое сокращение ввоза хлеба в губернию. В августе 1917 г. было ввезено 129 вагонов, в сентябре – 181 вагон, в октябре – 196, в ноябре – 227, в декабре – 78, в январе – 66 [5, с.45]. Нетрудно догадаться, что одной из главных причин сокращения ввоза продовольствия стал политический кризис октября 1917 г.

После захвата власти большевиками контроль над продовольствием фактически перешёл к советам, хотя губернский продовольственный комитет формально продолжал действовать. В первые дни после октябрьского переворота советская власть применила радикальные меры для осуществления хлебной монополии и решения продовольственного вопроса. Смоленский Совет рабочих и солдатских депутатов «опечатал магазины купцов Павлова, Тураева и др., чтобы имеющуюся в них мануфактуру обменивать на хлеб» [5, с. 49]. 28 января 1918 г. губернский продовольственный комитет заявил о «сложении с себя ответственности за дальнейшее

положение продовольствия в губернии ввиду вмешательства совдепа» [5, с. 44].

Органы местного самоуправления сделали значительную работу по организации снабжения населения продовольствием в условиях Первой мировой войны. Губернскому земству и городскому самоуправлению удалось наладить снабжение губернии сахаром и солью даже в условиях железнодорожного кризиса 1916 г. Сложнее обстояло дело с доставкой в губернию хлеба. При решении этой проблемы проявились экономические противоречия производящих и потребляющих зерно регионов. В результате местное самоуправление и военная администрация производящих продовольствие регионов вынуждены были запрещать вывоз хлеба. По мнению некоторых современных исследователей, «подлинной причиной падения царизма был межрегиональный конфликт» [25, с. 198].

В то же время, в 1914–1917 гг. в деятельности органов местного самоуправления по обеспечению продовольственной безопасности Смоленской губернии проявились прогрессивные черты. Увеличились объемы финансовой помощи кооперативам. Было налажено более тесное сотрудничество структур местного самоуправления и губернской администрации. В конечном итоге решение экономических вопросов в годы войны стало невозможно без привлечения земского и городского самоуправления.

Библиографический список

1. ПСЗРИ, Т. X.
2. ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. XII.
3. Известия по делам земского и городского хозяйства. № 11. – Пг., 1915.
4. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. – Смоленск, 1912.
5. Журналы 53 очередного Смоленского губернского земского собрания. – Смоленск, 1918.
6. Журналы 50 очередного Рославльского уездного земского собрания за 1914 год с приложениями. – Рославль, 1914.
7. Журналы чрезвычайного рославльского уездного земского собрания. 27 сентября 1914 года. – Рославль, 1914. – С. 35.
8. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 7. Оп. 3. Д. 14.
9. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 16.
10. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 142.
11. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 146.
12. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 147.
13. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 371.
14. ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 1727.
15. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1453.
16. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1507.
17. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1571.
18. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1578.
19. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1581.
20. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1649.
21. ГАСО. Ф. 315. Оп. 2. Д. 199.
22. ГАСО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1142.
24. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1991.
25. Мацузато К. и др. Земский феномен: политологический подход. – Саппоро, 2001.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

*Сергею Сергеевичу
Артоболевскому –
60 лет!*

В январе 2013 г. исполнилось 60 лет со дня рождения доктора географических наук, заведующего отделом социально-экономической географии Института географии РАН **Сергея Сергеевича Артоболевского**.

Он родился 23 января 1953 г. в Москве в семье научных работников. Его отец, Сергей Иванович – известный ученый в области теории машин и автоматов, профессор, зав. кафедрой в Московском энергетическом институте, его дядя, Иван Иванович – выдающийся учёный в области теории машин и механизмов, академик АН СССР, известный общественный деятель.

Несмотря на то, что Сергей Сергеевич вырос в семье крупных специалистов в области инженерии, он после окончания английской школы в 1969 г. поступил на географический факультет МГУ, где выбор его пал на кафедру экономической и политической географии капиталистических и развивающихся стран. Под руководством Н.М. Польской он стал специализироваться по Великобритании – первом и любимом объекте его научных исследований в социально-экономической географии.

После окончания географического факультета в 1974 г. Сергей Сергеевич поступил на работу в Институт географии АН СССР (ныне – РАН) – единственное место его основной трудовой деятельности уже на протяжении почти сорока лет.

Спустя 8 лет после зачисления в институт Сергей Сергеевич защитил под руководством Я.Г. Машбица и А.П. Горкина кандидатскую диссертацию на тему «Сдвиги в производственно-территориальной структуре обрабатывающей промышленности Великобритании как старопромышленной страны в условиях НТР».

Продолжая исследования в области региональной политики, в 1992 г. Сергей Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Региональная политика в Европе: теоретические методические и прикладные аспекты». В 1996 г. он стал заведующим отделом социально-экономической географии Института географии РАН.

Научную деятельность Сергей Сергеевич всегда сочетает с большой общественной и экспертной работой. Его предложения по организации российской региональной политики были использованы при подготовке ряда документов аналитическим управлением Администрации Президента России, различными министерствами и ведомствами федерального уровня. Немало полезных идей было им предложено органам управления субъектов федерации и для совершенствования развития регионов России. Он является одним из ведущих экспертов по региональной политике России.

С начала 1990-х годов, когда появилась возможность свободного выезда за рубеж, Сергей Сергеевич активно включился в международную деятельность, включающую сотрудничество со специалистами из университетов Великобритании, Нидерландов, Германии, Бельгии, Венгрии, Польши и др. стран, выступление в качестве организатора нескольких международных проектов, ряда российских и международных совещаний. Он читал лекции в более чем 20 университетах Европы, является членом редколлегий двух международных журналов.

Сергей Сергеевич стоял у истоков создания журнала «Региональные исследования», обеспечивая поддержку со стороны Института географии РАН, который является соучредителем издания. В последние годы Сергей Сергеевич был инициатором создания нового журнала на английском языке «Regional Research of Russia», который публикует статьи по общественной географии, региональной экономике, социологии и другим региональным исследованиям – переводы статей из ведущих профильных отечественных журналов.

Сергей Сергеевич удивительным образом сочетает в своей научной и педагогической работе, напряженной административно-организационной деятельности принципиальность и твердость характера с мягким, доброжелательным, интеллигентным отношением к коллегам и ученикам. Редколлегия журнала и все, кто испытал на себе человеческое обаяние светлой личности Сергея Сергеевича Артоболевского, поздравляют его с юбилеем и желают ему здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей науки.

Друзья и коллеги

*Поздравляем Сергея Сергеевича
с 60-летием, желаем крепкого здоровья
и дальнейшей плодотворной работы
на благо нашей науки!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Ирина Викторовна – аспирантка Уральского государственного педагогического университета.
E-mail: abrosimova45@mail.ru

Бадов Александр Даурбекович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической, социальной и политической географии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Гордиенко Надежда Михайловна – аспирантка кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. E-mail: nadejdagordienko@mail.ru

Глушкова Вера Георгиевна – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и экономической географии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: kre@fa.ru

Дегтева Жанна Федоровна – инженер учебно-научной лаборатории ландшафтоведения кафедры Северо-Восточного федерального университета (Якутск). E-mail: laburb@mail.ru

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета. E-mail: eremin.alexey@mail.ru

Забелин Павел Викторович – аспирант Смоленского государственного университета.

Завьялова Ольга Георгиевна – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Курганского государственного университета. E-mail: kaf_bgd@rambler.ru

Королева Екатерина Юрьевна – аспирантка кафедры финансов Смоленского гуманитарного университета, старший преподаватель кафедры менеджмента Смоленского филиала РГТЭУ.

Корнев Иван Николаевич – кандидат географических наук, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии и методики обучения географии Уральского государственного педагогического университета.
E-mail: kornev_in@mail.ru

Лучников Андрей Сергеевич – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета.
E-mail: aluchnikov@yandex.ru

Менщикова Лариса Викторовна – ведущий инженер Курганского филиала ФБУ «Территориальный фонд геологической информации по Уральскому федеральному округу». E-mail: larissavik@inbox.ru

Михайлов Константин Леонидович – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики Международного «Института управления», г. Архангельск.

Михайлова Галина Викторовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, г. Архангельск.

Нагирная Анастасия Викторовна – кандидат географических наук, младший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН. E-mail: anastassia_n@mail.ru

Потапенко Мария Владимировна – аспирантка кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: maria.potapenko@gmail.com

Рябов Юрий Владимирович – младший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института экологической безопасности РАН; аспирант факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: riabovvv@gmail.com

Тархов Сергей Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.
E-mail: tram.tarkhov@gmail.com

Урманов Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала Кубанского государственного университета в г. Кропоткине. E-mail: dv_@list.ru

Холина Вероника Николаевна – кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: vkholina@gmail.com

Хорева Ольга Борисовна – кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой управления развитием территорий и регионалистики факультета государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. E-mail: ohoreva@hse.ru

Чаплинский Павел – доктор географии Института географии и региональных исследований Поморской Академии в Слупске, Республика Польша. E-mail: somma@o2.pl

Шарыгин Михаил Дмитриевич – доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: seg@psu.ru

Шарый Вячеслав Иванович – кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.
E-mail: shariy@i.ua

Шолудько Александр Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: vkholina@gmail.com

Эм Павел Павлович – младший научный сотрудник, аспирант отдела социально-экономической географии Института географии РАН. E-mail: paveldreamer@gmail.com

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция